

ХЕЙНЕ БАККЕЙД

18+

ЗАВТРА Я БУДУ СКУЧАТЬ ПО ТЕБЕ

Книга издается в 11 странах мира

Annotation

Неподалеку от маленького норвежского городка Трумсё, на безлюдном острове с маяком бесследно исчезает молодой человек по имени Расмус. Его родители обращаются за помощью к бывшему специалисту по полицейским допросам Торкильду Аске, с просьбой найти их сына. Торкильд недавно вышел из тюрьмы, где провел три года за непреднамеренное убийство. Он зависим от лекарственных препаратов, и пребывает далеко не в лучшем состоянии. С большой неохотой Торкильд отправляется на маяк.

Безлюдный остров накрыт полярным штормом, и холодные северные волны выносят на скалистый берег тело. И это не Расмус, а неизвестная девушка без лица. Торкильд Аске понимает, что он не один на острове, когда из бушующей воды выходит некто в водолажном костюме и забирает тело обратно в море...

- [Хейне Баккейд](#)
 -
 - [Среда](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Четверг](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Пятница](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Суббота](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)

- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Воскресенье](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
- [Понедельник](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [Глава 36](#)
 - [Глава 37](#)
 - [Глава 38](#)
 - [Глава 39](#)
 - [Глава 40](#)
 - [Глава 41](#)
- [Вторник](#)
 - [Глава 42](#)
 - [Глава 43](#)
 - [Глава 44](#)
 - [Глава 45](#)
 - [Глава 46](#)
 - [Глава 47](#)
 - [Глава 48](#)
 - [Глава 49](#)
 - [Глава 50](#)
 - [Глава 51](#)

- [Глава 52](#)
 - [Глава 53](#)
 - [Среда](#)
 - [Глава 54](#)
 - [Глава 55](#)
 - [Глава 56](#)
 - [Глава 57](#)
 - [Глава 58](#)
 - [Глава 59](#)
 - [Глава 60](#)
 - [Глава 61](#)
 - [Глава 62](#)
 - [Глава 63](#)
 - [Глава 64](#)
 - [Глава 65](#)
 - [Глава 66](#)
 - [Четверг](#)
 - [Глава 67](#)
 - [Глава 68](#)
 - [Глава 69](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)

- [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)
 - [37](#)
 - [38](#)
 - [39](#)
 - [40](#)
 - [41](#)
 - [42](#)
 - [43](#)
 - [44](#)
 - [45](#)
 - [46](#)
 - [47](#)
 - [48](#)
 - [49](#)
 - [50](#)
 - [51](#)
 - [52](#)
 - [53](#)
 - [54](#)
-

Хейне Баккейд

Завтра я буду скучать по тебе

*Бывают дни, когда не видишь, что горы всё ещё
стоят.*

*Приходят часы, когда всё ускоряется у линии
прилива вдоль чёрных пляжей.*

Моменты, когда каждый – незнакомец.

Херब्ёрг Вассму

Семь минут

В три минуты шестого приходит раскаяние. Меня охватывает паника, пока я задыхаюсь и хватаю ртом воздух. Тело дрожит, меня трясёт, я размахиваю ногами, чтобы освободиться, но это не помогает.

Проходит две минуты, и отчаянные попытки сделать вдох наконец прекращаются. Я понимаю, что кислород мне больше не нужен. Я просто вишу в верёвке и прислушиваюсь к тому, как постепенно, орган за органом, отключается мой организм.

Пять минут, слышен громкий плеск воды о напольную плитку под ногами. Из горла вырывается хриплый вой, а слёзы, смешиваясь с горячим паром, катятся по щекам и попадают в водосток, унося с собой всё то, что от меня осталось. Мне холодно.

А потом появляется она. Прямо передо мной, такая же бледная, как эта комната. Мне хочется смеяться, плясать от радости, увидев её снова. Я пытаюсь открыть рот, чтобы дать ей знать об этом, чтобы рассказать, какое это счастье – чувствовать. Но случается другое: раздаётся треск, и через секунду я лежу на полу. Вода из тюремных душей оmyвает моё лицо, а чёрная стрелка настенных часов завершает ещё один оборот.

Десять минут шестого.

Среда

Глава 1

Ставангер – город мягких собачьих мин. Они будто растут мерзкими грибами из асфальта, окрашивая дорогу всеми оттенками поганого коричневого цвета.

Перешагнув через очередной такой «гриб», я устремляюсь по Педерсгате в центр города. Мой путь лежит в службу занятости населения. Раньше эти службы размещались в офисах открытого типа. Там были цокольные этажи, а окна выходили на Клубгате и на городской пруд. Благодаря такому местоположению прохожие могли беспрепятственно пялиться на безработных неудачников. Те в отчаянии прятались от соседей и знакомых за зарослями искусственных цветов, ширмами и абажурами, в то же время пытаясь объяснить причины, по которым потеряли работу. С тех пор, как я последний раз был в городе, служба успела сменить название и адрес, так что теперь сцены из жизни городских бездельников можно было наблюдать в более привычных интерьерах.

Я беру талончик электронной очереди и сажусь на красный диван. В комнате нет окон, и кажется, что кислород уже кончился. Мы в своеобразном бункере: в воздухе висит запах пота и грязных носков, от посетителей исходит терпкий запах тунеядства. Он проникает в ноздри, как только переступаешь порог. Несмотря на толпу, в помещении стоит практически звенящая тишина. Ее нарушают разве что смущенные вздохи и эпизодическое постукивание по клавиатуре.

– Тридцать восьмой!

Из-за двери показывается женщина-соцработник и обводит приемную пристальным взглядом. Как только я подхожу достаточно близко, она спешит пожать мне руку и пропускает в кабинет.

– Меня зовут Ильяна, – произносит она с сильным восточноевропейским акцентом и опускается в офисное кресло. – Прошу вас, присаживайтесь.

– Благодарю, – отвечаю я и тоже сажусь.

У Ильяны пышные тёмные волосы, подобранные сзади заколкой. На ней серое платье с крупными черными пуговицами, как на старых плюшевых игрушках.

– Чем я могу вам помочь?

Я диктую ей дату своего рождения и идентификационный номер. Она вбивает данные в компьютер.

– Торкильд Аске?

– Да, это я.

– А вы уже встали на учет на бирже труда?

– Нет.

Я протягиваю ей письмо от соцработника ставангерской тюрьмы. Ильяна читает его при свете монитора, наклонившись к рабочему столу. Закончив, она расплывается в широкой улыбке. У нее маленькие зубы, неестественно маленькие, будто детские, а глаза такого же серого цвета, как и платье.

– Так-так, Торкильд, – произносит она, сложив руки на коленях, – тюремный соцработник пишет, что вы решили принять участие в программе по социализации бывших заключенных. Это очень хорошо, – она снова улыбается, особенно выделив слово «хорошо».

Я киваю:

– Да-да, я уже посетил социальную службу, мне помогли найти жильё, выдали направления к психиатру и участковому, подсказали контакты нужных учреждений. Они – настоящая группа поддержки! Теперь мне есть с кем обсудить прошлое и с кем планировать будущее, чтобы наконец-то покончить со своими криминальными наклонностями. Раз уж на то пошло, думаю, я на пути к полной реабилитации!

Ильяна не замечает иронии в моих словах и разворачивается к монитору:

– Вы закончили полицейскую академию, – говорит она, прокручивая вниз досье. – Сначала рядовой, затем сержант и, наконец, перешли в прокуратуру, где в итоге стали уполномоченным по надзору за деятельностью полиции...

Она в нерешительности проводит кончиком языка по передним зубам и снова обращает взгляд на меня, уже переменившись в лице.

Я играю на опережение:

– Именно так – полиция, следящая за полицией.

– Понятно. Ну что, тогда попробуем снова устроить вас туда? Как только вы придете в форму, разумеется.

– Лишен звания, – с улыбкой произношу я и вновь ощущаю болевые позывы в щеках и диафрагме. Кроме того, в горле жутко пересохло и стало трудно говорить.

– То есть как?..

Я открываю бутылку с водой и жадно пью в надежде, что от этого станет легче.

– По приговору суда мне запрещено работать в полиции.

– И сколько продлится этот запрет?

– До самой смерти, – отвечаю я, закручиваю пробку и ставлю бутылку на пол, рядом со стулом. По коже лица пробегает мелкая дрожь, и я чувствую, как скоро она перерастет в дикую пульсирующую боль, – и еще немного после нее.

– И чем вы, в таком случае, собираетесь заниматься?

– Вот я как раз и надеялся, что вы мне с этим поможете. – Снова поднимаю бутылку и сжимаю в руках. Головная боль, дурной запах, яркий свет, отсутствие кислорода в воздухе и необходимость сидеть и разговаривать с совершенно незнакомым госслужащим – всё это совершенно выводит меня из себя. Мне срочно нужно остаться одному, в какой-нибудь комнате без отражающих поверхностей. И тем не менее я понимаю, что должен завершить начатое. Ульф утверждает, что другого пути нет.

Ильяна опять изучает письмо, а затем оборачивается к монитору.

– В письме сказано, что вы запрашиваете социальное пособие, пока проходите реабилитацию.

Я киваю:

– Пока не вполне ясно, насколько я работоспособен после случившегося «инцидента», – я рисую в воздухе кавычки. – Тем не менее мы вместе с моими тьюторами, тюремным соцработником, сотрудниками больницы, капелланом, лечащим врачом, психологом и моим другом психиатром решили, что я во что бы то ни стало постараюсь вернуться к трудовой жизни.

– Инцидент? Я не совсем поняла...

– А разве в письме не сказано? – я указываю пальцем на нужную строку. – «Гражданин Торкильд Аске произвел попытку повешения на трубе общественного душа после нескольких месяцев заключения». Скажу больше, это было в разгар рождественских каникул.

– Как же... – от неожиданности у нее дрожит голос, – и чем всё закончилось?..

– Труба не выдержала.

Ильяна смотрит на меня так, словно в любую секунду я могу на нее напасть, а то и покалечить себя самого, воспользовавшись, например, пластиковым бананом из миски на ее письменном столе.

– Хорошо... – в ее голосе звучит сомнение. Она глубоко вдыхает и откашливается. – А вы не думали получить другую специальность?

– И кем я стану? – я снова сжимаю бутылку, пока из нее не начинает капать вода. Она стекает на пол по моим пальцам. – Мне сорок четыре, и у

меня черепно-мозговая травма. Кем я стану, инженером-нефтяником? Биржевым маклером? А может, медбратом-стоматологом?

Украдкой взглянув на часы в правом углу экрана, Ильяна с вернувшейся бодростью духа сообщает:

– Предлагаю дождаться результатов рассмотрения вашей заявки на пособие. Ну а пока мы можем подыскать для вас различные варианты возвращения к трудовой жизни. Не в полиции, разумеется. – Она снова что-то печатает, листает письмо и печатает еще, после чего довольная поворачивается ко мне. – Что вы думаете насчет работы в колл-центре?

Глава 2

Решаю попробовать заесть боль в щеках и диафрагме и покупаю сэндвич в кафе возле центра занятости. Затем я направляюсь вверх по Хоспиталгата и дальше, через Педерсгата, к дому, в котором получил комнату с помощью тюремной соцслужбы. В моем почтовом ящике лежит каталог мебели и конверт на моё имя. Я знаю, что лежит в конверте. Всё как обычно. Единственное, что меняется, – это возраст детей. Они растут, а их лица никогда не бывают одинаковыми. На самых первых фотографиях, вырезанных из газет и каталогов, были личики младенцев. Поначалу она посылала еще и вырезки детских кроваток, погремушек, бутылочек и молокосборников.

Я забираю конверт и каталог, поднимаюсь к себе и запираюсь в квартире изнутри. Почту я кладу на стол, стоящий между двухместным диваном и пустой телетумбой. Иду на кухню и достаю дозатор для таблеток из шкафчика над плитой. Открываю ячейку, высыпаю содержимое срединного контейнера себе в ладонь и запиваю глотком воды из бутылки. После этого включаю кофеварку и сажусь на диван с конвертом в руках.

На этот раз в нем две вырезки. На первой – мальчик семи-восьми лет со слегка выющимися каштановыми волосами. Он одет в яркую футболку, на которой нарисована плавающая у рифов рыба в шляпе и с трубкой. Снизу значится текст: «Одежда для игр и активных забав – джинсы, брюки, футболки, куртки и многое другое. Яркие и ноские наряды каждого ребенка».

На следующей вырезке – девочка того же возраста. На ней розовая куртка с воротником из искусственного меха, тесные брюки и нарядная футболка в тон. «У нас есть джинсы на каждый день! Практичная одежда для активных игр, праздничные наряды и любая повседневная одежда».

Я аккуратно засовываю вырезки обратно в конверт. Перед тем как откинуться на спинку дивана и закрыть глаза, я толкаю конверт вместе с мебельным каталогом на другой край стола.

Раздается телефонный звонок.

– Ну и? – спрашивает грубый мужской голос с типичным бергенским выговором. Тот, кому он принадлежит, жадно, почти с порнографическим наслаждением, затягивается сигаретой. Ульф Сульстад – психиатр и куратор моей только что созданной группы психологической поддержки. – Как прошла встреча?

Я познакомился с Ульфом, когда сидел в ставангерской тюрьме, где тот отбывал восемнадцать месяцев за вымогательство, что, впрочем, едва ли отрицательно сказалось на его клиентской базе. Напротив, среди состоятельных горожан с проблемами он стал еще более востребованным после выхода из тюрьмы.

– Прекрасно, – кисло отвечаю я. – Мне, очевидно, уготована блестящая карьера оператора колл-центра.

– Рассла-а-бься, – Ульф неестественно тянет звук «а», даже для уроженца Бергена, – просто терпи и исполняй все процедуры этой запутанной программы, которую они создали для таких, как ты. В этом и заключается смысл: отсеять тех, кто недостаточно силён. Я обещаю, что как только мы добьёмся для тебя пособия по безработице, там уж ты и в люди выйдешь. А пока – радуйся своей страховке.

– Что?

– Слушай, – резко отвечает Ульф, пока я кручусь на диване в поисках бутылки с водой, – я польщён, что ты захотел видеть меня куратором своей группы, и обещаю сделать, что могу, чтобы ты зажил той жизнью, какой хочешь жить, Торкильд. – Я слышу, как потрескивает его сигарета.

– Мне нужен оксазепам, – говорю я и животной хваткой вцепляюсь в бутылку с водой. – Скоро он закончится. Кстати, надо поднять дозу оксикодона.

– Боль стала хуже?

– Да, – отвечаю я, – а еще у меня в ногах судороги при ходьбе.

– Может быть, нам лучше посмотреть, что там с дозировкой нейронтин?

– Нет, – я хлопаю себя по щеке и прижимаю указательный палец к поврежденной коже. Лицо опять начинает жечь от боли, – из-за него у меня страшная мигрень. И из-за rispеридона. Я их не переношу.

– Торкильд, ну мы же говорил об этом. Нейротин – это препарат от нервной боли. Тебе, скорее всего, придется принимать его до конца жизни. Рисперидон – это антипсихотик, и он тебе всё еще нужен, в наивысшей степени. С бензодеазепинами всегда так – люди думают, что их нужно принимать больше. Потому что они снижают тревогу, как и оксикодон. Это всегда так, но они вызывают зависимость, и ты это знаешь. Уж если снижать дозу, то начнем с них и постепенно будем смотреть, как ты приводишь себя в порядок, будучи на свободе, хорошо?

– У меня бессонница, – фыркаю я и пяткой толкаю почву на пол с края стола. Я знаю, что он прав, и это меня раздражает.

– Да, бессонница, – спокойно отвечает Ульф, – поэтому я и выписал

тебе саротен. – Он тяжело откашливается и продолжает: – Ты ведь принимаешь их все, да?

– В смысле?

– Таблетки. Ты их пьешь?

– Конечно.

– А рисперидон?

– Да.

– Ты же понимаешь, что он тебе нужен?

– Да, понимаю, – бубню я в ответ.

– Прекращай! – обрывает меня Ульф. – Я не твой чертов тюремный священник с сутулой спиной, который пытается выбить тебе квоту на небесах. – У него снова одышка. Я нарушил его ритуал курения, и теперь ему придется зажечь новую сигарету, как только докурит эту до фильтра.

– Он сказал, что я – пчела без цветов.

– Кто сказал?

– Священник.

– Ты шутишь?

– Нет.

Ульф зажигает новую сигарету и тяжело вздыхает в трубку.

– Расскажи, что там было. Сделай мне приятное.

Решаю доставить Ульфу удовольствие, пока он курит, и рассказываю:

– Я пчела, живущая в мире без цветов, и моя задача – верно распорядиться своим временем, пока не пришла зима.

– Зима? – он выпускает дым и начинает дышать так, словно выполняет дыхательные упражнения. В каждом его вдохе и выдохе я слышу благодарность.

– Зима, которая рано или поздно накроет наши жизни, – я продолжаю рассказ и чувствую, как расслабляются мои мускулы. Я откидываюсь на спинку дивана, и облокачиваюсь на подушки. Эффект от хороших таблеток растворяет боль, и она проходит.

– Да ты издеваешься надо мной, я же вижу. Просто скажи, что ты шутишь. Торкильд?

– Нет, я не шучу. Так волны бьются о скалы: шшш... уууух. Шшш... уууух.

– Худшее из того, что я слышал: шшш... ууух. Возьму на вооружение.

– На здоровье! Послушай... – я уже хотел было продолжить, но Ульф меня прерывает: – Кое-кто хочет с тобой поговорить. Вы знакомы. В прошлом.

Он мнется в нерешительности, как будто еще не уверен, стоит ли мне

рассказывать об этом, не получив согласия от остальных участников этой ситуации.

– О ком ты?

– Дядя той самой Фрей, – наконец отвечает Ульф и добавляет: – И его бывшая жена, Анникен Моритцен.

– Дядя Фрей? Арне Вильмюр? – беспокойство во мне растёт. Во рту сразу же пересохло, и свет, просачивающийся сквозь флисовый плед, растянутый на окне, вдруг начал слепить глаза. – А в чём дело?

– Фрей тут ни при чем, – напряженно отвечает Ульф, будто бы не полностью уверенный, что всё делает правильно. – Арне и его бывшая жена, у них есть общий сын...

– Арне гей, – упрямо парирую я. Мне не нравится то, к чему клонится наш разговор, а беспокойство и желание расстелить постель, выключить свет и закрыться от звуков с улицы только растёт.

– Так или иначе, – спокойно отвечает Ульф, лишая меня оправдания для отхода ко сну, – у него есть и бывшая жена, и сын.

– А я тут при чём? – я жмурюсь и отворачиваюсь от флисового пледа, и от света, который через него падает.

– Ты просто дай мне закончить, – шепчет Ульф и тяжело выдыхает, – так вот: Анникен Моритцен – одна из моих пациенток. Ей нужно... – он опять медлит и глубоко вдыхает перед тем, как продолжить. – Им нужна помощь. Их сын пропал.

– Я вам не частный детектив.

– Нет, боже упаси, – будто подавившись, отвечает Ульф, – но Анникен моя подруга, и я готов на многое, чтобы помочь ей в этой ситуации. И потом, у вас с Арне общее прошлое, от этого никуда не уйти, и сейчас он просит о разговоре с тобой. Думаю, уж это ты можешь сделать.

Кожа на моем лице пульсирует, а вместе с ней белки глаз и мозговая кора.

– Прошу тебя, – я стону сквозь стиснутые зубы, – не сегодня. Не сейчас.

– Поговори с ними. Послушай, что они скажут.

– Я не хочу.

Ульф опять вздыхает:

– Ты сам вытащил свой жребий, Торкильд, ты опускался на дно и снова поднимался. Ты изменился, – он снова глотает воздух и тушит сигарету. Недокуренную, сломанную. – Не позволяй своей комнатке стать новой тюремной камерой. Тебе нужно выйти наружу, начать общаться с людьми и понять, кем ты хочешь стать в этой новой жизни вне тюремных

стен.

– Знаю, – процеживаю я и опять облакачиваюсь на спинку дивана. Я открываю глаза, силой направляю взгляд к флисовому пледу, подсвеченному солнцем, и не отвожу, пока жжение не становится невыносимым.

– Что-что?

– Я это знаю.

– Уверен? – отвечает Ульф Сульстад более спокойным, терапевтическим тоном, – Хорошо, – продолжает он, а я всё не отвечаю. Теперь он дышит спокойнее. – Ну тогда ты заходи попозже, заодно посмотрим, что там с дозировкой. Согласен? Идёт?

Третью попытку докурить сигарету до конца Ульф Сульстад проведет в одиночестве.

Глава 3

Арне Вильмюр стоит рядом с Анникен Моритцен. Та сидит в офисном кресле, ее руки лежат на письменном столе. За ними – три окна высотой от пола до потолка, обрамляющие городской пейзаж с его шумными шоссе, зелеными зонами и коммерческой застройкой. Арне одет так же стильно, как и в нашу первую встречу – почти четыре года назад на его вилле в восточном Стурхауге. Но волос поубавилось, а лицо стало бледнее.

– Торкильд Аске? – уточняет Анникен Моритцен, не вставая с кресла.

– Да, это я, – отвечаю и неохотно подхожу ближе.

– Рада встрече, – безрадостно произносит она. От ее запоздалого рукопожатия веет равнодушным презрением, а правый уголок рта не реагирует на попытку улыбнуться, оставаясь будто парализованным. Всё это скорее смахивает на оскал.

Арне Вильмюр не подает и знака почтительности, когда я приветственно протягиваю ему руку.

– У меня есть его фотография, – Анникен вытаскивает её из одного из ящиков в столе.

– Какой чудесный! – пытаюсь я произвести впечатление. Наклоняюсь к ней и беру фотографию обеими руками, чтобы она не упала на пол, выскользнув между пальцами.

– Она сделана пять месяцев назад, когда мы гостили у моих родителей в Ютландии.

Диалект Анникен напоминает речь обеспеченных жителей Ставангера, хотя до сих пор выдает в ней датчанку. Ей чуть за пятьдесят, на ней тёмно-синий пиджак, юбка в тон и белая рубашка, две верхние пуговицы на которой расстёгнуты. Меня осеняет, что она, похоже, на целую голову выше своего бывшего мужа.

– Наверное, расти в таком месте просто чудесно.

В её глазах читается: «Я знаю, что ты за тип». Но всё же она этого не произносит.

– Это последняя его фотография.

Её взгляд замер на снимке, она как будто перенеслась туда, в родительский сад. Они вместе жарят барбекю и потягивают морс. Её сын Расмус следит за грилем, одетый в красные шорты команды Ливерпуль, сандалии и белый поварской колпак. На его атлетическом теле бронзовый загар. Дед тостует с рюмочкой чего-то крепкого в руках, а Анникен сидит

на стуле и подмигивает камере.

– Расмус со школьными друзьями плавал вокруг света на паруснике весь прошлый год.

Произнося эти слова, Анникен мечтательно смотрит на обратную сторону фотографии, будто бы пытаясь вобрать в себя остатки энергии, которую приносят ей эти воспоминания.

– Но после поездки в северную Норвегию Расмус задумал перестроить заброшенный конференц-зал на одном острове с маяком в «отель впечатлений».

– Отель впечатлений?

– Дайвинг по затонувшим кораблям, рыбалка с гарпуном, ну и другие подобные морские развлечения на свежем воздухе. Расмус сказал, что это очень популярно за границей.

– Сколько ему? – спрашиваю я, хотя ответ мне известен. На автобусе по пути в Форус я нашёл заметку в сетевой газете из Трумсё, где говорилось о пропавшем без вести молодом человеке двадцати семи лет, который, как предполагается, погиб в результате неудачного погружения с аквалангом недалеко от посёлка Шельвик, в коммуне Блекёйвер.

– Нашему Расмусу двадцать семь лет.

– А когда он туда уехал?

– Анникен купила ему дом прошлым летом, – отвечает Арне. За окном за его спиной бриз снова стал гонять тучи по небу. Их бледно-серые туши торопливо плывут на юго-восток.

Анникен кивает, не смотря ни на одного из нас.

– Этот остров опустел, когда в восьмидесятые там закрылся конференц-зал. Расмус отправился туда вместе с парой друзей, чтобы помочь всё отреставрировать, пока не закончатся каникулы.

– Когда он пропал?

– Последний раз я говорила с ним в пятницу, пять дней назад. Полиция нашла его лодку вчера утром. Вот они и решили, что он вышел в море для занятия дайвингом либо в субботу, либо в воскресенье.

– Ну а ты что? – я поднимаю взгляд на Арне: он смотрит перед собой своими пустыми глазами, как солдат в стойке смирно, а дождь уже накапывает по окнам за его спиной.

– Они не особенно тесно общаются, – вступается Анникен и прижимает руки к груди, будто внезапно оказавшись под ливнем.

– Он жил один перед тем, как пропал? – спрашиваю я и вглядываюсь в оттенки серого за стеклом.

– Да, прошлый месяц он провёл там в одиночку.

– Почему полиция решила, что он утонул?

«Еще немного, Торкильд», – торжественно шепчет мне внутренний голос под звуки разбивающихся о стёкла капель воды. – «Еще пара вопросов, и можно ехать домой».

– Когда они нашли лодку, оборудования для погружений на ней не было. Расмус обычно отплывает к рифам рядом с островом и там погружается, когда есть время. В пятницу он сказал, что хочет сплавать в выходные, если погода будет хорошей.

– Есть ли у вас причины полагать, что с ним случилось что-то другое и это не несчастный случай?

– Нет.

На лице Анникен написано раздражение. Видимо, я прервал её на том самом месте, где прерывали и все остальные, с кем она разговаривала после пропажи сына.

Я чувствую, что мне всё сильнее хочется подойти к ней и хорошенько встряхнуть, сказать ей, что пришла пора очнуться. Перестать мечтать. Всё это ведёт в никуда, а в итоге – только разбитые сердца и разорванные на части души. Все эти сны, которые мы видим с открытыми глазами.

– Я отправилась туда, как только он перестал мне отвечать. Я чувствовала, что что-то здесь не так, – Анникен поворачивается к бывшему супругу, – я ведь тебе это говорила. Он бы точно перезвонил. Он всегда перезванивает.

Арне осторожно кладёт руку на её плечо и молчаливо кивает.

– Но в тот день погода была плохая, – продолжает она. – Местный шериф и инспектор отказались везти меня к маяку. Они обращались со мной как с больной истеричкой, которую только и оставалось, что отправить в отель в Трумсё, в ста километрах оттуда, а сами сидели в своих офисах в полном бездействии. Никто не хотел мне помочь, никто ничего не делал. Они так и сидят в своих конторах, понимаете? Так и сидят там и не делают ничего, а мой сын в это время в открытом море и ему нужна помощь! – Она горько всхлипывает. – Поэтому я снова приехала домой, Арне, – шёпотом говорит она, и её глаза наполняются слезами. – Ведь ты говорил, что найдешь кого-нибудь, кто сможет нам помочь. Тот, кого они станут слушать. Неужели ты не помнишь? Ты обещал найти того, кто нам поможет.

Арне закрывает глаза. Анникен снова поворачивается ко мне.

– Послушайте, Аске, – она глубоко вздыхает и оттирает щёки тыльной стороной ладони. – Шериф и инспектор заговорят с вами, я уверена. Вы сможете его найти, – произносит она с теплой улыбкой, которую вызвала в

ней эта мысль. Она тешит себя надеждами, что еще не поздно что-нибудь предпринять. – Да, вы сможете его найти. Ради меня.

Мой взгляд снова падает на мужчину с фотографии. Когда мне было столько же, сколько Расмусу, я был старшим полицейским инспектором в Финнмарке и занимался в своё время тем, что пытался убедить водителей скутеров не дробить дорожные знаки на кусочки.

– Я совсем не детектив, – начинаю я и кладу фотографию на стол.

– Мы тебе заплатим, – встречается Арне, – о деньгах не беспокойся.

– Дело не в этом, – я понижаю голос. Мне предстоит сказать, что уже слишком поздно. Что невозможно в таких условиях прожить неделю в океане, а потом вернуться целым и невредимым. Но Арне Вильмюр уже оторвал свой стеклянный взгляд от спинки стула и идёт ко мне, огибая письменный стол.

– Идём, – говорит он, хватая меня за предплечье, и грубовато указывает на дверь, – давай продолжим разговор снаружи.

Мы оставляем Анникен внутри и выходим в подъезд, к лифтовой шахте.

– Вот так, – говорит Арне и выпускает мою руку, когда мы оказываемся снаружи. Он нажимает на кнопку лифта и поворачивается ко мне, – снова ты да я.

– Послушай, – пытаюсь я заговорить, но он сразу же меня прерывает.

– Мой сын мёртв, – говорит Арне, спокойно поправляя свою строгую рубашку, – тут нечего расследовать. – Он заканчивает с рубашкой и смотрит на меня в упор. – То, что ты должен сделать, – это поехать туда, найти мёртвое тело и привезти его домой.

– Господи, – восклицаю я и в отчаянии взмахиваю руками, – но как?

– Плавай, ныряй, прыгай через пылающие кольца пламени, мне плевать как. Я потерял Расмуса, когда оставил семью много лет назад. Но он не может просто исчезнуть, как будто его никогда и не было. Нам нужна могила, к которой мы будем приходить, – он сжимает челюсть, и взгляд его становится твёрже, – и я знаю, что именно ты можешь нам помочь. Называй это как хочешь, хоть расплатой по старому долгу, но найди его и верни его домой.

– Арне, – начинаю я, – прошу тебя. – То, что было с Фрей, нельзя сейчас использовать. Не таким образом...

– Всё нормально, Торкильд, – продолжает он так же спокойно и медлительно, как и прежде, но всё-таки я вижу, как поднимается и опускается его грудь под футболкой, – не надо о ней говорить, – продолжает он, – ещё рано. Пока ты не нашёл Расмуса и не привёз его или

его тело домой. Потом можешь ползти обратно в ту дыру, из которой ты вылез, и делать, что тебе вздумается до конца жизни. Но сначала дождись этого момента, а я буду тебе платить. Понял?

Лифт уже приехал и снова исчез в шахте, когда Арне развернулся и пошёл обратно в офис Анникен. Он останавливается у двери спиной ко мне.

– Нам нужна эта могила, Аске, – говорит он и кладёт руку на дверную ручку. – Ещё одна могила. Неужели, чёрт возьми, я о многом прошу?

Глава 4

Под вечер моя комната становится совсем серой. Тусклый свет, падающий от окна в гостиную, на которое я навесил флисовый плед, только усиливает этот цвет смерти – комната и без того пронизана им от пола до потолка. Я слышу, как за окном стекает по трубам дождевая вода, как гудят машины, проезжая по вантовому мосту, соединяющему город с Грассхолменом, Хундвогом и другими островами на той стороне.

Я лежу в кровати. Где-то сзади потрескивает радио в такт булькающей кофеварке.

По радио хрипло поет Леонард Коэн: «...*You who wish to conquer pain, you must learn what makes me kind...*»^[1]. Когда мы только начали лечение, Ульф предложил мне слушать музыку после вечернего приема лекарств – это повысит седативный эффект, который требуется организму, чтобы побороть трудности с засыпанием. Но я всё-таки предпочитаю радио, ту неопределённость, которую оно привносит.

Я поворачиваюсь на бок, обращаю взгляд в темноту, там, где между стенкой и кухонным углом стоит стул, и слышу какой-то звук.

– Фрей? – я глотаю воздух и поднимаюсь с постели. Снова звучит голос Коэна, мягкий, как виолончель: «...*You say you've gone away from me, but I can feel you when you breathe...*»^[2].

В комнате сразу запахло землей и сыростью. Я осторожно сползаю с дивана и встаю. Я чувствую сильное покалывание где-то внутри. Меня переполняет нетерпение и радость в предвкушении того, что сейчас произойдёт.

Я подхожу к стулу и протягиваю руку к темноте передо мной. Радио снова потрескивает, затихая, и музыку сменяет назойливый шум осеннего дождя за окном, вплетающийся в тишину.

Мы танцуем. Движемся точно в ритме холодильника, позвякивающего в моей тесной кухне. Ни музыки, ни света, только шум дождя и разорванное небо над нами. Мне плевать на пылающие от боли щеки. Всё что я вижу – это её губы, слегка дрожащие в такт фигуре, монотонно раскачивающейся из стороны в сторону.

– Я и подумать не мог, что увижу тебя снова, – всхлипываю я судорожно и чувствую, как под кожей моего лица что-то возгорается, и тут же слёзы, копившиеся в воспаленных слёзных каналах, наконец-то вырываются на свободу.

Её непокорные каштановые волосы совсем потускнели и утратили былой блеск. Былые ароматы неизвестных растений, пряностей и ванили сменила сырая дымка стерилизующего мыла и холодной земли. Её запах, наш запах – его больше нет, он смыт временем, которое мы провели в разлуке.

– И всё-таки ты вернулась.

Я соединяю её пальцы со своими, придвигаюсь поближе и пытаюсь зарыться в её волосы, вдыхаю их запах снова и снова, пока её голова с тяжестью не падает мне на грудь.

– Давай же, – я устало глотаю воздух, обхватываю её бюст и придвигаю к себе.

Мы, шатаясь, доходим до раскладного дивана, я снимаю с окна плед и кладу его на плечи, как плащ, а потом залезаю к ней. Я чувствую, как меня трясёт, когда её холодное тело соприкасается с моим.

Трясёт от счастья.

Глава 5

Первый день с Фрей, Ставангер, 22 октября 2011 года.

Недавно я вернулся на работу в бергенскую прокуратуру после полугода жизни в Штатах. Когда по поручению меня отправили в Ставангер, я оказался у крыльца виллы в западной части района Стурхёуг. Там мне предстояло встретиться с адвокатом, работавшим над одним из двух дел, ради которых я прибыл в город.

Первое из них касалось возможного случая разглашения служебной тайны, предположительно произошедшего по вине одного из сотрудников местного суда. Он работал над делом о компенсации средств, в котором участвовали две иностранные нефтяные компании.

Второе было гораздо серьезнее. На сотрудника управления полиции Ставангера подал жалобу его коллега, где сообщал о многочисленных нарушениях уголовного кодекса и закона об огнестрельном оружии. Я назначил допрос с полицейским, на которого подали жалобу, ближе к концу недели.

– Ты кто? – спросил голос за моей спиной, когда я уже собирался позвонить в дверной звонок. Светило солнце, погода стояла тёплая и мягкая, хотя осень уже подступилась к листьям на деревьях. Я резко обернулся. У неё были запоминающиеся узкие глаза и лицо овальной формы, его окружали кудрявые локоны, их подхватывали узелки.

– Торкильд Аске, – ответил я и сделал шаг в сторону. – А ты кто?

– Фрей, – сказала она и поднялась по ступенькам, поравнявшись со мной. Фрей было слегка за двадцать, она была почти одного со мной роста. – Что ты здесь делаешь?

– У меня сейчас встреча, в пять часов, с Арне Вильмюром. Он ведь здесь живёт?

– Ты из полиции?

– В каком-то смысле.

Фрей положила руку на перила и слегка отклонилась назад, обратив на меня свой молодой горящий взгляд; мне хотелось отвернуться от стыда за свой возраст и несовершенство собственного тела.

– В каком таком смысле?

– Я работаю в прокуратуре, наш отдел как раз занимается...

– Ага, бывший Особый Отдел, – она криво ухмыльнулась, не дав мне

закончить, и стукнула в дверь свободной рукой. – Так чего тебе, собственно, нужно в доме дяди Арне? Его арестуют?

– Как я и сказал, я...

– Фрей? Это ты? Забегай внутрь и закрой за собой дверь, – послышался мужской голос откуда-то из дома. – Мне кажется, у нас под крыльцом осиное гнездо. Еще не хватало, чтобы эти мерзкие твари залетели в гостиную.

Я на секунду взглянул на небо, на слепящий солнечный свет, прежде чем снова взглянуть на Фрей. Она отпустила перила, сбросила с ног сандалии и босой зашла на паркетную плитку светлого коридора, который вел в гостиную.

– Там какой-то мужчина, – сказала она ровно с такой громкостью, чтобы я её услышал. – Вроде бы полицейский, хочет с тобой поговорить.

Четверг

Глава 6

Зрелище, которое я по утрам наблюдаю в зеркале, напоминает жуткое привидение из преисподней. Нездоровый цвет лица, посеревшая от недостатка солнечного света и витаминов кожа. Сощуренные глаза, под ними изогнутые дугами сине-лиловые круги; припухлые веки, которые я могу лишь слегка приоткрыть.

Я умываю лицо, провожу влажными пальцами по шраму в форме полумесяца под глазом и дальше, к грубому уплотнению на коже посередине щеки; я дотрагиваюсь до каждой впадинки, до каждой неровности. Почти сразу возвращается боль.

– Я не могу, – шепчу я лицу в зеркале, пока вожусь с отсеком коробочки для лекарств, в котором лежат утренние таблетки. – Он не знает всей ситуации. Я еще не готов.

Проглотив таблетки, я одеваюсь и подхожу к окну. Приподняв плед, я выглядываю в окно: сегодня один из дней, когда нет ни солнца, ни дождя, всё окрашено в серо-голубые оттенки; небесный свет как будто бы горит только вполсилы. Я сразу отворачиваюсь, заметив мужчину в шлеме, плотно облегающей футболке и велошортах, который на велосипеде подъезжает к моему общежитию. Он останавливается у подъезда, смотрит на окно, у которого стою я, и вытаскивает мобильник. Ульф Сульстад довольно крепкого сложения, ростом примерно метр девяносто пять. Он почти лысый, с плотным пучком рыжих волос на затылке, собранных в конский хвост. Ульф чем-то напоминает самурая.

Я отпускаю плед и иду к дивану, как только телефон начинает звонить.

– Доброе утро, Торкильд, – произносит запыхавшийся Ульф, когда я наконец беру трубку. – Анникен Моритцен недавно звонила, сказала, что получила от тебя сообщение.

– Верно. – Я опускаюсь на диван и пытаюсь сосредоточиться на покалывании в щеках, чтобы усилить его и предоставить боли контроль над собой. – Я не могу туда поехать.

– Почему?

– В этом нет смысла.

– Почему?

– Арне сказал, что их сын мёртв.

– И он в этом прав.

– Господи, – в отчаянии выкрикиваю я, – ну так и чего вы, чёрт подери,

от меня ждёте?

– Мы делаем это для Анникен, – спокойно отвечает Ульф. – В один из дней они найдут её мальчика. Мерзкого и распухшего от пребывания в море, где им питались рыбы и крабы. Но это всё ещё её сын, понимаешь? Я пытаюсь тебе объяснить, что она не в состоянии вынести всё то, что скоро случится. А ты ведь говоришь на полицейском языке, ты знаешь, как делаются такие дела, что за чем идёт. Наверное, для неё это в первую очередь способ доказать себе, что она не сдаётся. Никто не сможет сдаться, пока не узнает правду, Торкильд. Пока не пройдены все пути. Неужели ты не согласен?

Я не отвечаю, просто сижу с мобильником в руке и смотрю в сторону окна, накрытого флисовым пледом.

– Спускайся, Торкильд, – продолжает Ульф, не дождавшись от меня ответа.

– Нет, – мой голос срывается, и слёзы уже проступают, но заплакать я не могу из-за воспалённых слезных каналов.

– Тогдапусти меня, и я поднимусь к тебе.

– Не хочу.

– Либо ты спускаешься, либо впускаешь меня – иначе я никуда не уйду.

– Ты не сможешь, – отвечаю я, не найдя лучшего аргумента, – тебе нужно на работу.

– Утренние часы я сегодня запишу на твой счёт, – отвечает Ульф, всё ещё держа себя в руках, все ещё не закулив. Все ещё не желая сдаваться.

– Чёрт побери! – я вскакиваю с дивана. – Ну как можно быть таким упрямым?! Понять не могу! И что – вот поеду я туда и буду бродить по этому гребаному острову в поисках парня, о котором все говорят, что он мёртв, что он утонул и навсегда ушёл в мир иной?

– У меня, кстати, есть ещё одна причина, чтобы отправить тебя туда.

– И это?..

– Элизабет.

– Моя сестра? А она тут при чём?

– Ни при чём.

– Ну и?

– Когда ты её в последний раз видел?

Я упрямо повожу плечами.

– Я хочу, чтобы ты с ней поговорил, когда окажешься там.

– О чём?

– О себе, о том, через что ты прошёл.

– Зачем?

– Отнесись к этому, как к обязательному этапу твоей новой жизни, Торкильд. Ты больше не ведешь допросов. Сборщика информации больше нет, он лишён чести и звания. Теперь ты такой же, как и все мы... распространитель информации. Как болезненно, наверное, это принять.

Неделикатность психологических приёмов Ульфа может быть трудно перевариваемой пищей для уверенных в себе людей с завышенным эго. К счастью для меня, моё эго мертво, а уверенность в себе давно съехала от меня на другую квартиру с улучшенными условиями.

– Тебе нужно окружить себя ответственными людьми, – продолжает Ульф, – но кроме этого, тебе нужно обрести крепкую систему ценностей вне терапевтического круга. И первый человек, которого я хотел бы, чтобы мы ввели в эту парадигму, – твоя сестра Лиз. Я знаю, что ты любишь её сильнее, чем ты можешь себе признаться. Кстати, я подумал над тем, о чём мы вчера говорили, и решил выписать тебе рецепт на оксикодон в дорогу, так что у тебя будет препарат с быстрым эффектом, если он тебе понадобится. Что думаешь?

Я чувствую, как начинает покалывать в диафрагме и выше, вдоль позвоночника, до самого затылка, и одновременно с этим увеличивается слюноотделение.

– Сколько?

– Как и раньше.

– А что, если мне придется торчать там больше недели?

– Тогда я вышлю тебе электронный рецепт туда, где ты будешь находиться.

Я бросаю трубку на телетумбу и прижимаю костяшки пальцев ко рту. Боль в щеках прошла, испарилась, в тот единственный чёртов раз, когда она была мне нужна.

– Господи, господи, господи! – шепчу я сквозь пальцы и кусаю их, после чего делаю вдох и поднимаю мобильник со стола. Я снова приподнимаю краешек пледа. – Ладно, – шёпотом говорю я в трубку, – я поеду. Поднимайся.

Ульф всё еще говорит по телефону, когда я открываю входную дверь. Он кивает мне и заходит в квартиру. Сорвав с окна плед, Ульф плюхается на диван. Тот трещит от нагрузки.

– Да-да, а во сколько он поедет дальше, в Трумсё? Полчетвёртого? Хорошо, – он щелкает пальцами и мотает головой, указывая на мини-кухню.

Я в недоумении пожимаю плечами:

– Что?

– Пепельницу, чёрт подери! – Ульф сбрасывает с себя рюкзак и выуживает оттуда кошелек и пачку «Мальборо Голд». Затем, яростно щелкая большим пальцем по зажигалке, прикуривает сигарету и глубоко затягивается.

Терпкий запах сигаретного дыма подбирается к ноздрям и впивается в кожу щек. Я разворачиваюсь и захожу в ванную, чтобы собрать сумку – кладу в отдельный пакет электробритву, пластиковый контейнер с таблетками, зубную щётку и прочие принадлежности для гигиены. После этого иду на кухню, чтобы упаковать кофеварку и переносное радио, пока Ульф заканчивает телефонный разговор.

– Эй, эй, эй! – выкрикивает Ульф из своего облака сигаретного дыма, глядя на кофеварку, которую я оборачиваю полотенцем. – Она тебе не пригодится. В Северной Норвегии есть кофе.

– Мне нравится свой, – протестую я.

– Ой, ну ради бо... А хотя, – он делает взмах рукой и корчит гримасу – да, возьми её. И прихвати туалетную бумагу, щётку для посуды и сушилку для обуви, мне вообще всё равно.

Сказав это, он возвращается к телефонному разговору и каркает в трубку: – Алло? Сколько там получается, вы сказали?

Закончив говорить и закулив новую сигарету, он поворачивается ко мне и качает головой, задерживая в легких сигаретный дым.

– Знаешь что, – говорит он наконец, выдохнув, – я и правда думаю, что эта поездка пойдёт тебе на пользу. Очень даже пойдёт.

Глава 7

За окном уже стемнело, когда мой самолёт приземлился в аэропорту Трумсё. Земля покрыта тонким слоем нового снега. Я забираю багаж и выхожу на улицу, чтобы найти такси.

Через пятнадцать минут я добираюсь до дома сестры. Она встречает меня на крыльце и недоверчиво смотрит. – Торкильд?! – и вдруг неожиданно крепко обхватывает меня руками.

– Привет, Лиз! – Рядом с ней приятно находиться, и когда она размыкает объятие, мне не хочется её отпускать.

– Всё хорошо? – она проводит пухлым пальцем по моей щеке, пристально глядя на меня своими круглыми глазами.

– Лучше всех, – отвечаю я.

– Когда ты вышел?

– Пару дней назад.

– И что ты делаешь здесь?

– Я веду дело.

– Дело? Ты вернулся в полицию?

– Нет.

– Н-н... но... – с запинкой говорит она и в недоумении покачивает головой.

– Можно мне войти?

– Да, конечно.

Лиз проводит меня в прихожую, и мы молча стоим и смотрим друг на друга. Она производит впечатление старой уставшей женщины. Летом ей исполнится пятьдесят, но выглядит она старше. Опухшие глаза, будто она недавно плакала. Морщинистые и толстые руки, да и весит она все еще больше, чем надо. Прошедшие с последней нашей встречи годы отразились на нас обоих.

– Почему ты такой грустный, Торкильд?

– Не думай об этом. Как твои дела?

Она слегка отстраняется: – Да у меня-то всё нормально.

– Он всё еще тебя бьёт?

– Торкильд, пообещай мне, что не... – я вижу, как её глаза полнятся отчаянием, и одновременно с этим ощущаю зреющую внутри бурю.

– Я только спросил, колотит ли тебя твой муж. Судя по синякам на шее и на руке, он достиг в своём хобби нового уровня.

– Сейчас я этого не выдержу. Я и Арвид... мы сейчас весьма неплохо живем, и ты не можешь просто так прийти и всё разрушить. Я не хочу этого... И не позволю.

Я качаю головой и захожу в гостиную, не разувшись.

– Где он?

– Торкильд! – истошно кричит она дрожащим истеричным голосом. Она научилась так кричать после долгих лет совместной жизни с агрессивным дальнбойщиком, который не в состоянии держать свои кулаки при себе.

Я слышу скрип наверху и быстро поднимаюсь по лестнице, перескакивая разом через три-четыре ступеньки, а потом распахиваю дверь в спальню.

Арвид сидит на кровати, сгорбившись и отводя глаза, которые прикрыты сальными прядями чёрных невымытых волос.

– Какого чёрта ты здесь делаешь? – успевает спросить он, прежде чем я подхожу к нему и даю ногой в лицо. Арвид падает с кровати на пол, где и остаётся лежать.

Через секунду в комнату, тяжело дыша, заходит Лиз и начинает дергать меня за куртку, причитая и вопя:

– Что ты наделал? Что ты наделал!

Арвид наконец поднимается, приложив руку к уху. Выпученными глазами он смотрит на Лиз:

– Видишь? Посмотри, что ты наделала! Этот ублюдок опасен, я всегда говорил! Он чудовище, ты что, не понимаешь?

Арвид сплёвывает кровь и вытирает кулаки о жилет. Лиз отцепляется от меня и бежит к мужу. Она гладит рукой его лицо, приговаривая успокаивающие слова. Арвид разводит руки в стороны и подходит ко мне.

– Думаю, тебе стоит быть чертовски осторожным! Иначе я напишу на тебя заявление, и уж тогда тебе прямая дорога снова за решётку! И ты это знаешь, душегуб проклятый! – рывкает он, проходя мимо. – И если ты будешь здесь, когда я вернусь, то тогда уж пеняй на себя.

Выходя, он толкает меня плечом и захлопывает дверь.

– ...И что, вот такой ты жизни хочешь, Лиз?

Она поставила на стол кофе, печенье и сладкие рулеты. Мы вместе с ней сидим на диване в гостиной, не изменившейся с тех пор, как я был здесь в последний раз. Единственная перемена – кожаное кресло перед телевизором. Несомненно, кресло Арвида.

– Всё не так, как ты думаешь, – она смотрит на меня и решает сменить тему: – Ты говорил с мамой, после того как вышел? Она о тебе спрашивает,

когда я звоню.

– Пока что не было времени.

– По словам родных, ей хуже в последнее время, – Лиз смотрит на блюдо с печеньем. – Если бы самолёт до Осло не стоил таких безумных денег... Тем более теперь, когда Арвид стал инвалидом...

– А что отец?

– Всё ещё держится. Видела его в новостях какое-то время назад, в репортаже о стройке нового алюминиевого завода в Исландии. Там передавали, что он возглавляет группу по охране окружающей среды. Что-то наподобие партизанского отряда. Вроде бы они называют себя «Исландия задыхается».

– «Исландия задыхается»? – я смеюсь, воображая горящие глаза и отливающие серебром волосы мужчины, каждый раз вопящего в упоенной эйфории, когда полиция выдворяет их вместе с товарищами с очередного завода или протестной акции против действующих капиталистических сил на нашем вулканическом острове. – Ничего не меняется.

– Ты очень на него похож.

На секунду Лиз бросает взгляд на мой шрам на щеке, прежде чем снова посмотреть мне в глаза.

– Как будто я снова вижу его. Таким, каким помню из детства.

Она икает с такой силой, что всё её массивное тело вздрагивает.

– Ну, кроме волос. Почему ты всегда их так коротко стрижешь?

– Чем же? – спрашиваю я сухо и вижу, как всколыхнувшая ее волна радости начинает спадать. – Чем мы с ним похожи? Наверное, ты имеешь в виду наш уникальный химический состав – мы источаем ржавчину, которой покрывается все, к чему мы с ним прикасаемся.

– Торкильд, я не это имела в виду, ты же знаешь. Я знаю, что ты никогда не хотел... Что случившееся с... Что ты никогда...

– Тогда о чём ты?

– Я только...

Она тянется за сладким рулетом. Её взгляд снова задерживается на моем шраме на щеке.

– Ты всегда была таким красавцем, – печально произносит она и закрывает лицо руками.

– Ну ладно тебе, Лиз, – говорю я и ладонью прикасаюсь к ее руке, пытаюсь изобразить в улыбке, что мне не больно, – не все могут так хорошо сохраниться, как ты, когда возраст близится к пятидесяти.

– Боже, прекрати, Торкильд, – всхлипывает она и смотрит на меня сквозь пальцы, – прекрати издеваться, это некрасиво.

– Что?! – я развожу руками. – Я серьёзно.

Наконец она отводит руки от лица.

– Послушай, – начинает она свою речь, – я не думаю, что ты можешь здесь оставаться.

– Расслабься, Лиз, я и не останусь, – отвечаю я. – У меня больше нет прав, и мне нужна помощь, чтобы арендовать автомобиль.

– Арвиду тоже нелегко. – Она всматривается в пустое блюдо из-под печенья, словно ища там, среди крошек, силы снова и снова рассказывать эти сказки, которые она рассказывает себе каждый день, чтобы держаться на плаву.

Сколько бы я ни давал по морде этому мерзавцу, за которого она вышла замуж, он бил ее и будет бить. А она будет вглядываться в блюдо с печеньем в поисках сил жить дальше. Лиз всё еще думает, что это только переходный период, и если она перестанет «провоцировать» его удары, то всё будет хорошо.

Глава 8

Я паркую арендованный автомобиль, который мне достала Лиз, на стоянке отеля и поднимаюсь к стойке администрации. Я заселяюсь и прошу выдать мне парковочный талон. Ехать три часа, включая две переправы на паромках между Трумсё и центром коммуны в Блекёйвере, где Арне Вильмюр организовал мне встречу с местным шерифом на следующее утро.

Из моего номера открывается даже что-то вроде вида. Четырёхугольные здания, фонарные столбы и асфальтовый дорожный край. Северный Париж, по всей видимости, притаился где-то в темноте. Я задёргиваю гардины, открываю чемодан и вытаскиваю кофеварку, хотя в номере и стоит электрочайник.

Скоро мне становится совсем плохо. Уже половина восьмого, и моё тело болит. Тяга унять боль и беспокойство заставляют мои пальцы трястись, когда я достаю контейнер с таблетками и открываю отсек с вечерней дозой.

Таблетки похожи на маленькие личинки насекомых, извивающиеся в моей ладони. Я вылавливаю две оранжевые пилюли антипсихотика рisperидона и кладу их обратно в дозатор, а остальное запиваю глотком воды. После этого я достаю фильтр и банку с кофе, набираю воды в раковине и включаю кофеварку.

Как только первые капли начинают скатываться в стеклянный кофейник, я включаю радио и выключаю свет – всё по порядку. Я раздеваюсь и заползаю под одеяло. Тело уже начало расслабляться. Мутный полумрак комнаты растворяет моё беспокойство и открывает двери, с которыми я не могу справиться сам.

– Наконец-то, – вздыхаю я, прижавшись грудью к коленям, – Наконец-то я готов.

Я лежу и жду, но ничего не происходит. Шумит вентилятор, полярный воздух прорывается сквозь шторы, и я лежу без движения.

Наконец я поднимаюсь и достаю упаковку быстродействующего оксикодона. Выдавливаю две личинки, бросаю в рот и снова ложусь.

Я жду ещё, на этот раз дольше. Наконец на меня накатывает приступ отчаяния. Я одеваюсь и выхожу на улицу.

С другой стороны моста виднеется арктический собор, обрамлённый тёмным холодным полярным небом. Я иду вдоль набережной, пока не

оказываюсь у торгового центра около причала со скоростными паромками.

Зайдя в торговый центр, я нахожу магазин парфюмерии. Я осторожно приподнимаю флаконы с полки с пробниками и принимаюсь к каждому. Попробовав разные варианты, я беру в руки прозрачный флакон с чёрным маслянистым содержимым и серебристой крышкой – почти что обугленная деревяшка, заключенная в стекло и покрытая серебром, – и иду с ней к кассе.

– Мне её запаковать? – спрашивает продавщица – женщина за пятьдесят, брюнетка с хорошим макияжем, тёмными глазами и окрашенными красным тонкими губами.

Я отсутствующе киваю.

– Ей они точно понравятся, – с улыбкой говорит она и вручает мне пакет с упакованным флаконом духов.

– Да. – Я бросаю взгляд на свою сумку, на красную упаковочную бумагу. – Наверное, не надо было упаковывать. – Продавщица многозначительно прокашливается, а к кассе уже подходит пожилая дама в пуховике с флаконом духов в руках. На крышке флакона нарисована пчела, а на его боку тонкими чёрными буквами выведено слово Honey.

– Так, – у продавщицы бегают глаза, – вы можете просто порвать упаковочную бумагу, прежде чем вручите ей флакон. – Она быстро моргает и поворачивается к женщине с медовыми духами.

– Вам они точно понравятся, – с улыбкой говорит она, – мне их запаковать?

Я закрываю пакет и ухожу.

Как только я возвращаюсь в свой номер, я достаю пакет из парфюмерного магазина и кладу запакованный флакон на кровать рядом с подушкой. Я наскоро раздеваюсь, спиной облокачиваюсь на изголовье кровати, развязываю ленту и избавляюсь от подарочной бумаги.

Аромат духов уже слышен из коробки, хотя я её еще не открыл. Мои веки тяжелеют, и боль в ногах постепенно утихает. Мне нужно торопиться, поэтому я вынимаю флакон из коробки трясущимися руками, пытаюсь контролировать волнение от напряжения и предвкушения.

Серебряное покрытие с легкостью соскальзывает, и я открываю защелку, которая предохраняет флакон от распыления. Поток ароматических частиц направляется прямо мне в лицо, когда я нажимаю на кнопку распылителя. Я чихаю и нажимаю еще раз, прежде чем сползти на кровать и закрыть глаза.

Я лежу, уткнувшись лицом в подушку, и жду. Чуть позже я открываю глаза и поднимаюсь. Система вентиляции высасывает из комнаты аромат

духов и наполняет её чистым и холодным отельным воздухом.

Я встаю с кровати и проверяю, точно ли закрыты окна, прежде чем снова забраться под одеяло, а потом снова опрыскать лицо духами. На этот раз я опрыскиваю ладони и волосы тоже и еще раз забираюсь под одеяло.

– Чёрт подери!

Я поднимаюсь с кровати и хватаю флакон, открываю защелку и приставляю отверстие ко рту. Арома-частицы обволакивают мой язык и горло. Я роняю духи и, рыдая, падаю на кровать. Набрасываю на себя одеяло.

– Почему ты не хочешь быть со мной? – стону я и пытаюсь зарыться лицом в простыню, пока по телу пробегают судороги. – Неужели не понимаешь, как сильно ты мне нужна?!

Глава 9

Первый день с Фрей, Ставангер, 22 октября 2011 г.

Около виллы в Стурхёуге озеро Хиллевогсванн сверкало в солнечном свете. В пространстве между мебелью, полом и потолком крошечные частички пыли танцевали в лучах солнца, свет которого падал сквозь широкие окна западной стороны. Мы уже почти закончили обсуждать поданную жалобу с коммерческим адвокатом Арне Вильмюром, дядей Фрей, который и дал делу ход. Мы сидели напротив друг друга за стеклянным столом в гостиной, а Фрей лежала в кресле у окна с mp3-плеером в ушах и читала книгу.

– Она работает над заданием.

Арне Вильмюру было за пятьдесят. Цвет его лица точно соответствовал возрасту, волосы были негустыми, но не потеряли яркого тёмного цвета и были зачесаны назад, покрывая макушку.

– А, – я обернулся к лежащей в солнечном свете Фрей. – Что ты изучаешь?

Фрей не ответила, даже не подняла взгляда от книги.

– Юриспруденцию, – ответил Арне Вильмюр, – здесь, в университете Ставангера. – Он потёр кончик своего гладко выбритого подбородка, прежде чем подать знак племяннице. – Фрей!

– Что такое? – Фрей выключила музыку и выпрямилась в кресле.

– Твоё задание ведь связано со случаями полицейского насилия в Бергене в семидесятые?

– Разве?

– Наш друг из прокуратуры наверняка кое-что об этом знает.

– Кхм, – откашлялся я и закрыл крышку ноутбука. – Не знаю, насколько смогу быть полезен. Бергенское дело и вправду было одной из причин изменений в процедурах расследования злоупотреблений в полиции и суде в конце восьмидесятых, а также устранения бывшего «Особого отдела». Но я знаю не больше, чем можно прочесть в книгах и монографиях по теме, увы.

Арне отсутствующе кивал, а Фрей пристально глядела на меня своими узкими глазами.

– Знаешь что? – сказала она, бойко скручивая и снова накручивая акустический кабель на свои пальцы.

- Да? – я снова к ней повернулся.
- Я бы, наверное, взяла у тебя интервью.
- На тему?

– Точно не знаю. Но может быть, ты гораздо более интересный человек, чем кажешься сначала. Может быть, мне удастся взглянуть на свое задание под другим углом, а может... – Она слегка смутилась, а потом широко улыбнулась: – А может, мы как раз те ребята, которые в итоге друга в друга влюбляются?

– Боже, Фрей! – Арне смущенно развёл руками. Он начал было говорить, но Фрей рассмеялась и отвернулась, включив музыку и открыв книгу.

- Я извиняюсь.

Арне сделал глоток кофе и причмокнул губами.

– Так вот. Давай посмотрим, нам вроде немного осталось. Уверен, у тебя сегодня полно других дел.

Мы прошлись по свидетельским показаниям и разобрали жалобу, которую представляемая Арне Вильмюром нефтяная компания подала на судью, разбиравшего их дело в районном суде. Уже тогда я понимал, что жалоба будет отклонена. На улице становилось пасмурно. По озеру пробежала легкая рябь. Я как раз сложил ноутбук, поблагодарил за кофе и встал из-за стола, когда Фрей, вытащив один наушник, на меня посмотрела:

- Ну? Что скажешь?
- Насчёт чего?
- Ты и я, кафе «Стинг», завтра в 6?

– Я... я... – я пытался что-то сказать, но Фрей уже вставила наушник обратно в ухо и вернулась к чтению. Арне был на кухне. Уже тогда я мог рассказать, что знал. Но я не сказал ничего, просто развернулся и ушёл.

Пятница

Глава 10

За окном номера я слышу, как просыпается город Трумсё. Горло болит, язык шероховатый и сухой. Её запах выветрился, во рту остался только обжигающий вкус эфирных масел и растворителей.

Я отключаю будильник и встаю с кровати; подхожу к кофеварке и наливаю в чашку кофе, который я приготовил прошлым вечером. Я получил сообщение от Анникен Моритцен: она просит перезвонить ей, когда доберусь до маяка.

Через час я уже переезжаю мост Трумсё в арендованном автомобиле и направляюсь на север. По склонам самых высоких гор сползает только что выпавший снег, небо серое, а земля одета в сухие листья и пожелтевшую траву.

Через несколько часов и одну переправу на пароме я стою напротив центра коммуны Блекёйвер. Здесь несколько административных зданий, два продуктовых магазина, ремонтная мастерская, магазин пряжи с солярием в подвале и круговой перекрёсток.

Офис местного шерифа располагается в двухэтажном четырёхугольном здании. Влияние русской послевоенной архитектуры ошеломляет. Здание зеленого цвета с белыми оконными рамами. Женщина на стойке администрации сообщает мне, что они делят здание со службой охраны здоровья населения и соцслужбой, которые занимают второй этаж. Офис шерифа находится на первом.

– Бендикс Юханн Бьёрканг, – представляется шериф. Ему за шестьдесят, он говорит на диалекте, носит короткие каштановые волосы и густые усы. Своей сильной рукой он крепко пожимает мою. – А вы Торкильд Аске?

– Говорят, что да.

– Кто говорит?

– Те, кто так говорят.

Вместе нам не очень удаётся острить, так что, почесав подбородок, шериф приглашает меня зайти в офис.

– Вы кто-то вроде... частного детектива? – спрашивает он, усевшись на стул за письменным столом, и складывает руки на животе.

– Нет, – отвечаю я и сажусь на неудобный деревянный стул с противоположной стороны стола из светлого дерева, под ножку которого подложена свернутая газета.

– И что вы в таком случае здесь делаете? – он барабанит пальцами по жировым складкам на животе.

– Давайте назовём это исключительным случаем, противоречащим моей системе ценностей. Я согласился приехать сюда из-за невозможности сопротивляться и острой необходимости в деньгах.

– Так, – шериф Бендикс Юханн Бьёрканг тяжело вздыхает.

– Ну, в общем, вы здесь, чтобы искать того молодого датчанина?

– Верно.

– По поручению родителей юноши?

Я киваю.

– Ну, мы здесь чтобы помочь, – он ведёт усами, – не думаю, что вы найдёте что-то конкретное.

– Да и я так не думаю.

– Датчанин – наше единственное дело сейчас. До этого мы занимались русским траулером, который немного севернее пошел ко дну в плохую погоду, в начале осени. Но все благополучно вернулись на землю. А в остальном – здесь тихо, как на кладбище, – он складывает руки на животе. – Как на кладбище.

Молодой усатый сержант лет двадцати заходит в комнату и попеременно таращится то на меня, то на шерифа; на лице его идиотское выражение, будто он только что застал шефа за каким-то очень личным делом и не может понять, уйти ему или спросить разрешения остаться.

– Кхэм, – прокашливается шериф и рисует в воздухе полукруг между мной и вытаращившим глаза пареньком. – Арнт Эриксен, это Торкильд Аске. Он здесь по поводу того датчанина. Арнт бросил работу в Трумсё и переехал сюда уже почти год назад со своей девушкой. Вскоре после Нового года он примет бразды правления участком, а я выйду на пенсию.

– Здравствуйте, – сержант вытирает руки о штаны, прежде чем протянуть мне свою влажную ладонь. Он косо ухмыляется в попытке продемонстрировать, что осознает всю ответственность того трудного пути, который ему отвела жизнь, – с вами говорит Арнт.

– Ага, а с вами говорю я, – отвечаю и жму ему руку до тех пор, пока у него на лице не проступает напряжение, – так что, – продолжаю я, не выпуская его руки, – чем вы занимались в Трумсё?

Арнт смотрит на меня и на наши руки в ожидании, что я наконец доведу до конца ритуал этикета и отпущу его.

– Наш город страдает от тех же проблем, что и другие города, – начинает он рассказ и откашливается, – воровство и незаконный оборот наркотиков. Кроме того, в последние годы мы наблюдаем бум проституции,

хотя...

– Говорят, вы раньше работали в спецотделе? – прерывает коллегу Бьёрканг, пытаясь обуздать мои любезные манеры. Он особенно отчётливо произносит последнее слово и кивает сержанту, который пытается сесть, в то время как мы все еще жмём друг другу руки.

– Говорят? – спрашиваю я и расслабляю ладонь.

– Ну, вы же знаете, хотя ваша история и не попала в газеты, она всё равно разлетелась по всем отделам, как огонь по сухой траве. Не каждый день следователя из прокуратуры берут с поличным. В определенных кругах это произвело фурор, в других – гул оаций, насколько я слышал.

– Не сомневаюсь, – ответил я.

– А там ведь, если не ошибаюсь, потом был случай, когда один из наших, которого вы засадили, пытался добиться повторного рассмотрения в суде в связи со всей этой историей?

– И как, получилось? – желчно спрашиваю я.

Бьёрканг качает головой, не отводя от меня взгляда.

– Ты это знал, Арнт? – шериф поворачивается к сержанту, а тот снова стоит разинув рот с отсутствующим выражением лица. Он крутит головой то туда, то сюда, в зависимости от того, кто говорит. – Знал, что эти ребята специально обучены ломать полицейских, которые лажают при выполнении служебных обязанностей? Так что будь осторожен.

Арнт смотрит на меня глупыми глазами, а Бьёрканг неприятно смеется, но вскоре прекращает.

– Мы обычно называли эти допросы «интервью», – говорю я.

– Вот-вот, – отвечает Бьёрканг. – Расскажи мне, а кто вёл твой допрос, когда тебя схватили?

– Они вызвали эксперта по допросам из полицейской академии, – рассказываю я, – он повышал квалификацию в Великобритании и был экспертом поэтапного полицейского допроса, тактики его ведения, этики, коммуникации, факторов психологического влияния и различных техник, стимулирующих память. Отличный парень.

– В смысле, схватили? – спрашивает сержант Арнт, который, кажется, наконец-то снова обрёл голос.

– А что, ты не знал? – Бьёрканг подмигивает мне. – Чему вас, собственно, учат теперь в полицейской академии? Торкильд Аске только что вышел из ставангерской тюрьмы после трёхлетней отсидки.

– Не забудь еще психбольницу, – говорю я, не отводя взгляда от сержанта.

– А что вы сделали? – спрашивает явно озадаченный Арнт.

– Он насмерть сбил маленькую девочку однажды вечером после работы, – помогает с ответом шериф Бьёрканг, – ...в наркотическом угаре?

Сержант Арнт всё еще пялится на меня, но в его глазах читается уже что-то другое. Я узнаю этот взгляд. Отвращение от осознания, что кто-то из своих пересёк черту и оказался на другой стороне.

– Гамма-гидроксibuтират, или ГГБ, – добавляю я и думаю о том, что сказал мне Ульф в автомобиле в тот день, когда я вышел из тюрьмы. Что теперь пришло моё время сидеть с другой стороны стола. Быть тем, кто подстраивается под условия других, а не диктует их сам. Моё паломничество – так он это назвал. Я просто не представлял, какую цену мне придется за него заплатить.

– Полагаю, ты там его заработал?

Шериф указывает на шрам на моём лице, который тянется, как паучья сеть с тонкими ниточками, от глаза до рта, уродуя скулу.

– Мне повезло. Голова ударилась об руль.

– Ну ладно, – теперь тон Бьёрканга сделался мягче. – Что было – то было. А остальное останется между тобой и тем парнем.

– Шефом по социальной работе?

Он вытирает губы, расплывшиеся в улыбке. – Мы здесь не для того, чтобы признаваться в грехах, но я человек, который любит знать, с кем имеет дело. – Он кивает сержанту Арнту, словно бы намекая, что то, чему тот сейчас стал свидетелем, называется управлением персоналом высокого уровня. – Кроме того, я из тех, кто считает, что если человек отсидел свой срок, то его совесть чиста. Если бы я в это не верил, то делать мне здесь было бы нечего.

Бьёрканг поднимается со стула и начальственным кивком указывает Арнту удалиться.

– Ну что, думаю, обмен любезностями окончен, – он знаком показывает, что пора идти, – давай тогда доедем до Шельвика и посмотрим на яхту датчанина, прежде чем закончится день.

Мы покидаем отделение и садимся в полицейскую машину. Арендованный автомобиль я оставляю. Идёт дождь, и промёрзшая земля блестит там, где падают капли; ветер шумит листьями, которые еще не опали с ветвей в этот холодный октябрьский день. Синие-чёрные облака выплывают из-за океанического горизонта.

– Полярная ночь, – отмечает сержант Арнт и смотрит на меня в зеркало заднего вида. – Не все хорошо её переносят.

Глава 11

Маршрут к острову проходит через долину, с обеих сторон виднеются отвесные склоны скал, а потом дорога в кочках снова выводит нас к морю. По пути то тут, то там встречаются послевоенные дома, крытые зелёным, белым или жёлтым шифером и профилированными листами на крышах. В каких-то домах горит свет и сено сложено белыми стогами на краю участков, но большинство из них покинуты и давным-давно оставлены на произвол непогоды и ветров.

В конце концов, асфальтовое покрытие уступает место гравию, и мы оказываемся на вершине холма с видом на залив с парой домов на берегу.

– Ныряете? – лицо сержанта снова показывается в зеркале.

– Что?

– Я спросил, вы ныряете?

Бьёрканг фыркает и качает головой.

– А что такого? – спрашивает сержант с ноткой разочарования в голосе.

– Человек только что вышел из тюрьмы, господи. Как ты себе представляешь, чтобы он там нырял? – Бьёрканг снимает фуражку и проводит рукой по своим редким волосам.

– На самом деле, я когда-то нырял. На базе Хокунсверн, – отвечаю я после паузы, – и пару-тройку раз после того.

Сержант снова смотрит на меня в зеркало.

– Ага! – восклицает он, – ну и как вам?

– Ужасно, – отвечаю я и вижу, как уже второй раз за минуту гаснет блеск в глазах молодого сержанта.

На самой вершине холма стоит тёмно-коричневое здание с асфальтированной парковкой и пандусом у входа, а рядом еще одно, поменьше, – продолговатый корпус, разделенный на три квартиры.

– Жилищно-коммунальный комплекс Шельвика, – рассказывает шериф Бьёрканг, когда мы проезжаем мимо, – ещё с войны здесь стоит. Был местной казармой фрицев.

– Фрицев?

– Немцев, – встречается сержант Арнт и снова пялится на меня в зеркало, – а ваши родственники воевали?

– Уверен, что нет, – отвечаю я, вглядываясь в очерченные океаном неровности пейзажа. На отдалённом острове виднеется белое здание, а

около него на пригорке стоит восьмиконечная вышка маяка.

– Маяк Расмуса Моритцена.

Шериф пальцем показывает на нагромождение лодочных домиков внизу бухты:

– Его лодка стоит в одном из сараев.

Ветер пронизывает насквозь, а волны лениво врезаются друг в друга, превращаясь в белую пену. Огромные кусты водорослей колыхают своими болотными щупальцами над галькой. Мы на цыпочках спускаемся к сараю, обхватив воротники и склонив головы, чтобы спрятаться от дождя. Трудно перебираться через скользкие камни, и я замечаю, как сильно напрягаются мышцы в ногах и пояснице.

– Его резиновую лодку принесло к берегу во вторник утром. По всей видимости, он погружался у острова на выходных. Когда к нам приезжала его мать, она рассказала, что говорила с ним в пятницу, но когда она звонила ему днём в воскресенье, он не ответил. Шериф качает головой, когда мы подходим к сараю, в дверном проеме которого нас ждёт мужчина чуть моложе меня.

– Смотрю, вы не особенно спешили, – произносит человек с сильным американским акцентом и струёй воздуха согревает свои кулаки. Он одет в коричневую кожаную куртку с воротником, как у британских пилотов во время Второй мировой войны. На его голове шапка с надписью «(мы) Против травли» и кожаные перчатки под мышкой.

– Вёл Арнт, я так понимаю?

– Харви, это Торкильд Аске. Он здесь по поручению родителей того датчанина, – Бьёрканг поворачивается ко мне: – А это Харви Нильсен. Нам пришлось припарковать лодку датчанина в его сарае.

Харви Нильсен протягивает свою руку. Он высокого роста, темноволосый и с ямочками на щеках, кожа на них стягивается в снежинки, когда он улыбается.

– Вы ему уже сказали про маяк?

– Нет, – Арнт кротко смотрит на Харви, тот выше его на целую голову. – Мы ему ничего не говорили.

Харви Нильсен обеими руками берет меня за плечи и разворачивает вправо, указывая пальцем на скалы у маяка.

– Супер! Теперь я сам тебе расскажу, как всё было, раз уж ты так просишь. – Он скалит зубы. – Не благодари. В общем, было всё так. Богатые ребята с юга приезжали сюда в восьмидесятые и хотели весь остров перестроить в конференц-центр для городских яппи. Они перестроили сторожку на маяке в ресторан с баром, а еще оборудовали

компьютерный класс и фитнес-зал. Иногда и крупные вечеринки в подвале проводили.

– А потом у них кончились деньги, всего через год после открытия, – вмешивается в разговор шериф Бьёрканг. Сержант Арнт возится со своими усами, будто проверяя, не сдул ли их ветер. – Вот владельцы и сожгли главный корпус, когда поняли, что не смогут его продать. Надеялись, что пожар спасёт их от финансового краха.

– С тех пор он стоял пустой, – продолжает Харви, – пока летом не приехал датчанин, решив его отреставрировать.

– «Отель впечатлений», – фыркает шериф, – что бы это ни значило.

– Он был толковый парень. Я туда ездил, смотрел. Он достал старую лодку и сделал из нее стол, а бар... – Харви широко ухмыляется, – бар просто сказочный.

– Я бы никогда не поехал туда один, – бормочет сержант Арнт своим тонким картавым голоском, уставившись на маяк вдалеке.

– Ну ладно, давайте взглянем на лодку, пока не стемнело.

Бьёрканг хлопает сержанта Арнта по спине, и тот заходит в сарай. Мы с Харви заходим следом.

Ветер с дождём шатают гофролисты на крыше сарая. Бьёрканг и Харви стягивают брезентовую накидку и кладут ее у широкой стены.

– Ну, вот и лодка, – говорит шериф и хлопает по ней.

Я поднимаюсь на борт жестко надутой лодки; она окрашена в белый и голубой, корпус отделан стекловолокном, модель – «Зодиак Про». Лодка шесть метров в длину, на ней установлен мотор Эвинруд в сто пятьдесят лошадиных сил. В лодке лежит веревка и баллон с воздухом, а рядом деревянная коробка со всяким хламом, поднятым с морского дна.

– Ничего себе судёнышко, а? – Харви поднимает прямоугольную коробку, покрытую нитями водорослей и мелкими белыми ракушками, и протягивает её мне.

– Датчанин явно любил собирать всякое старье, – бормочет шериф и кивает в сторону старого транзисторного приёмника, который я держу в руке. Когда-то он был белым, с синей окантовкой; я даже могу разглядеть тройку, а рядом с ней – буквы «P b K A», в левом верхнем углу заросшего ракушками и водорослями аппарата.

– А GPS на лодке не установлен?

– Наверное, вывалился в какой-то из заплывов, – безразличным тоном отвечает Бьёрканг.

– А почему тогда это не вывалилось? – спрашиваю я и поднимаю транзисторный приёмник, – видимо, он просто валялся где-то, а GPS был

прикреплён к центральной консоли.

– Кто знает, – Бьёрканг пожимает плечами и вздыхает.

– Ладно.

Кладу приёмник обратно в лодку.

– Вы говорили, что он, скорее всего, погружался около «глаза». Это где?

– Глазом мы зовём подводный риф между маяком и островами на другой стороне фьорда, – отвечает Бьёрканг и, взглянув на свои наручные часы, подходит к двери сарая и пальцем указывает на чёрный шест с мигающим сигналом, вмонтированный в скалу посередине моря.

– Воткнули в своё время, чтобы помочь проходящим судам, идущим вдоль рифов, через пролив Грётсун.

– Он зовётся глазом, потому что когда на море спокойно, то кажется, что из глубин кто-то выглядывает и смотрит на небо. За все эти годы было много кораблей и экипажей, которые шли ко дну, потому что слишком близко подбирались к рифу, – рассказывает Харви.

Бьёрканг с Арнтом оба кивают и безучастно пытаются что-то разглядеть за дождевой завесой.

– Я так понимаю, за этим он и погружался? Ради всех этих обломков?

Все трое кивают в унисон.

– Мы посылали туда ныряльщиков, но они ничего не нашли, – рассказывает шериф Бьёрканг после короткой паузы. – Нужно просто подождать, – заключает он, – природа возьмёт своё, и он всплывет, вот увидишь.

– Когда крабы с ним покончат, – вмешивается Харви.

Начинает темнеть, небо скоро скроется за чёрными тучами.

– Мне нужно туда съездить, – говорю я, – к маяку.

Бьёрканг снова смотрит на часы.

– А я думаю, что мы должны покончить с этой ерундой прямо сейчас, – говорит он и сплёвывает. – Передавали, что в выходные погода будет еще хуже. Езжай к себе домой в Ставангер, Аске. То же самое я сказал и матери датчанина, когда она к нам приехала и кричала в истерике, что мы (а ведь был сильный шторм!) должны её туда отвести, поставив на кон жизни всего экипажа. Мы позвоним, как только он появится на поверхности. Они всегда всплывают, эти утопленники. Но не сразу.

– Его родители хотят, чтобы я туда съездил. И я это сделаю, если только у тебя не найдется каких-то предписаний, которые запрещают мне это осуществить.

– Ладно, ладно, – Бьёрканг удручённо разводит руками, – если ты

хочешь остаться здесь и ждать – мне всё равно. Мы не можем тебе в этом отказать. Но будь аккуратнее, это всё, о чём я прошу. Ты больше не полицейский.

– Я здесь чтобы помочь, – отвечаю я, – так же, как и вы.

– Хорошо, – хмыкает Бьёрканг, – но учти: если у тебя есть другие идеи для бесцельной траты нашего времени, то тебе придётся отложить их до понедельника, договорились?

Я киваю, а Бьёрканг в последний раз сверяется с часами, после этого машет Арнту и делает знак, что им пора ехать.

– Коньяк и аккордеон, – усмехается Харви, когда двое полицейских снова садятся в машину. Они смотрят на нас через лобовое стекло, перебрасываясь друг с другом короткими фразами и односложными словами.

– В смысле?

– Бьёрканг вдовец, – объясняет Харви, – по выходным он пьёт коньяк и играет на аккордеоне с другими стариками у нас на островах. Ох уж эти чиновники.

Харви смеётся:

– Преступления здесь совершаются только на рабочей неделе в промежутке от восьми до четырёх. Ты разве не знал?

– Ясно, – говорю я и вздыхаю, как только вспоминаю, что мой автомобиль припаркован у полицейского участка.

– А зачем тебе все-таки ехать на этот остров? – спрашивает Харви, закрыв дверь сарая и повесив замок. – Мы сплавлялись туда вместе с Бьёркангом, когда обнаружили лодку. Там ничего нет.

– Так хочет его мать. А я просто хочу поскорее с этим управиться.

– Ладно.

Харви постукивает пальцем по двери сарая.

– Ну, если хочешь, можешь поехать со мной завтра утром. Я проезжаю мимо на пути к ферме.

– К ферме?

– Мидии, – он снова улыбается, – вот где деньги лежат.

Глава 12

Я сажусь в пикап Харви. Он разрешил мне остаться у него до нашей отправки к острову, чтобы мне не пришлось ехать обратно за сто километров и две переправы в свой гостиничный номер в Трумсё. Его дом находится в недавно отстроенном районе с видом на фьорд и маяк.

Мы заходим и садимся за кухонный стол. Харви приносит нам по полчашки кофе. Вокруг нас его жена ловит шустрого мальчика лет шести, пытаюсь одеть его на ходу.

– Мы уходим, – говорит она и уносит мальчишку с собой в прихожую, где пытается надеть курку с помощью свободной руки.

– Подойди сюда, – Харви усаживает её на колени и целует её волосы, когда она к нам подходит.

– Это Торкильд Аске, бывший полицейский, который приехал сюда, чтобы найти датчанина, – он снова её целует, – а это моя любимая жена – Мерете.

Мерете встаёт с колен Харви и протягивает мне руку.

– Привет, – говорю я и пытаюсь выдавить из себя улыбку, приподнимая оба уголка рта.

– Привет, Торкильд, – отвечает она, а потом резко отпускает мою руку и направляется в прихожую, где ее сын швыряется ботинками и имитирует звуки стрельбы.

– Мерете работает трудотерапевтом в социальном центре. Йога для пенсионеров, целительные практики, кристаллотерапия, ну и всё такое. Она у нас чуть ли не настоящая знаменитость. Не так ли, дорогая?

– Что? – кричит Мерете из прихожей.

– Ты чуть ли не знаменитость! – кричит Харви в ответ, – подойди сюда и займись Торкильдом. Уверен, ты обнаружишь, что и над ним витают какие-нибудь духи.

Мерете поднимается, держа в руках ботинки, и бросает один из них в сторону кухни, метясь в Харви. – Не сейчас, Харви. Ты разве не видишь, что я выхожу?

Когда жена Харви, прихватив сына, вылетает за дверь, он снова поворачивается ко мне.

– У неё вечно душевный дисбаланс на этой стадии женского цикла, – он громко смеётся и хлопает себя по коленям.

– А чем она так знаменита?

– Она экстрасенс, – отвечает Харви, – её позвали в следующий сезон «Силы духов», может быть, ты слышал об этой программе. Они начнут снимать сразу после Нового года. Её самой первой наняли на четыре следующих серии. Здорово, нет?

– Я смотрю телевизор меньше, чем стоило было. – Я начинаю говорить, но Харви внезапно встаёт и несется в подвал. Он возвращается оттуда с канистрой в руках и ставит её на стол между нами.

– Ты похож на парня, который не упустит ни грамма, – он откручивает крышку и разбавляет кофе кристально чистым спиртом. – А у вас, кстати, готовят кофе по-русски?

– Да его и в Исландии готовят, разве что они не так щедры на сам кофе.

Харви смеётся, и мы сидим и пьём в тишине, глядя в окно на океан и на полярную ночь, которая скоро накроет собой этот пейзаж.

– Чем была бы жизнь без детей, – наконец говорит Харви. – У тебя есть дети?

– Нет.

– А жена?

– Была когда-то.

– Что случилось?

– Я переехал в Америку, а она переехала к Гюннару.

– К Гюннару?

– Гюннар Уре. Мой бывший начальник в прокуратуре.

– Ох, мужик, это жёстко.

Я пожимаю плечами

– Мы не были счастливы вместе.

– Поэтому ты и стал частным детективом?

– Что-то вроде того, – устало отвечаю я.

В полутьме виднеется огромный силуэт маяка на вершине острова. Всё вокруг посерело. Кажется, что скоро и маяк накроет сине-серой завесой.

– Харви Нильсен, – я снова заговариваю после еще одной паузы, – это северо-норвежское имя?

– Эбсолютли, – снова смеется Харви, – мои предки иммигрировали в Миннесоту в тринадцатом году, а потом, в Первую мировую, мой прадед вернулся и через несколько лет погиб во время газовой атаки в одном местечке на севере Франции.

– А ты сам? Как ты нашел свой путь обратно к земле обетованной?

– После выпуска из университета отплыл в море на рыболовном судне

и по воле случая оказался в Трумсе, где и встретил Мерету, а та работала в одном из городских пабов.

– И начал выращивать мидии?

– В том числе. У семьи Мерете есть небольшая ферма, где мы выращивали овец до тех пор, пока я почти случайно не наткнулся на курсы по культивированию моллюсков в начале двухтысячных. Я запросил стипендию в государственном фонде поддержки предпринимательства и взялся за дело. Начинал с простой верёвки, пары баков, старых сетей, тракторных деталей, проводов, сам отливал бетонные ботинки. И плавучую платформу сам строил. Большинство ферм с мидиями закрывалось в первые годы, но мы держались, стиснув зубы, пока не оказались на другой стороне. И всё изменилось, – Харви улыбается, – в прошлом мае мы поставили на рынок семь тонн моллюсков. В следующем году надеемся поставить больше десяти.

– Где находится ферма?

– В одном заливе немного севернее, на острове, где раньше стоял двор семьи Мерете, пока не закрылся. Какое-то время мы продолжали вести там дела, когда родители переехали в жилищно-социальный комплекс, несколько лет не оставляли работу, но от малых хозяйств дохода сейчас никакого, только изнурительный труд.

– Скучаешь по Штатам?

– Нет, – отвечает Харви, – Not at all^[3]. Там я не чувствовал себя дома, я понял это еще в детстве. Океан, знаешь ли. Он в крови, пульсирует в венах и манит к себе.

Прежде чем отвести взгляд от окна, за которым в ледяной осенней темноте мерцают фонари, Харви стучит краем чашки по столу.

– Я никогда не смог бы покинуть эти места. Никогда.

Я начинаю ощущать воздействие алкоголя на мой вестибулярный аппарат. По телу прокатывается волна тепла. Давно я такого не испытывал.

– Ты говорил, что уехал в Америку, – Харви смотрит на меня своими кристально чистыми серыми глазами, – чем ты там занимался?

– Делал карьеру, – отвечаю я. – А может быть, пытался выбраться из разрушенного брака. Трудно вспомнить, когда столько времени прошло.

Харви поднимает кружку в молчаливом «за здоровье».

– Hear, hear!^[4]

После этого он выпивает и ставит кружку на стол, смотря на меня пытливым взглядом с лёгкой улыбкой на губах.

– Так зачем ты всё-таки туда уехал? – наконец спрашивает он.

– Здесь у нас правоохранительные органы пользуются стандартизированной техникой допроса, она называется «креатив», – начинаю я.

– И в чём ее суть?

– Суть «креатива» в том, чтобы обвиняемый свободно давал показания. Цель допроса не обязательно в том, чтобы обвиняемый сделал признание, а скорее в том, чтобы снизить вероятность подачи убедительных алиби и его сопротивляемость. В Майами была уникальная возможность изучить более передовые техники ведения допроса и углубиться в криминальную психологию у самого доктора Титуса Оленборга.

– А он является..?

– Слышал о КУБАРКе?

– Nope^[5].

– КУБАРК – это в общей сложности семь пособий по ведению допросов, предназначенных для обучения агентов ЦРУ, армии и других спецслужб. Первое вышло в шестьдесят третьем году во времена холодной войны. Одно из них было предназначено специально для агентов, работавших в контрразведке, и представляло собой серию техник, позволявших расколоть перебежчиков, мигрантов, провокаторов, агентов и двойных агентов, чтобы понять, хранят они верность стране или нет. Это руководство было написано как раз тем замечательным доктором.

– Spyshit? Really?^[6] – Харви поднимает глаза к потолку и криво ухмыляется. – А мне показалось, что ты не такой человек.

Я пожимаю плечами.

– Оленборг – психолог по образованию и начинал свою карьеру, изучая взаимодействие между людьми и зданиями, прежде чем попал в ЦРУ. Теперь он преподаёт везде, начиная от официальных следственных органов и заканчивая частными охранными компаниями типа «Блэкуотер», «ДинКорп» и «Трипл Кэнопи».

– И норвежских полицейских?

Я киваю и знаком даю понять, что мне нужна ещё выпивка.

– Проблемы с руководствами типа КУБАРКа и более новыми европейскими методиками типа «креатива» всегда одни и те же.

– И какие они? – Харви берёт канистру, привстаёт над столом и доликает мне спирта в кружку.

– Как допрашивать того, кто знает и умеет ровно то же самое, что и ты? Тот, кто, скорее всего, получил ровно такое же образование, как и ты?

Он ставит канистру на пол и снова откидывается на спинку кресла.

– Понял, – говорит он и сурово кивает. – Как расколоть одного из своих.

– Именно. Особенность Оленборга в том, что он годами ездил по американским тюрьмам и опрашивал полицейских, как местных, так и федералов, сидящих по самым разным статьям – от грабежа и контрабанды наркотиков до убийства по найму, изнасилования и серийных убийств.

– Cops gone bad^[7], – Харви смеется в кружку, – куда катится мир.

– Разведслужбы, армия и полиция – перед ними стоят одни и те же проблемы, когда приходится допрашивать одного из своих. Ведь это люди, которые сами провели сотни, а то и тысячи допросов за свою карьеру, которые знают методы, которые оттачивали это мастерство годами с мыслью о том, что, возможно, и их когда-то схватят, и на кону будет всё.

– И как тогда их расколоть?

– Личный опыт, тренировка и уверенность в себе – основа любого допроса. Но всё-таки со временем понимаешь, что эти ребята, как бы сильны они ни были, насколько привычной ни была бы для них эта игра и каким серьезным ни был бы их жизненный багаж, они всё равно остаются людьми, и этого не скрыть; именно их человечность – ниточка, за которую мы хватаемся. В этом вся суть.

– You lost me, mate^[8], – Харви качает головой и щурит полузакрытые глаза.

– Всех нас контролируют первичные эмоциональные импульсы. Разница в том, что происходит с каждым отдельным человеком, когда кто-то играет с этими импульсами. Впрочем, – продолжаю я, вращая чашку в руках и глядя на мутноватую жидкость, – спустя девять месяцев разъездов доктор Оленборг заболел и должен был пройти курс обширной радиотерапии от опухоли в мозгу, а я вернулся в Берген, в прокуратуру.

– Так почему ты ушёл из полиции?

– Это другая история, – шёпотом отвечаю я, – совсем другая история.

Дождь за окном сменился градом, замёрзшие капли постукивают о кухонное окно, прежде чем снова исчезнуть в темноте.

– Ты говорил, что тебя наняли родители датчанина, – прерывает тишину Харви.

Я киваю.

– Для чего?

– Точно не знаю, – отвечаю я, – Чтобы я ждал. Надежду на самом деле можно купить.

– Надежду?

– Пока они платят, я буду ждать. А пока я жду... есть надежда, что я что-нибудь отыщу.

– Например?

– Волшебный ключ, способный повернуть время вспять.

Я бросаю ищущий взгляд на дно кружки, и Харви наполняет её доверху. Запах спирта щекочет ноздри и согревает, вскрывает и прочищает мои воспалённые слезные каналы, разгоняет облака, которые плывут и бьются друг о друга где-то глубоко в моей голове.

– Ты когда-нибудь найдёшь его? – спрашивает Харви, слегка улыбаясь, и смотрит на меня. – Этот ключик?

– Никогда, – отвечаю я и смеюсь в ответ.

Глава 13

Второй день с Фрей, Ставангер, 23 октября 2011 г.

Кафе «Стинг» находилось у Вальбергской башни. Оно располагалось в старом деревянном доме, наполненном той самой модной деревенской аурой, которую так любят жители Ставангера. Женщина за барной стойкой подала мне чашку кофе и стакан воды со льдом, и я отнёс их к столику в глубине зала, где сел в ожидании Фрей.

Фрей пришла без пятнадцати семь. Я сидел за столиком у окна и с прищуром смотрел на каменную башню, которую заливало дождём. Он стекал по окнам кафе, словно путанные нити свивались в серо-голубую паутину.

– Ну и погодка, – сказала она и сняла свою парку цвета хаки с капюшоном и карманами. Она повесила её на спинку стула и бросила взгляд в сторону бара, после чего женщина за стойкой поставила кипятиться воду и стала шуршать чайными пакетиками, лежащими в чаше, – долго ждал?

– Дольше, чем тебе хотелось бы.

Фрей склонила голову набок и бросила на меня безмолвный взгляд, а потом развернулась и ушла к стойке.

– Почему ты пришёл? – спросила она, когда наконец присела на стул из кованого железа прямо напротив меня. Она взяла три больших куска тростникового сахара и бросила в ярко-зелёную жидкость в чайной чашке. Потом она взяла ложку и лениво размешала чай, чтобы сахар растворился и окрасил содержимое в тёмный цвет, придав ему более землистый и нерафинированный вкус.

– Одиночество, – ответил я, – без сомнений.

– Думаешь, я могу тебе с этим помочь?

– Уверен, что нет.

– Тогда почему?

Я пожал плечами:

– Потому что ты предложила.

– Дядя этого хотел, – она приложила горячую ложку к нижней губе и закрыла рот, – он ждёт гостя, – сказала она и положила ложку на блюдце к ломтикам лимона.

– Гостя?

– Мужчину.

– Вот как?

– Роберт старше меня всего на пару лет. Он мне в братья годится. Чертовски красив, – она негромко рассмеялась и взяла чайную чашку обеими руками. – Дядя Арне – гей. Ты что, не заметил?

– А должен был?

Пришёл её черёд пожимать плечами:

– Дядя Арне сказал, что ты из тех людей, которые читают язык тела и раскрывают то, что мы держим в секрете. Это неправда?

– Нет, – рассмеялся я, – ни в коей мере.

– А что ты тогда умеешь?

– Проводить допросы и писать рапорты, – ответил я и наклонил пустую чашку набок большим и указательным пальцами. Я взглянул на заварку на доньшке, а потом снова перевёл взгляд на её лицо.

– Но ведь ты эксперт по тактике ведения опроса, разве нет? Арне сказал, что ты только вернулся из Штатов.

Я придвинулся к ней и спросил:

– Откуда он, чёрт возьми, это знает?

– Арне – бизнес-адвокат одной из крупнейших нефтедобывающих компаний Северной Америки, – Фрей провела двумя пальцами по своей пышной шевелюре, – он любит знать, с кем имеет дело, как в личной жизни, так и в профессиональной.

– Что еще он нарыл?

– Ты наполовину норвежец, наполовину исландец, твой отец – океанолог по образованию, но занимается радикальным эко-активизмом у себя в Исландии. Твои родители развелись еще в твоём детстве, и твоя мать уехала обратно в Норвегию с тобой и твоей сестрой. И, да, недавно ты и сам развёлся.

– Похоже, ты знаешь всё, – ответил я и наклонился за пакетом, который лежал у меня между ног. Я полночи провёл, собирая все возможные документы по бергенскому делу и основанию органов особого назначения, – а вот, кстати, то, что я нашёл по твоему заданию. Комитет по предотвращению пыток совета Европы тоже издал рапорт, в котором были раскритикованы...

– Мне это не нужно, – Фрей сидела и смотрела на меня, держа свою кружку на середине ладони, – я уже доделала задание.

Я перевернул свою чашку верх дном и поставил её на блюдце.

– И что мы тогда здесь делаем?

– Знакомимся, – ответила Фрей, – по-твоему.

– По-моему?

– Разве не в этом заключается твоя работа, твои экспертизы? Собрать о человеке информацию, а потом в контролируемых условиях выложить всё, где ты и твои ребята могут раскопать наши тайны, узнать слабости и болевые точки? Я просто хотела начать с тебя.

– Господи, – простонал я и стукнул костяшками пальцев о дно своей кружки, рассмеявшись про себя, – может ты и права, – помедлив, сказал я и поднялся из-за стола, чтобы уйти. – Впрочем, знаешь что? Ты, конечно, просто в горло мне впилась. – Я поднял пакет с документами и отклонялся. – Обвела меня в моей же игре. Адъё.

Я быстро зашагал по шахматной плитке, а потом резко развернулся, пошёл обратно и снова сел.

– Хотя, что уж там, давай доведём игру до конца, – я откинулся на спинку стула. – Так что ты хочешь знать, Фрей? Говори прямо.

– Я хочу знать, что ты скрываешь и о чём лжёшь, – спокойно ответила она, всё ещё держа кружку на середине ладони. Затем резким жестом поставила ее обратно на стол, – прежде чем сама расскажу тебе о своих тайнах.

– Хорошо. С чего мне начать?

– С чего сам хочешь.

– Моя мама была детским психологом, пока не заболела. Сейчас она живёт в доме престарелых в Аскере. У неё Альцгеймер, уже почти как десять лет. Я давно с ней не виделся. Не знаю почему.

– Расскажи об Исландии.

– Когда я был маленьким, мы катались от одного алюминиевого завода к другому, ездили на электростанции и плавильные цеха. Я, мама и сестра Лиз. Мы приезжали туда, чтобы посмотреть, как отец и его команда защитников природы намертво привязывают себя к экскаваторам и трубным муфтам, к подъёмным кранам и самосвалам, восторженно крича и мочась в штаны, чтобы мир увидел, что человечество вышло из-под контроля.

– Идеалист.

Я кивнул.

– Почему ты уехал в Америку?

– После бракоразводного процесса мы с моей бывшей женой оказались в ситуации абсолютного противоречия друг с другом, в каждой детали, в каждом нюансе. Так что как только я увидел заметку о наборе на курс, я сразу же поехал.

– Чтобы допрашивать преступников-полицейских в чужой стране?

- Именно.
- Зачем?
- Чтобы лучше делать своё дело, чтобы...
- Их понять?
- Да.

Внезапно Фрей широко улыбнулась:

- Ты мстишь полицейским за своего отца?
- Может быть, – устало ответил я. Дождь отчаянно барабанил в окна.

Падавшая с неба вода собиралась в ручейки, которые стекали к дороге по обе стороны кафе.

Фрей залилась смехом.

– Это самое настоящее клише, Торкильд Аске, – сказала она и схватилась за голову, – неужели ты не понимаешь?

– Понимаю. Если у меня когда-нибудь будет личный психолог, я обязательно передам ему, что ты первой это подметила.

Я уже принял решение продолжить игру, на какой бы вопрос мне ни пришлось отвечать и какими откровенностями ни пришлось бы пожертвовать. Развод с Анн-Мари и время, проведенное на американском юго-восточном побережье с мужчинами и женщинами, которых мы с доктором Оленборгом допрашивали за непробиваемым стеклом, обошлись мне дорого. Слишком дорого. Сидя с ней в этом кафе, я почувствовал, как моя грубая внешняя оболочка даёт трещину. Как где-то внутри начинает пульсировать что-то новое и живое. Что-то, чего я никогда раньше не испытывал.

Фрей выждала паузу, еле сдерживая улыбку, и сказала:

– Вы поэтому развелись? Ты узнал о ней всё и понял, что раскапывать там больше нечего? Исходил всеми дорогами – работа закончена и пора приниматься за что-нибудь другое? За новое дело?

– Дело? Что-то вроде... тебя?

– Нет, – ответила Фрей, – обо мне ты все еще не знаешь ничего. Мы друг для друга незнакомцы.

– Ты права. Ну что, моя очередь?

– Твоя очередь.

– Итак, – сказал я и наклонился над столом, – Расскажи мне о себе.

Фрей сидела и молча смотрела на меня, обводя меня глазами, слово парой сверкающих солнечных дисков, всматриваясь в каждую клеточку моего лица.

– Я танцую, – произнесла она и схватила с блюдца кусочек сахара.

Суббота

Глава 14

– Эй?! Эй, угадай, что это: красное и говорит буль-буль.

– Ч...что?

– Что это: красное и говорит буль-буль?

– Господи, понятия не имею, – завываю я в ответ и пытаюсь увернуться от маленького создания, задающего мне эти дурацкие вопросы.

– Ха-ха! Это красный буль-буль, разумеется!

Я открываю глаза и понимаю, что лежу посередине кухни, частично под столом, за которым мы с Харви сидели и распивали спиртное прошлым вечером. Маленький мальчик, которого я видел вчера, сидит рядом со мной и улыбается. Я вижу стоящие у плиты ноги Харви и чувствую запах свежесваренного кофе.

Харви наклоняется и заглядывает под стол.

– М-м-м, – мычу я и делаю попытку встать.

– Почему ты спишь на полу? – спрашивает мальчик.

– Не знаю, – отвечаю я и утыкаюсь головой в пол, пытаюсь подняться.

– Для частного сыщика ты плоховато переносишь газировку для взрослых, – Харви хихикает над чашкой горячего кофе и ставит её на стол над моей головой.

– Настанет день, – усмехаюсь я и хватаюсь за стул, чтобы наконец встать, – ты только дай мне время.

– Папа, он что, вчера напился? – мальчик смотрит на меня, а затем на отца.

Харви подходит ко мне и помогает подняться.

– Ну, что-то такое явно было, – с улыбкой произносит он.

– Который час? – спрашиваю я и обжигаю губы горячим кофе.

– Скоро полшестого, петух уже пропел, – отвечает Харви, – мы выходим через десять минут.

В голове стучит, носовые пазухи будто залило цементом, щека болит дьявольски.

– Сегодня на улице сыро, – говорит Харви, отхлебывая кофе. Он выглядит на удивление свежим и расторопным, несмотря на вчерашний вечер. – Я отложил для тебя комплект термобелья, можешь надеть его, а еще ботинки и шапку. – Он снова улыбается: – От холода.

– Спасибо.

Меня трясёт от вида из окна. На улице всё ещё темно, разве что

тусклый утренний свет над вершинами самых высоких гор напоминает, что скоро наступит день.

– No problem, man^[9].

Харви поднимает кружку с кофе за моё здоровье. Я выпиваю ещё пару глотков, но боль в диафрагме и всеобъемлющая тревога, которые появляются перед приёмом утренних таблеток, заставляют меня подняться и направиться в ванную.

Тот, кого я вижу в зеркале, с легкостью вынудил бы любое чудище из преисподней с криками вернуться обратно. Я достаю утреннюю дозу таблеток и запиваю её водой из-под крана. После этого я выдавливаю полоску детской зубной пасты на указательный палец и искренне пытаюсь почистить зубы. Остальное обойдётся. Какой смысл заикливаться на недостижимом?

На пути к прихожей я встречаю мальчишку снова.

– Эй, ты! – подражая отцу, он скрестил руки на груди, опираясь телом на своё бедро. – Что это: красное и говорит буль-буль?

Я в отчаянии гляжу на него, надеясь, что тот поймет, что душевно болен и должен немедленно исчезнуть с моего пути, но, кажется, никакого эффекта это не даёт. Так что я сдаюсь, улыбаюсь и отвечаю:

– Хм, есть, кажется, такой буль-буль, он ещё красного цвета?

– Дурак! Это брусника на лодке с подвесным мотором! Ха-ха-ха-ха-ха!

Всё вокруг посерело. Даже дома в жилом квартале как будто выцвели. В саду на крыше кормушки сидит сорока и смотрит на нас, наклонив голову. Она улетает прочь, как только Харви запирает автоматически замок своего пикапа. Он заводит машину, и мы выезжаем на извилистую дорогу, минуя центр и направляясь к лодочным сараям у залива.

Вчерашний ветер улёгся, но на улице стало холоднее. Воздух сырой, трудно дышать, не откашливаясь. Боль в щеке пульсирует и, разумеется, не проходит. Кроме того, пора признать, что моя пищеварительная система находится в состоянии коллапса, и боли в животе, которыми я страдал в последнее время, не пройдут сами по себе.

– Я тебя захвачу, как только закончу дела на ферме, – говорит Харви.

– Хорошо, – отвечаю я и одновременно с этим замечаю пожилого мужчину в лодке из стеклопластика, который движется к берегу. Как только лодка причаливает, старик выпрыгивает на сушу и принимается тащить лодку на берег.

– Тебе помочь, Юханнес? – Харви спускается к мужчине, тот качает головой и вытаскивает контейнер с рыбой, которую начинает потрошить

прямо на гальке.

– У меня с собой настоящий частный детектив, – говорит Харви, опёршись о планширь, пока Юханнес вспарывает живот крупной треске и вытряхивает её внутренности.

На рыбную сушилку над сараями присела пара чаек.

– Он здесь, чтобы найти датчанина, который жил на маяке.

Юханнес снова бросает на меня взгляд, а затем качает головой и выбрасывает требуху в море, а одна из чаек взлетает с сушилки и пикирует в нашем направлении.

– Датчанин мёртв.

– Да, но... – начинает Харви, но Юханнес перебивает его, бросив выпотрошенную треску в контейнер и вытащив себе новую.

– Ты же знаешь... – Юханнес сжимает губы, как будто кусая внутреннюю поверхность щёк, – в это время года Драугр сплавляется на самых гребнях волн. Грядут шторма, – он ножом вспарывает рыбий живот, вытаскивает содержимое и бросает требуху в море. – Так что следи за своим южанином. Ты же помнишь, что случилось с русским траулером в прошлый раз, когда была непогода.

– Он не южанин, – слегка посмеиваясь, отвечает Харви, – он исландец.

– Вот как, – Юханнес достаёт из лодки новый контейнер с рыбой и ставит его на гальку между нами, – а что, есть разница?

Он садится на колени и продолжает потрошить улов, а мы возвращаемся к сараям.

– Кто такой Драугр? – спрашиваю я, пока мы с Харви на пути к маяку рассекаем волны на его лодке. В последние минуты снова поднялся ветер, и я хватаюсь за веревку, чтобы удержаться на месте.

– Ты разве не слышал о духе, который плавает на половине лодки в рыбацком кожаном костюме? Его появление предвещает смерть.

– Похоже, он отличный парень, – отвечаю я и натягиваю шапку на лоб, – легкомысленный старший брат Юханнеса, наверное?

– Океан даёт, океан и забирает. Здесь у нас старые поверья хранятся бережно, когда бушуют шторма. Наш мир полон тайн, Торкильд Аске. Особенно здесь, на севере. У вас в Исландии разве не ходят такие легенды?

– Ну конечно, ходят.

Он сбавляет ход и оборачивает ко мне:

– Ты веришь в духов, Торкильд?

– В духов?

– Призраки, души умерших, которые бродят по Земле, и все такое?

– Я... – начинаю я, но не договариваю. На мгновение я замираю,

прислушиваясь к ощущению порывов холодного ветра на моём лице.

– Помню, когда я был маленьким, – Харви останавливает лодку, чтобы та качалась в такт беспокойному морю, – из леса вокруг нашего домика в Миннесоте доносился детский плач. Он приходил зимой, когда замерзали болота и озёра. Горькие всхлипы отдавались эхом между стволами деревьев, когда морозный туман опускался над лесом. Волосы дыбом вставали, скажу я тебе.

– Да уж, – бормочу я, судорожно обводя взглядом тёмную гладь воды.

– Потом несколько мелких озёр осушили, чтобы построить коттеджный посёлок. Копатели нашли скелет ребёнка в одном из водоёмов, который, по их мнению, пролежал там более ста лет. После этого в лесу стало тихо. Что ты об этом скажешь?

– Не знаю, – я поднимаю взгляд к небу, по которому из-за горизонта выплывают тёмные тучи. Перед нами стоит маяк и пара домов на острове. Я замечаю статую на возвышении: четырёхугольник с кругом на верхушке; её поставили на самое острие одной из скал. На четырёхугольник кто-то повесил рыболовные сети, и они слегка колышались на поднимающемся ветру.

– Вдова, – констатирует Харви и снова заводит лодку. Он берёт курс к причалу, наконец выплывшему из серого тумана, – произведение из серии работ современного искусства, которой местные власти наводнили город и нашу деревню пару лет назад. Одним летом сюда приехал француз и поставил туда фигуру, а потом уехал.

– Ты часто там бываешь?

– Нет, там ведь ещё с восьмидесятых пусто. Я пару раз заглядывал туда, когда там поселился датчанин, вот и всё.

– И как он тебе?

– Способный столяр, – отвечает Харви. – Когда мы встретились в первый раз, я возвращался домой с фермы. Я увидел, как он из последних сил перетаскивает на спине эти чёртовы окна, от волнореза к главному зданию, одно за другим. Тройная оправа, морозостойкая прокладка и бог знает что ещё. Чертовски тяжёлые. Стоили, наверное, целое состояние. Я помог ему поставить их в баре. Fantastic^[10]. Нет, он был не из тех, кому не хватает амбиций.

– Когда ты видел его в последний раз?

– За пару дней до того, как он пропал, – Харви поглаживает свою щетину, – мы встретились в видеом магазине. Он хотел узнать, какой цемент я использовал для бетонированных ботинок на своей ферме. Думаю, он хотел укрепить причал.

Я вижу, как бьются волны о причал перед нами. Некоторые столбы, кажется, прогнили насквозь, и вся эта конструкция шатается в такт движению воды. Те, что подальше от берега, уже сломаны, они торчат, из беспокойного моря, как гнилые зубы.

Харви бросает взгляд на небо и качает головой.

– Плохи дела наши, – говорит он. – Очень плохи дела.

Тучи собираются, как будто огромная крышка сейчас накроет котёл, и кажется, что снова темнеет, хотя день только начался. Лодка трещит по швам, встречаясь носом с резиновой прокладкой на длинной стороне причала. Выбравшись из лодки и встав на твёрдую землю, я ощущаю, как у меня сосёт под ложечкой. Голова начинает кружиться, и я вцепляюсь в свой рюкзак, пытаюсь найти что-нибудь, за что можно ухватиться. Через мгновение начинает идти снег: большие плотные снежинки спускаются с пасмурного неба и, приземляясь, тают.

– Похоже, Юханнес был прав, – доносится голос Харви, который отплывает от причала и всё глубже погружается в снежную кашу.

– В чём же?

– В том, что дело идет к непогоде.

Харви говорит что-то еще, но гул мотора и ветер уносят его слова прочь. Лодка издаёт грозный рёв и скрывается вдали.

Я ещё сильнее вцепляюсь в рюкзак и направляюсь к главному зданию, склонив голову против ветра.

Глава 15

Весь серый остров скоро исчезнет в метели. Она становится всё гуще, раздуваемая ветром. Я добегаю до входа в дом, достаю из кармана штанов ключи с желтой ленточкой, на которой написано «Расмус Маяк + Главный Корпус», и вставляю один из них в замок.

Бывшая сторожка представляет собой большой деревянный дом начала двадцатого века с вертикальной обшивкой и окнами с белыми рамами. Кажется, Расмус неплохо продвинулся с ремонтом фасада. Единственные видимые следы пожара – обгоревшие обшивочные доски, окна и черепичная плитка, сложенная горкой между домом и лодочным навесом. Шиферную черепицу он заменил на медную и подобрал к ней похожий по цвету водосток. Даже сейчас, когда вокруг такая угнетающая снежная погода, дом совершенно по-особому отражает свет.

Я вожусь с замком, он, наконец, поддается и впускает меня внутрь. Здесь пахнет свежей древесиной и опилками, хотя слегка отдаёт ветхостью и еще чем-то неопределимым. Стены и пол отделаны прозрачным пластиком. Даже старинная лодка – Расмус перевернул её вверх дном, оторвал днище и переделал в стойку регистрации, – и та покрыта пластиком.

Я отодвигаю пластиковые панели в сторону и захожу в дверь с правой стороны фойе. Внутри большая комната в форме буквы Г, которая, видимо, служила одновременно и баром, и переговорной. В углу стоит изогнутый велюровый диван розового цвета, на нём – гора покрытых пылью гардин. Перед ним стоят нераспакованные коробки с лампами из тёмного муранского стекла с тонкой металлической проволокой, белыми мраморными плитками и люминесцентными розовыми светодиодами, а еще – дюжина барных стульев с серебристыми ножками на пластиковых подставках.

Я достаю мобильник и набираю номер Анникен Моритцен.

– Анникен слушает, – отчеканивает она, – кто звонит?

– Это я, Торкильд Аске.

Я слышу, как замедляется её дыхание.

– Где ты?

– Я на маяке. В баре Расмуса. Классное место, скажу я тебе, хоть ремонт здесь и не закончен. Комната отделана в стиле восьмидесятых: геометрические формы, красные ковры, барные стулья с подушками «под

леопарда» и сине-сиреневые обои, которые слегка пузырятся по швам. Даже панорамные окна покрыты пластиком. Бар с отличным видом на воду.

Я возвращаюсь к барной стойке, у которой Расмус разложил раскладушку. На полу лежат журналы о яхтах, мешок с одеждой и кубик Рубика. Я бросаю взгляд на коробку с памфлетами и старыми меню из столовой. На одном из памфлетов изображено здание только после ремонта.

– «Образовательный и конференц-центр Блекхолма», – читаю я.

– Не поняла. Что ты сказал?

– Извини. Я просто нашёл пару старых брошюр со времён, когда здание еще было конференц-центром.

– Читай, – шепчет Анникен, – я хочу узнать, что там написано.

– Хорошо.

Я раскрываю брошюру и обнаруживаю, что некоторые из предложений Расмус обвёл в кружок, будто бы заранее планируя будущую рекламу для своего заведения.

– «Мы располагаем двумя залами и одной переговорной, вмещающей до тридцати человек. А также всем необходимым, чтобы набраться сил и вдохновения во время перерывов».

– Это всё? – спрашивает она, когда я останавливаюсь, задумавшись над фрагментом, который Расмус обвёл в кружок.

– Нет, – отвечаю я и зачитываю последнее предложение: «Конференцию вы забудете, но часы, проведенные на Блекхолме, надолго останутся у вас в памяти».

Из отделанных пластиком панорамных окон виден траулер в тусклом дневном свете. Он – как горизонтальная черта посреди этого тёмно-синего пейзажа. Вскоре пол начинает резонировать в такт вибрации двигателя.

– Рассказывай дальше. Я хочу знать, что ты видишь, Торкильд, – произносит Анникен и отрывает меня от зрелища за окном.

Её голос кажется более жёстким, как будто она вот-вот сорвётся. Мне хочется сказать ей, что знаю, как это бывает, когда ужас, страх и паника стучат сразу во все двери. Сказать, что подолгу всё это сдерживать в себе опасно, что однажды придётся выпустить свои чувства наружу. Но я не осмеливаюсь. Я не смогу находиться рядом, когда это произойдёт с кем-то другим. Я откладываю брошюру в сторону и сажусь на колени перед раскладушкой.

– Мешок с одеждой, книги, косметичка и пара бритв в белом пластиковом футляре. – Я приподнимаю спальный мешок и обнаруживаю портативный радиопередатчик «Моторола» и две упаковки батареек. – Что-

то вроде морского радиоприёмника, точно не знаю.

– Что ещё? – торопит Анникен. Мы с ней продолжаем упражняться в словесной эквилибристике: каждое слово, каждый вдох и выдох отдаются вибрацией, которая удерживает её от падения в пропасть. – Что ты видишь?

– Больше ничего, – резюмирую я и облокачиваюсь на барную стойку. Я закрываю глаза и пытаюсь определить, откуда доносится рёв дизельных поршней траулера.

– Его здесь нет, Анникен, – шёпотом говорю я.

Внезапно я ощущаю головокружение и усталость и осознаю, что больше не выдержу этой мучительной работы.

– Расмуса здесь больше нет.

– Но он там был, – с тяжестью в голосе отвечает она. – Совсем недавно. Его запах все еще витает в воздухе. Ты этого не замечаешь только потому, что никогда не обнимал его так крепко, как его обнимала я. Я представляю его там, где сейчас стоишь ты, и в этом самая большая трудность. Я не справлюсь, я просто не вынесу...

– Я буду искать дальше, – шепчу я и поднимаюсь, собравшись с силами, – хорошо?

– Маяк, – восклицает она вновь обретшим силу голосом, – он обычно звонил мне с вершины маяка.

– Отлично. Тогда пойдём туда и посмотрим.

Пронизывающая потусторонняя темнота по пятам следует за мной, когда я, пробираясь сквозь метель, бегу через весь остров к лестнице маяка. Несмотря на то, что сейчас раннее утро, мне кажется, что я нахожусь в зале ожидания, где-то между ночью и днём.

Ступени сделаны из горной породы, к ним прикреплены ржавые железные перила. Маяк – это восьмиугольный чугунный купол с красной полоской под крышей. Красно-белая башня практически сливается с окружающей средой.

– Это будет номер люкс, – по памяти сообщает мне Анникен после того, как я закрываю за собой входную дверь и ступаю на винтовую лестницу, ведущую на самый верх маяка. Меня окружают крашенные бетонные стены с чёрно-белыми изображениями бушующего океана и серых туч. Отлично создают нужное настроение для туристов.

Всё техническое оборудование маяка вырвано с корнем, от линзы не осталось и следа. В центре комнаты стоит антикварная кровать с балдахином, с которой открывается обзор в 360 градусов. В потолок вмонтированы светодиодные полосы, и кажется, что он сколочен из палубных корабельных досок.

– Разве там не красиво? Расмус присылал мне фотографии комнаты и вида со своего телефона.

– Великолепно, – отвечаю я, поддвигаю пару коробок с плиткой к окну и сажусь.

– А вид? Как тебе этот потрясающий вид из окон? Расмус называет его непревзойдённым.

– Он прав. – Я кладу локти на подоконник, мой взгляд тонет в пучине снега, она мерным фронтом проходит мимо. За окном так серо, что земли больше не видно. Даже склад инструментов у входа на маяк скрылся за плотной серой дымкой. – Абсолютно непревзойдённый.

– Спасибо, – Анникен тяжело дышит.

– Анникен, – заговариваю я после долгой тишины, когда мы оба сидим и слушаем дыхание друг друга, – я не знаю, что еще я должен сделать.

– Возвращайся, – устало говорит она, – Теперь и я поняла. Его здесь нет. Господи... – всхлипывает она. Ее барьеры наконец прорваны. – Его здесь больше нет...

Анникен кладёт трубку, но я еще долго сижу, прислонив мобильный к уху. Траулер уплыл, за окном воет ветер, и волны без устали бьются о берега острова. Передо мной легко и элегантно кружат снежинки, будто партнёры в экзотическом парном танце.

Я думаю о Фрей.

Глава 16

Танцевальные курсы с Фрей, Ставангер, 24 октября 2011 г.

Я увидел Фрей в культурном центре Сёльберга, уже через день после нашего свидания в кафе «Стинг». Она изящно пробиравлась сквозь толпу детей и родителей с раскрашенными лицами и причудливыми причёсками. На плакате перед входом значилось, что в тот день в центре проходил семейный фестиваль для детей и молодёжи всех возрастов.

В фойе соорудили сцену. Разодетые мифические существа с голубыми флагами ООН в руках прыгали и танцевали среди собравшихся, хищно ухмыляясь.

Едва ли мы с Фрей встретились там случайно. Я уже несколько часов провёл в районе, беспокойно ходил туда-сюда между культурным центром, выставками и магазинами, ожидая, когда наступит шесть часов. Согласно объявлению, висящему на одной из стеклянных дверей третьего этажа, тренировки по спортивным танцам проходили там два раза в неделю, по соседству с кабинетом кружка детского оригами.

В попытке скоротать время мне даже довелось лицезреть театральную постановку о мальчике с игрушечной змеей, оживающей только когда они оставались вдвоём. Но это едва ли заслуживает упоминания.

Фрей была одета в тёмно-серые спортивные лосины, кофту с капюшоном и чёрные кроссовки. Она быстро взбежала по ступенькам, не заметив меня. За моей спиной заработал микрофон, и женский голос с энтузиазмом объявил, что на цокольном этаже открылась для приёма гостей мастерская троллей и духов.

Я виновато улыбнулся какой-то женщине в костюме ведьмы, столкнувшись с её дочерью. Та нарядилась к фестивалю в сшитый дома костюм – то ли пчелы, то ли шмеля, с двумя бадминтонными ракетками на спине. Я двинулся к лестнице.

По пути наверх я прошёл мимо стендов у входа в библиотеку на втором этаже, где рекламировались курсы африканского плетения волос и росписи хной. Из фойе начали доноситься раскатистые удары барабанов.

У двери в танцкласс я слегка замялся, в который раз проклиная свою почти безмерную детскую наивность, не имея, впрочем, ни возможности, ни желания что-либо с ней делать. Потом я вошёл.

Зал был переполнен, но я всё-таки заметил чёрные кроссовки Фрей в

куче десятков других. Танцкласс от коридора отделяла стеклянная дверь, за ней уже занимались шесть пар и инструктор.

Фрей танцевала со стройным ухоженным мужчиной с зачесанными назад густыми чёрными волосами. Гель для волос буквально фосфоресцировал, когда они двигались, держась за руки, в абсолютной гармонии друг с другом парили над паркетом будто с врождённой точностью движений.

– Элегантно и легко, друзья! – кричала преподавательница на ломаном норвежском, хлопая в ладони и плавно маневрируя между парами, – и поворот!

Рыжеволосый мужчина лет сорока стоял у музыкального центра, опершись подбородком на руки, и мечтательно смотрел на танцующих.

– Ещё поворот. Ещё, ещё, ещё! – прохлопала инструктор, а потом резко развернулась к рыжеволосому мужчине в углу и дала ему отмашку:

– Сеньор Альвин, идите ко мне!

Альвин босыми ногами просеменил по паркету к раскрывшей руки женщине. Она положила свою правую руку на его талию, а левую выставила в бок, согнув в локте, ладонью вверх. Затем провела его полукругом между остальных танцоров:

– Дайте темперамент; вперёд, в сторону, вместе. Назад, в сторону, вместе. Давайте: раз, два, три, четыре, пять шесть! Все вместе, раз, два, три, четыре, пять шесть!

За моей спиной внезапно грохнула дверь, и тучная женщина, задыхаясь, вошла в зал.

– Господи, они что, уже начали? – ахнула она и заглянула внутрь, протиснувшись через меня к двери.

Она скинула с себя кроссовки и сняла верхнюю одежду, что-то вроде яркого лоскутного пончо.

– Вот так, – улыбнулась она, изобразила губами поцелуй и подмигнула мне:

– Bailar pegados!^[11]

Она распахнула дверь и протиснулась внутрь.

– Альвин! Альвин, друг мой, извини, что я так опоздала.

На короткое мгновение Фрей и её партнёр застыли в повороте, открывая вид на тучную женщину и Альвина, которые в танцевальном объятии воссоединились на паркете. В этот момент стеклянная дверь, неспешно затворяемая электрическим механизмом, вдруг резко запахнулась и прихлопнула мои пальцы.

Дикая боль пожаром полыхнула по руке, и мне пришлось

мобилизовать все свои силы и все самообладание, чтобы приоткрыть дверь и высвободить кончики пальцев. Я спешно развернулся и направился к выходу. Из глаз покатались слёзы, и налитые кровью кончики пальцев пульсировали как гранаты, готовые взорваться.

– Торкильд?

– О нет, – простонал я, остановившись на первой лестничной ступеньке. Потом спрятал ушибленную руку под курткой и развернулся: – Фрей?

Из фойе раздался оглушительный рёв ликования, и снова грянули приглушённые барабанные ритмы африканских перкуссий.

– Что ты здесь делаешь?

– У меня важное полицейское задание, – ответил я и обхватил предплечье ушибленной руки. – Я под прикрытием.

– Правда?

– Конечно. Ты разве не слышала?

– О чём? – спросила она, когда ударные стали греметь еще громче, и публика стала топать и хлопать им в такт.

– Киллер Оригами снова орудует в городе. Тяжёлый случай. Просто ужас.

Фрей перевела взгляд на распахнутую дверь, за которой азиатский мальчик лет семи мастерил бумажные фигурки вместе с тремя девочками лет десяти и их родителями, а потом снова на меня. Она стояла вплотную к колонне у входной двери на танцплощадку и смотрела на меня с лёгкой улыбкой на губах.

– С твоей рукой всё в порядке? – наконец сказала она.

– Всё отлично.

– Тебя отвезти в травмпункт?

– Нет.

– Хорошо. Пойдешь со мной?

– Куда?

– В зал, танцевать.

– Нет, я...

– Не хочешь?

– Ну конечно хочу, но... а что скажет твой партнёр?

– Роберт? – усмехнулась Фрей, – я же тебе рассказывала о Роберте в кафе «Стинг». Бойфренд дяди Арне. Великолепный танцор. Наверняка и любовник ненасытный, как думаешь?

– Несомненно, – пробормотал я и ощутил, как боль в кончиках пальцев постепенно утихает и растворяется в танцевальных ритмах, заполнивших

культурный центр.

– Ну, давай же, – она протянула мне руки, – я же знаю, что ты хочешь.

Я больше не обращал внимания на боль в пальцах, когда вместе с Фрей вернулся в танцкласс. Всё, что я чувствовал, – резкое покалывание, когда встречались наши ладони, и запах её волос. Если бы я наклонил голову чуть ближе, её кудри касались бы моих щёк и губ.

Глава 17

Я вздрагиваю из-за того, что внизу кто-то стучится в дверь маяка. Я поднимаюсь с подоконника и смотрю на запотевшее от моего дыхания стекло. Я замерз, одежда на мне выстыла, а ботинки стали жёстче и жмут, будто они уменьшились, пока я спал.

Снова раздаётся монотонный стук откуда-то снизу. Глухие вибрации доходят до самого верха, там, где сижу я, и заставляют дребезжать старую штукатурку у швов. Я протираю запотевшее стекло рукавом куртки и выглядываю наружу: за окном всё так же серо, день неотличим от ночи. Только вечный поток кружащихся снежных хлопьев и волны, омывающие берега острова.

Внезапно я замечаю человека, стоящего между складом инструментов и наружной дверью маяка. На нём надета штормовка. Одной рукой он мне машет, а другой указывает рукой на море, будто бы пытаюсь предупредить о чём-то, скрывшемся за метелью. Собираясь было прислониться к стеклу, чтобы лучше разглядеть происходящее за окном, я отскакиваю от окна из-за сильного удара откуда-то снизу. Через секунду всё снова стихает, я как будто внезапно оказываюсь в вакууме. Я поворачиваюсь обратно и смотрю наружу: мужчина в штормовке исчез.

Между лодочным сараем и причалом появился просвет посреди всей этой непогоды, там, где метель кружит, как миниатюрный торнадо вокруг скал. Я замечаю, как что-то выплывает из гущи плотных водорослей, лениво колышущихся у самой кромки воды; форма, цвет и структура этого объекта не вписываются в ландшафт.

Я встаю, решив спуститься к двери, но снизу снова раздаётся удар. Эхо от удара металла по металлу подхватывают стены, ветер за окном бушует и завывает. Я подхожу к двери и осторожно поворачиваю ручку.

Холодный порыв сырого солоноватого полярного ветра проносится сквозь меня и врывается в комнату, когда я открываю дверь. Я подхожу к лестнице, наклоняюсь над перилами и пытаюсь через спираль лестницы разглядеть, что происходит внизу, откуда раздавался шум.

– Эй! – я кричу так громко, что срываюсь в хрип и мучительно откашливаюсь.

Никто не отвечает, и я начинаю спускаться по лестнице. Между тем дверь внизу сильно хлопает, сотрясая всю лестницу, так что мне приходится остановиться и вцепиться в перила, пытаюсь одновременно с

этим закрыть уши от грохота.

Прихожая покрыта снегом, металлическая входная дверь распахнута. Я хватаюсь за дверную ручку и разгребаю снег ногами, а потом выхожу на улицу и закрываю за собой дверь.

Фигура на юго-западном направлении исчезла, не оставив следов на снегу. Я сбегая вниз по литым ступенькам, крепко держась за перила. Вокруг кружится снег, волны окатывают камни и гнилой причал холодной пеной. На дворе тонким слоем выпал снег. Скоро начнётся настоящий шторм.

Я останавливаюсь посередине дороги. Нет никаких признаков того, что на острове только что побывал кто-то, кроме меня, но я снова обращаю внимание на объект в воде. Чем ближе я подхожу к морю, тем сильнее дует ветер. Снежный поток здесь не такой густой, можно разглядеть свет в домах на Большой земле.

Последние шаги я делаю крепко ухватившись за пучки травы и трещины в камнях, чтобы не поскользнуться и не упасть. Огни с большой земли мигают жёлтым светом, как фонари на старых кораблях, но потом между островом и землёй снова поднимается буря, окрашивая всё в белое.

Я глотаю воздух и чувствую вкус соли во рту, когда наклоняюсь над водой. Море здесь глубокое и тёмное, белые гребни волн омывают скалы и раскачивают тело, лежащее передо мной на поверхности воды.

На воде колышется труп лицом вниз. Видны только спина и несколько склизких прядей волос, всё остальное находится под водой и покрыто водорослями, как щупальцами. Я уже вытягиваю ногу, чтобы нащупать выступ и спуститься к воде, но передо мной вырастает большая волна. Я едва успеваю отступить, прежде чем труп выносит на камень, на котором только что стоял я.

– Что за...

Тело какое-то время неподвижно лежит на спине, но потом начинает соскальзывать обратно в воду. Верхняя часть туловища снова оказывается под водой, обвитая водорослями, и начинает медленно погружаться в воду головой вниз и чуть разведенными в стороны руками.

Я пытаюсь отдышаться и глубоко втягиваю воздух, а потом ползком подбираюсь к поверхности воды, следя за силой волн. Я скольжу вперёд, упираясь ногами в ракушки и шероховатые камни, пока, наконец, не подбираюсь достаточно близко к трупу, чтобы достать его руками. Вскоре мне удаётся подтянуть тело к себе и вытащить его на берег. Я поднимаюсь и через камни волочу тело к лодочному сараю.

– Не понимаю, – задыхаясь, говорю я, наконец, остановившись и

выпустив труп, – это не Расмус!

Промокший и измученный я присаживаюсь на землю рядом с холодным телом.

Это даже не мужчина.

Глава 18

– Бьёрканг, – отвечает голос на другом конце трубки. В нём слышится любопытство и надменность. Кажется, Бьёрканг пьян. На заднем фоне слышится звук аккордеона.

– Это Торкильд Аске. Отвлекаю?

– Сегодня воскресенье, у меня встреча аккордеонного клуба, – он на секунду запинаятся, прежде чем продолжить. – Еще раз, а кто это говорит?

– Частный детектив Торкильд Аске.

Я слышу, как шериф тихо с кем-то переговаривается, и аккордеон затихает. Я затыкаю пальцем свободное ухо, пытаюсь укрыть его от ветра.

– Я у маяка...

– Почему ты, чёрт возьми, до сих пор там? Ты разве не читал прогноз погоды? Вечером обещали сильный шторм.

– Да, но...

– Ты один?

– Нет.

– Отлично, – говорит он и тяжело выдыхает, – ну тогда позаботьтесь о том, чтобы выбраться оттуда как можно скорее, пока вас не настигнет шторм.

– Я нашёл труп, – говорю я. – В море.

– Датчанина?

Слышно, как человек рядом с ним прекращает болтать, и они оба замолкают.

– А у вас никто больше не пропадал?

– Нет, – начинает было Бьёрканг.

– Это не Расмус, – прерываю его я, – это женщина.

– Повтори еще раз? Что-что ты нашёл в море?

– Какую-то женщину. Кажется, она пробыла в воде довольно долго.

Какое-то время он молчит, и потом снова раздаётся его глубокий голос:

– Ты уверен?

Я стою с трубкой в руке и слушаю тяжёлое дыхание шерифа. Мой взгляд падает на мёртвую женщину, лежащую передо мной на земле.

Тело вспухло и вздулось, как надувной мяч. У трупа нет лица, только волосы средней длины и кожа на черепе сохранились после проведённого в воде времени. Одна из рук оторвана по локтевой сустав, а на месте нижней челюсти зияет чёрная впадина, из которой торчат белые хрящевые кольца

трахеи и красно-лиловая трубка пищевода. Посеревшая мышца языка свисает между грудей, как галстук под гротескным капюшоном из плоти, окружающим череп.

Похоже, тело принадлежит молодой женщине. На ней тонкая ночная сорочка, надетая поверх футболки с изображением лошади. Вся кровь ушла в её ноги, до коленей, и в шею сине-лилового цвета. Рука, культя и верхняя часть груди покрыты трупными пятнами цвета бронзы. Кожа бугристая и плотная, напоминает гусиную.

– Алло, Аске! Ты еще здесь?

Гулкий, басовитый голос снова потрескивает в трубке, после того как двое мужчин на другом конце что-то напряжённо обсудили.

– Да, я здесь.

– Ты уверен, что...

– Ты не можешь просто сюда приехать, Бьёрканг? – раздражённо замечаю я. – У меня от этого места мороз по коже, и я чертовски хочу поскорее отсюда выбраться.

– Я сейчас же запрошу лодку и скоро перезвоню тебе, хорошо?

– Хорошо.

Раздаётся треск, и он кладёт трубку.

Я стою с телефоном в руке, не отводя взгляда от женщины без лица. Снег тонкой сеточкой уже покрыл её тело. Она – как извращённая версия снежного ангела: вместо двух крыльев у неё полтора.

Я подхожу к груде стройматериалов между главным корпусом и сараем и начинаю перетаскивать черепицу и металлолом к мёртвому телу, выкладывая их вокруг него. Потом захожу в фойе главного корпуса, расцехляю лист пластика у двери ресторана и забираю его с собой.

Я накрываю тело пластиком, сверху придавливаю его камнями и металлоломом. Закончив, я возвращаюсь на маяк. Задышавшись, рысцой взбираюсь по ступенькам, захлопываю за собой дверь и поднимаюсь по внутренней лестнице на самый верх, где снова пристраиваюсь у окна. Вскоре звонит телефон. Со мной говорит коллега Бьёрканга, сержант Арнт Эриксен. Он кажется запыхавшимся.

– Аске, это ты?

– Да.

– Только что звонил Бьёрканг, – сообщает он.

Слышно, что он находится на улице. Под его ногами хрустит гравий, и на заднем фоне какая-то женщина тоже разговаривает по телефону.

– Где ты?

– На пути к вершине Сёрёй. Мы с моей девушкой поехали на природу,

а потом позвонил Бьёрканг.

– Вы приедете меня забрать?

– Да, – отвечает Арнт, – не беспокойся. Я заеду за Бьёркангом к нему домой, как только мы вернёмся в долину. Он отправил парней из аккордеонного клуба по домам и вернул коньяк на полку. Ха-ха.

Его смех кажется притворным и натянутым.

– Зачем ты звонишь?

– Просто интересуюсь, – говорит он.

– Чем?

– Ну, Бьёрканг сказал, что ты что-то нашёл в море. Одну... женщину?

– Это так.

– Как она выглядела?

– В смысле? Ты знаешь, кто это может быть?

– Что? Нет, – волнуясь, отвечает сержант.

Женский голос около него стал тише, как будто и ей стало интересно, зачем Арнт мне звонит.

– Я просто должен был проверить, правильно ли он расслышал. То есть никто другой у нас пропавшим ни числится, кроме датчанина, так что...

– Так что, что?

– Ничего, забудь. Просто сиди спокойно, мы едем.

Арнт кладёт трубку, и я снова смотрю на остров. На земле виднеется пластиковый лист, уже запорошенный снегом, а под ним – тёмная субстанция. Щека начинает болеть, и я выдавливаю из блистера две капсулы оксикодона. Мне больше не хочется быть здесь одному посреди шторма. Я думаю о женщине под брезентом, о Расмусе, о баре; маяк и весь этот остров внезапно пробуждают во мне сильнейшие рвотные позывы.

– Я не должен был сюда приезжать, – шепчу я сам себе и бросаю в рот капсулы, – ничем хорошим это не кончится.

Глава 19

– Я думал, что это она, Фрей, – говорю я, когда Ульф наконец-то поднимает трубку. Я просидел здесь, на вершине маяка целую вечность. Новостей от Бьёрканга или Арнта нет, рёв лодки, на которой они должны меня забрать, не слышен.

– Где ты? – спрашивает Ульф и прикуривает сигарету, а потом тяжело вдыхает дым.

– Я на маяке датчанина. Я только что вытащил из моря какую-то женщину. Когда я увидел её между стеблями водорослей, мне на секунду показалось, что это Фрей.

– Так, – отвечает Ульф, – но ты ведь и раньше видел трупы, разве нет? В его голосе слышится напряжённость, хотя он и пытается её скрыть.

– Да, – отвечаю я и делаю вдох, – я просто не был готов.

– Кто она?

– Не знаю. Она молодая, наверное, ей слегка за двадцать. Понятия не имею, кто она. Шериф сказал, что у них никто не пропал.

– Она сейчас с тобой?

– Нет. Я укрыл ее пластиком и оставил лежать на берегу.

– Отлично, – Ульф глубоко вдыхает дым, между затяжками мурча от удовольствия. – Может нам поговорить о чем-нибудь другом, пока ты ждёшь, когда тебя заберут? Ведь за тобой скоро приедут, не так ли?

– Да, я предупредил шерифа. Они в пути.

– Прекрасно. Для начала расскажи мне, почему ты решил, что это Фрей? Фрей лежит в могиле на кладбище в Танангере.

– Я просто... У меня стресс, – выдавливаю я и глубоко вдыхаю. – Я только что принял две таблетки оксикодона, и они всё никак не начнут действовать.

– Скоро, – беззаботно вещает Ульф, поглощая сигарету, – скоро, вот увидишь.

– Нет, – возражаю я, – ничего здесь не работает как надо, даже небо застлано стеной тьмы и снега.

– Небо?

Ульф прерывается, он задерживает дым в лёгких и аккуратно выдыхает.

– А что не так с небом, Торкильд?

– Ничего, – угрюмо отвечаю я. Я понимаю, что сказал много

лишнего. – Я говорил с сестрой, как ты и настаивал, – я пытаюсь сменить тему.

– О, здорово, – спокойно отвечает Ульф. Он даёт мне продолжить, ожидая зацепки, чтобы развернуть диалог в то русло, которого я хочу избежать. – Всё прошло хорошо?

– Я стукнул ее мужа Арвида по голове.

– Почему?

– Он ублюдок.

– Несомненно. Помогло?

– Ещё как.

– Хорошо, Торкильд. Вы нашли время поговорить про мать с отцом?

– Нет.

– Ну, может быть, в другой раз.

– Господи.

Я сжимаю челюсти настолько сильно, что боль в щеке переходит в глазные яблоки. Я закрываю глаза и пытаюсь призвать на помощь хоть что-то, что может вытащить меня из этой ледяной комнаты страданий и перенести в другое место.

– Таблетки не действуют, – всхлипываю я и прижимаю трубку к уху, – не в такую погоду. И здесь ничего не работает. Я даже не могу здесь нормально сходить в туалет.

– Слушай меня, Торкильд. Давай мы медленно выдохнем, успокоимся и будем говорить, пока не подействует таблетка. А когда вернешься на Большую землю, купишь себе что-нибудь для живота. Дюфалак. Хорошо? Сможешь?

– Да, – вздыхаю я, – смогу.

– Отлично. Я закурю сигарету, и мы продолжим, хорошо? Ты не против?

– Не против.

Ульф прикуривает сигарету и затягивается. Я слышу, как сигарета потрескивает на другом конце провода. Он задерживает дым в лёгких, наполняя самые глубокие ветви бронхов, после чего выдыхает с удовлетворением, и довольным шёпотом произносит:

– Вот так. Торкильд, давай поговорим.

Снежные хлопья за окном кружат в воздушных потоках, временами почти замирая. Они будто парят в свободном падении и ожидают момента, когда новый поток ветра подхватит их и погонит вперёд сквозь ночь. Океан омывает остров суровыми волнами.

– Я тебе рассказывал о том, как снова её встретил? – спрашиваю я и

прислоняюсь ноющей щекой к холодному стеклу.

– Много раз, Торкильд. Много раз.

– Она вдруг оказалась там, в душевой, посреди струй воды.

Мне хочется рассмеяться, хотя тело дрожит от холода. Вместе с тем я чувствую, как что-то внутри меня высвобождается. Мускулы достигают полного расслабления. Таблетки, как маленькие белые снежинки, танцуют в моём животе, неся в себе вещество оксикодона. Они поднимаются вверх по сосудам, к голове и болевым рецепторам, которые уже ждут дозу препарата. Каждая клетка моего тела находит нужное место, и я собираюсь в единое целое, фрагмент за фрагментом.

– Это была она, и в то же время не она, понимаешь? Поэтому я подумал, что это был не сон.

– Расскажи мне лучше, почему ты спустился в душевую, Торкильд. Расскажи о встрече с Робертом, бойфрендом Арне Вильмюра. Я знаю, что он приходил к тебе в тюрьму, что вы в тот день говорили. Что он сказал тебе?

– Я сразу же узнал её, – продолжаю я, не обращая внимания на его вопросы. Идёт снег, не только за окном, но внутри меня. Это не метель пляшет в хаотическом шторме, это нежные кристаллы осыпаются снегом, похожим на гусиный пух. Уникальный чувственный опыт, который доступен мозгу только в предельном его состоянии.

– Он рассказал тебе, что у Фрей появился другой?

– Нет, – говорю я. По телу прокатывается волна, которая выбивает меня из равновесия, и я чувствую, что во мне растёт злость. – Я не хочу об этом говорить, – раздражённо произношу я.

– Так мы еще и не начали, – с безразличием отвечает Ульф, продолжая затягиваться сигаретой, – может быть, сейчас как раз время вместе подумать об этом, пока мы дожидаемся лодки?

– Нет! – пресекаю я.

– Хорошо, Торкильд, я не хотел на тебя давить.

За окном скоро совсем стемнеет. Широкие полосы холодного небесного света пробиваются через метель, достигая редких участков островной суши или океана, всё остальное выглядит сине-чёрным или бесформенным и серым.

– Тсс! – я прикладываю руку к микрофону мобильного. Мой взгляд цепляется за что-то у причала.

– Что такое?

Я всё еще слышу голос Ульфа сквозь пальцы. Свет прыгает по водной поверхности у причала, где кто-то похожий на человека пытается

выбраться из волн. Он выкарабкивается на сушу и осматривается, опершись руками о колени.

– Мне нужно идти, – шёпотом говорю я, как только человек на улице встаёт в полный рост и направляется к сараю, у которого лежит труп женщины без лица, накрытый пластиком. – Здесь кто-то есть.

Глава 20

Я хватаю свой рюкзак и бегу вниз по лестнице. На улице сильный шторм. Радиомачту вырвало ветром, она трясётся и качается над бетонным фундаментом. Жуткий скрежет металла о бетон терзает уши.

Я ничего не вижу, даже лодки у причала, где чёрные тени раскачиваются на ветру; снежная буря бушует, держит меня в этом туманном плену. Новый порыв бури прокатывается по острову, когда я хватаюсь за перила и начинаю спускаться по бетонным ступенькам к конференц-центру и лодочному сараю.

Трупа нет там, где я его оставил. Только большая вмятина на снегу показывает, где только что лежали голова и туловище. Я стою и смотрю на отпечаток ангела с одним крылом, и тут с причала раздаётся громкий треск.

Я поворачиваюсь и вижу каскады бьющихся о берег волн. Прогнившая конструкция причала грохочет и шатается вверх-вниз вместе с водой. Я сразу обращаю внимание на силуэт. Он стоит посередине причала, где метровые волны вздымаются в воздух и устремляются обратно вниз. Это мужчина, он почти полностью сливается с тёмным пейзажем, исчезает за снежной бурей, разделяющей нас. На нём водолазный костюм и маска, и, кажется, он тащит за собой к краю причала труп женщины без лица.

– Эй! – я машу руками, делая несколько шагов вперёд, – подожди меня!

Мужчина на секунду останавливается и смотрит на меня сквозь пургу, а потом снова берётся за дело и продолжает тащить ее дальше.

– Подожди же, чёрт возьми! – я трусцой бегу к причалу и вижу, что они уже приблизились к краю. Он стоит, наклонившись к воде, будто бы прикидывая, как будет туда прыгать.

Опять шатаются опорные столбы. Причал ходит ходуном под стук и треск металлических креплений. Мужчина в водолажном костюме стоит на самом краю, держа в руках труп женщины без лица, почти неподвижно, пока по ним хлещет морская вода.

О шаткий причал снова с грохотом ударяется пенистая волна. Вода вздымается в воздух и падает на причал, сопровождаемая грохотом опорных балок. Я опять смотрю туда, где стоял мужчина с трупом.

– Нет! – взываю я и делаю несколько шатких шагов вперёд, а потом снова останавливаюсь. Причал вот-вот оторвётся от фундамента. В

следующую секунду раздаётся треск балок, и причал взлетает над водой. Древесина трещит, ломаются крепления, и разлетается стальная арматура. Причал уже завалился на сторону, пока рушатся его последние смычки. Конструкция вертикально поднимается над водой, а потом плашмя падает вниз и по камням соскальзывает в тёмное море.

Вдруг я вижу их снова, недалеко от разрушенного причала. Там мельче, и вода чуть прозрачнее. Я вижу две тени. Одна из них плывёт вниз головой, только спиной слегка выдаваясь над водой, другая болтается у поверхности, будто разглядывая меня сквозь эту мутную воду.

Пару секунд я просто стою, а потом по камням сбегая к воде, в то время как мужчина уплывает вместе с телом прочь от острова.

– Эй, ты куда? – кричу я отчаянно. – Где лодка?

Неожиданно я начинаю скользить по мокрой поверхности и теряю равновесие. Я падаю между двумя камнями и ударяюсь головой о твёрдую и холодную землю, не более чем в полуметре от края воды. Голова оказывается зажатой, и сквозь камни до меня добирается морская вода и плещет в лицо. Ломота в позвоночнике доходит до предела, пока я пытаюсь выбраться из этого унижительного положения.

– Что, чёрт возьми, это было? – выпаливаю я измождённо, когда мне наконец-то удаётся забраться на более безопасную почву. Я на четвереньках стою на камнях, как промокшая собака, и глотаю воздух. Причал исчез в темноте. За мной лишь пара бетонных плит. Они держатся за вырванную и насквозь ржавую стальную арматуру, торчащую из земли. Силуэты под водой тоже пропали, как будто их здесь никогда и не было, а я только что очнулся от одного из тех снов, которые кажутся реальными.

Я распластался на камне, лицом к небу. Надо мной летает снег, тьма накрыла остров, будто гигантская крышка. Лежа на камне, я прислушиваюсь к звукам, доносящимся из сарая.

Спустя пару мгновений я собираюсь с силами, поднимаюсь и иду к сараю, пытаюсь утихомирить боль в голове. Затем встаю у запертой двери на колени и пытаюсь заглянуть внутрь через щель внизу. Пальцами ощупываю замок. Он совсем новый. Я ухожу к свалке стройматериалов и беру плоскую железку, чтобы вклинить её между замком и дверью.

Древесина трещит, когда я толкаю железку вниз и тяну на себя, а затем слетает одно из креплений вместе с четырьмя гвоздями, и дверь сходит с петель. Она чуть было не валит меня на гальку, но порыв ветра удерживает ее. Я проскальзываю в сарай, даже не пытаюсь удержать сломанную дверь.

В сарае виднеются очертания новёхонького электрогенератора. Распакована только выхлопная система – она лежит на полу рядом с парой

прожекторов из лёгкого металла и корпусом для джакузи. На стене висят пять блестящих водолазных костюмов, каждый на своём крючке.

Лист прозрачного пластика, которым я накрывал труп, с порывом ветра залетел в сарай и заслонил собой выхлоп генератора. Ветер колыхает лист, он шелестит и скребётся о детали и бетонный пол. Я поднимаю лист и подношу его к лицу – сильнейший запах мёртвой плоти, кожи, мускулов и внутренностей все ещё держится на пластике вместе со следами мертвого тела – сукровицей и трупными жидкостями.

Я скручиваю пластик и кладу его под одну из труб генератора. Я звоню Бьёркангу, но никто не отвечает.

Трубку не берут ни Арнт, ни Харви, а потом мой телефон садится. Я решаю дожидаться их прихода здесь, в сарае, и приставляю пару ящиков к задней стене, на которые потом забираюсь. Я промёрз до костей, и меня мучает дикая головная боль из-за падения на камни. Тело ломит, щека горит, а ноги онемели.

Я выуживаю из рюкзака бутылку с водой и ставлю её между ног, пытаюсь найти в карманах куртки контейнер с лекарствами. Я глотаю таблетки и облокачиваюсь о стену, тесно прижав руки к телу, затем закрываю глаза и пытаюсь сосредоточиться на шуме ветра за окном.

Воскресенье

Глава 21

Где-то снаружи слышится гул лодочного мотора. Я вытаскиваю руки из карманов куртки, спрыгиваю с ящиков и выхожу на улицу.

Снаружи охровый туман вот-вот заволочёт пространство с висящими в нём редкими снежинками. Гул навесного мотора усиливается, и за пеленой снега я вижу старого мужчину, направляющегося к острову.

– Так что, ты всё ещё жив? – кричит Юханнес. Его лодка скользит параллельно острову.

– Еле-еле, – дрожа, отвечаю я, встаю у бетонных плит, оставшихся от причала, который ночью унесло штормом, и жду, пока Юханнес пристанет к берегу.

– Что за чёрт? – восклицает Юханнес, заметив обломки креплений на месте причала. – Где остальное?

– Ночью унесло.

– Харви связался со мной по рации и попросил меня выехать за тобой, как только позволит погода. Много шестов с моллюсками вынесло в открытое море. Он всё ещё там, у себя. Передавали, что сегодня утром опять будет сильный шторм, так что у нас мало времени.

– Ты что-нибудь говорил шерифу?

– Бьёркангу? Нет, с чего бы? Сейчас нет и половины пятого, знаешь ли. Слуги социал-демократии проснутся не раньше чем через пару часов.

– Я говорил с ним вчера вечером, – объясняю я и забираюсь в лодку, как только Юханнес подходит ближе, огибая торчащую арматуру и тяжелые цепи, которые пытается всколыхнуть вода. – Они собирались приехать сюда, как только найдут лодку.

– Ну, может, они были заняты делами поважнее, – старый рыбак задним ходом отплывает от острова. Небо над нами снова начинает сереть, – ты бы наверняка смог продержаться там еще, если бы было надо.

– Я нашёл женщину в море.

– А? – Юханнес сплёвывает сквозь передние зубы. Он поворачивает рычаг и заводит мотор. Лодка начинает продвигаться вперёд по беспокойному морю на опасно низкой скорости. – Ты уверен, что это была женщина?

– Да.

– Где она теперь? – спрашивает он почти равнодушно, как будто я говорю об умершем хомяке или о золотой рыбке с аритмией.

– Кто-то вылез из воды и забрал её с собой.

– Кто?

– Силуэт был мужским.

Юханнес хмуро кивает сам себе, правя лодку мимо большого кома водорослей и пластиковых отбросов, беспокойно колыхающегося в волнах под резко меняющимся небом. – Драугр – это призрак без лица, – вдруг начинает он. – Мёртвый рыбак, который плавает по морю или сплавляется в половине лодки с рваным парусом. Он предвещает смерть и горе.

– Бывает ли так, что он надевает водолазный костюм и выползает на сушу, чтобы забрать умерших обратно в море? – я пытаюсь рассмеяться, но смех застревает в горле. Ветер подхватывает последние грязные снежинки и гонит их к поверхности воды.

– Нет, – отвечает Юханнес, – такого он не делает. – Лицо его грубо, а сосуды сеткой покрывают кожу.

– Так и думал.

Лодка пристаёт к галечному берегу Шельвика ближе к пяти утра.

Я спрыгиваю на сушу и помогаю Юханнесу затащить судно в сарай. Мы шагаем по дороге вдоль залива, где стоит старый дом с осыпающейся краской, беззащитный перед непогодой и прибрежным ветром.

– Я мог бы одолжить у тебя мобильный телефон? – спрашиваю я, когда Юханнес уже скинул с себя ботинки в прихожей, пахнущей рыбьим жиром и мёдом, и надел плотные серые чулки. – Мой разрядился.

Юханнес показывает на кухню:

– Позвони по телефону в гостиной. Это дешевле. Зарядку можешь одолжить у меня.

Мои промокшие носки липнут к полу. Я ставлю мобильный на зарядку, нахожу домашний телефон и набираю номер Бьёрканга.

Он отключён.

– У тебя есть номер сержанта, Арнт, как его там?

– Эриксен. Арнт Эриксен. Посмотри в телефонном справочнике. – Юханнес выдаёт мне справочник «Твой район», садится в кресло и накрывает ноги прохудившимся лоскутным одеялом. – Но если ты немного подождёшь, мы можем связаться с ними по рации.

– Рация, ага, – бормочу я, – у Расмуса тоже была одна.

– У кого? – Юханнес вопросительно смотрит на меня.

– У Расмуса, – повторяю я, – датчанин с острова.

– Да, так проще всего. Цена нулевая, понимаешь, – он причмокивает губами, – совершенно бесплатно.

Харви первым отвечает по коротковолновой связи. Он всё ещё на

ферме, говорит, что приедет, как только убедится, что шесты с моллюсками в безопасности.

После разговора с Харви я вызываю дежурную часть Трумсё. Они ничего не слышали ни от Бьёрканга, ни о том, что кто-то запрашивал лодку, ни о том, что кого-то ночью надо было забрать с маяка. Я рассказываю им о трупке женщины в море. Сотрудник на другом конце спрашивает меня, где она теперь. Я отвечаю, что мужчина в водолажном костюме вылез из моря и забрал её с собой в волны. Сотрудник вздыхает и просит меня перезвонить в офис шерифа, когда тот откроется. Потом он кладёт трубку.

Юханнес идёт на кухню и приносит мне кружку кофе, потом выходит в прихожую и одевается.

– Снова поднялся ветер, – доносится из прихожей, – мне надо спуститься к берегу и заколотить двери лодочных сараев. Я скоро вернусь.

Я поднимаю ноги с холодного пола, облакачиваюсь на спинку жёсткого дивана из 50-х и пытаюсь найти положение покоя.

– Как думаешь, может быть, они выехали ночью и с ними что-то случилось?

– Нет. Просто ляг и отдохни немного, – убаюкивает меня Юханнес со стоическим спокойствием, – тебе сейчас нужен покой.

По его глазам я вижу, что он не так спокоен, как хотел бы казаться. Юханнес стоит в дверном проёме и смотрит на меня и на море за окном. Потом он разворачивается и исчезает за дверью. Я тут же засыпаю.

Глава 22

Местный синоптик рассказывает по радио, что после обеда ожидается сильный шторм с порывами скоростью до сорока метров в секунду в открытых местах. Людей просят не выходить из дому и по возможности избегать езды на машине по мостам. Долгосрочный прогноз сообщает о еще одном атмосферном фронте, который движется на север. Пониженное атмосферное давление вместе с полнолунием делают весеннее половодье весьма вероятным, уровень воды поднимется примерно на полтора метра выше нормального.

– Да, что-то в этом есть, – говорит Юханнес, когда я открываю глаза и осматриваюсь. Он кладет рацию на стол, сбоку от сегодняшнего выпуска местной газеты, а рядом – прозрачный пакет с пончиками.

– Когда в прошлый раз было половодье, мне пришлось накачать подвал и вырыть весь дренажный материал вокруг дома. Ужас, да и только. Даже сети не расставишь. Наполняются дерьмом, понимаешь.

– Который час? – я поднимаюсь и ставлю чашку с холодным кофе на стол.

– Одиннадцать часов утра, – говорит Юханнес, – ты спал беспробудно, парень. Да я и не хотел тебя будить. Кажется, тебе нужен был покой.

Юханнес берёт пончик, затем кидает пакет мне. Я хватаю один пончик, макаю его в кофе и откусываю. Рот будто онемел. Но вкус кофе всё же расшевеливает рецепторы языка, и те сообщают мне, что вкус этот отвратителен. Желудок, в свою очередь, напоминает, что прежде чем что-то глотать, кое-что другое должно выйти наружу.

– Кто-нибудь звонил? – спрашиваю я и кладу пончик на стол, рядом с холодным кофе.

– Нет, – отвечает Юханнес, – но я недавно говорил с Харви. Он едет обратно.

– А шериф?

Юханнес разламывает пончик надвое: – Нет. – Он кладёт половину пончика в рот и отхлебывает дымящийся кофе. – Тишина.

Я включаю мобильник и вижу пять пропущенных звонков от Ульфа. Кроме того, пришло сообщение от Анникен Моритцен. Она просит меня зайти к ней в офис, когда я вернусь в Ставангер. Я наливаю в чашку кофе и набираю офис шерифа. На другом конце автоответчик сообщает о часах работы и о том, что все запросы в нерабочее время должны направляться в

отделение полиции Трумсё.

Но и в отделении полиции Трумсё никто не может ответить мне, где находятся шериф с сержантом. Женщина на другом конце даже не желает обсуждать, почему их нет в офисе и почему они не берут телефон.

– Чёртовы идиоты, – я кладу мобильный на стол.

– А ведь их много, – отвечает Юханнес и подмигивает так, что его лохматые брови становятся похожи на заросли колючих шипов. Юханнес коротко острижен сзади, а на макушке его шевелюра зачесана назад. Он напоминает путешественников с чёрно-белых фотографий начала двадцатого века, которые отправлялись в экспедиции и застревали в арктических льдах.

– Много кого? – кисло спрашиваю я и делаю глоток кофе. – Полицейских или идиотов?

Юханнес уже собирается ответить, но тут раздаётся громкий стук в дверь, а за ним шум тяжелых шагов по коридору. Через секунду в двери возникает Харви с напряженной и усталой улыбкой на лице.

– А, вот вы где!

Он трёт ладони друг о друга, чтобы поскорее согреть их.

– На кухне есть кофе и пончики, – говорит ему Юханнес.

Харви удаляется на кухню.

– Ты всё-таки выбрался на сушу, – говорит он, вернувшись. С пончиком в руке он и садится на диван рядом со мной. Одежда его промокла, и пучки волос торчат во все стороны. Лицо его серее, чем раньше, а губы будто сузились и побледнели.

Я молча киваю.

– Ну и ночь, – продолжает Харви дрожа. – Несколько шестов с моллюсками унесло к скалам на другой стороне залива, когда мне наконец удалось их поймать. Пришлось просто привязать их к тем, которые всё ещё стояли, и прибить жерновом, который я нашёл на суше. Придётся разбираться со всей этой чертовщиной, когда распогодится.

– Южанин говорит, что ночью нашёл в море женщину, – Юханнес медленно растирает пальцы друг о друга, а затем поднимется и выключает радио.

– Ох, – вздыхает Харви, – ты уверен, что это был не датчанин?

– Он говорит, что кто-то пришёл и забрал тело, после того как он вытащил её на берег, – спокойно рассказывает Юханнес. – Этот кто-то выбрался прямо из моря.

Харви попеременно смотрит то на меня, то на Юханнеса, а потом качает головой и бросает на меня взгляд поверх своей чашки.

– А может, ты просто заглянул в мини-бар?

– Ты что-нибудь передавал шерифу и сержанту? – спрашиваю я, не обращая внимания на ехидство по поводу пьянства.

– Бьёркангу? Нет. А что? Они сейчас там, в море?

– Они должны были забрать меня с острова вчера вечером, но так и не появились.

– Стоило, кстати, им передать, что ночью причал вырвало с корнем, и теперь он плавает где-то рядом с фьордом, – добавляет Юханнес. – Так недалеко и лодку разбить.

– Вы им звонили?

– Не берут трубку. Ни мобильный, ни рабочий.

– Ни один из них? – Харви поднимается в кресле, внезапно прибодрившийся.

– Нет.

Харви достаёт свой мобильный и набирает номер из списка контактов.

– Автоответчик, – говорит он и кладёт трубку, – а вы пробовали звонить в отдел Шервёя?

Харви тянется за пакетом с пончиками и достаёт один.

– Они, по крайней мере, должны знать, где находится лодка.

Я качаю головой.

Харви набирает номер офиса шерифа, расхаживая по комнате. Закончив разговор, он возвращается на диван.

– Ты никаких лодок не слышал ночью?

Я качаю головой.

– Ничего, кроме рёва мотора траулера вчера днём. А что?

– Шериф Шервёя говорит, что лодка с пристани Смоботхавн не выходила в море последние недели. За выходные с ним не связывались ни Бьёрканг, ни Арнт, и он ничего не знает насчет спасения человека с острова этой ночью.

– Мне это не нравится, – говорю я и одним глотком опустошаю оставшийся в чашке кофе. – Далеко до этой пристани?

Харви встаёт:

– Я поведу.

Глава 23

Дождь хлещет по окнам машины Харви, которая несется сквозь грязные лужи и потоки слякоти по обеим сторонам дороги. Харви приходится сбавлять газ на самых тяжёлых участках и выруливать, чтобы удержать пикап на дороге.

– Будет тяжело, – говорит он, пока автомобиль взбирается по крутому холму, деревья на котором шатают на ветру вперёд-назад, – по-настоящему тяжело. И еще мне нужно вернуться на ферму, чтобы придумать, как прочнее приделать грузила, иначе отвяжутся.

– Ты не боишься?

– Fuck, yeah, I'm scared^[12], – восклицает Харви, – но что тут поделать? Если пропадут шесты, на ферме в следующем году можно ставить крест.

– Как думаешь, Арнт с Бьёркангом там? В море?

Волны бьются о гальку, сети с рыбьими головами бьются о раму сушильни снизу от дороги. Где-то среди этой серости можно разглядеть остров и крышу маяка.

– Не знаю, – говорит Харви, когда мы огибаем вершину холма и продолжаем путь к центру Блэкёйвера и пристани Смобот, – но даже если и так, вызовем спасательную лодку, а она выдержит любую погоду.

Я все еще чувствую себя неважно после падения на камни прошлой ночью, а беспокойство из-за всего произошедшего за последние сутки, ощущение, что это было только началом, растёт с каждой минутой.

– Как выглядит лодка? – спрашиваю я, когда мы наконец сворачиваем на дорогу поменьше, которая по крутому склону ведёт к столярной мастерской и продуктовому магазину.

– Ярко-жёлтая, – отвечает Харви, пока машина медленно катится вперёд и объезжает людей: те бегут, согнувшись над лужами и грязевыми каналами между магазинами и машинами на парковочной площадке. – С белым краном на палубе.

Мы подъезжаем к новой парковке у причала Смобот, на стоящем здесь лодочном сарае висит табличка, которая гласит: «Офис береговой охраны Блэкёйвера находится у волнореза в форме подковы».

– Здесь её нет, – констатирую я, когда Харви глушит мотор на парковке у сарая.

– Вижу, – Харви вытаскивает мобильник, – я снова позвоню в Шервэй. – Алло! Лодки нет на причале, – Харви барабанит пальцами по

рулю, – подожди, сейчас проверю.

Он делает мне знак головой, выходит из машины и направляется к сараю. Оставшись один, я достаю телефон и звоню Анникен Моритцен.

– Где ты? – спрашивает она, наконец взяв трубку. Её голос звучит так, будто она только проснулась. А может, она тоже ходила к Ульфу и выпросила себе еще таблеток, еще болеутоляющих, снотворных препаратов, тех, что притупляют чувства и позволяют отличать день от ночи.

– Я на пристани в Блэкёйвере.

– Я думала, ты едешь домой.

– Мы ищем лодку шерифа и сержанта.

– Зачем?

– Я нашёл в море мёртвую женщину, – я засовываю руку в карман куртки, открываю упаковку оксикодона и выдавливаю две капсулы, – на маяке Расмуса. – Я быстро проглатываю таблетки. – Шериф и один из сержантов должны были забрать меня с острова вчера вечером, после того как мы с тобой поговорили, но так и не объявились.

– Женщина? – с сомнением в голосе произносит она, после того как я заканчиваю говорить. – Ты уверен?

– Да. Она какое-то время пробыла под водой, но хотя это и не всегда легко определимо, это не он, Анникен. Это не Расмус, – я осознаю, что не стоило звонить. Пока слишком рано, и я не успел заранее продумать разговор.

– Я должна посмотреть, – голос Анникен уже не кажется усталым, теперь она говорит быстрее, отчеканивает слова, и ее охватывает паника, – может быть, ты ошибся, мать всегда...

– Я не ошибся.

– Но откуда ты знаешь, ты же сам сказал, что определить было трудно!

– Не начинай, – замечаю я, когда из сарая выходит чёрная тень и сквозь дождь бежит к машине, – не сейчас. Здесь нечего искать. Я позвоню, когда узнаю больше.

– Нет, подожди, – в отчаянии она чуть не плачет, – я не понимаю...

Я кладу трубку.

– Чёртов идиот, – бормочу я сам себе, засовывая мобильный обратно в карман, – что ты, чёрт возьми, творишь, Торкильд?

Харви садится и захлопывает за собой дверь.

– Никто не может с ними связаться. Спасательная лодка пролежала здесь всю неделю, но вчера утром, когда за ней пришли, лодки уже не было.

Он включает обогреватель на полную мощность и греет руки.

– Шериф Шервёя говорил с отделом в Трумсё и со спасательно-розыскным центром.

– И что теперь? – я чувствую, как в кармане вибрирует мобильный, но не реагирую.

– Они вышлют туда лодку, – говорит Харви. Он глазами следит за дворниками, которые бегают туда и обратно на лобовом стекле, – они скоро их найдут. Лодка «скорой помощи» прочная, как скала, и на ней отличное оборудование. Судя по всему, у них мог просто накрыться двигатель или они просто заплыли на остров подальше.

Я пытаюсь разглядеть за дворниками дождливый морской пейзаж.

– Я только что говорил с его матерью, – сообщаю я, – с матерью Расмуса.

– Что ты ей сказал?

– Я сглупил.

– Каким образом?

– Я дал ей надежду.

Харви облокачивается о руль и смотрит на меня.

– Слушай, – начинает он, – I have to ask^[13].

– Валяй, – бормочу я, не отрывая взгляда от пляски дождя поверх волнореза, по лодкам и водной глади.

– Что всё-таки произошло на маяке прошлой ночью? С этой... говоришь, ты нашёл женщину?

– Она была в море. Молодая женщина, наверное, двадцати с чем-то лет. Без лица, без одного предплечья. Одета в ночную рубашку с футболкой. Босая. Как будто она спала там, в кустах водорослей.

– А еще ты говоришь, что мужчина вышел из моря и забрал её?

– Да.

– Ты видел, кто это был?

– Нет.

– Ты был пьян?

Я поворачиваюсь к нему. Его лицо блестит из-за дождевых капель, а волосы промокли.

– Нет.

– Хорошо, – ухмыляется Харви и барабанит пальцами по приборной панели, – просто должен был спросить.

– Некоторое время назад со мной произошёл несчастный случай, – рассказываю я, снова вглядываясь в пелену дождя, – я получил мозговую травму, некоторые отделы мозга больше не работают так, как должны. Иногда я вижу вещи, которые, может быть, не существуют. Обоняю или

ощущаю присутствие людей, хотя я совершенно один. Из-за этого начинаешь в себе сомневаться, перестаешь доверять собственным чувствам, но это не тот случай.

Последнее предложение я, скорее, говорю сам себе.

– Эй, – Харви на секунду поднимает руку и снова кладёт её на руль, – не думай об этом. Я во всё это верю, ты же знаешь. All the way^[14].

Лодки, пришвартованные у волнореза в стройном ряду, лениво раскачиваются из стороны в сторону и цепляются за швартовые крюки.

– Думаешь, это был один из них? – спрашивает он.

– Кто был?

– Бьёрканг или Арнт.

– Может быть, это был Расмус.

– Расмус мёртв, – отвечает Харви.

– Ты уверен? Всё, что у нас есть, – это его лодка, которая пришвартована в заливе. Ни труп, ни места преступления, ничего.

Харви удивлённо смотрит на меня.

– Хорошо, допустим, – произносит он, – но зачем ему прятаться на острове, как какому-нибудь фантому?

– Может быть, он как-то связан с женщиной без лица?

– И не хочет, чтобы кто-то об этом узнал, – на его лице сразу появляются ямочки от улыбки. – Aha, I see what you're doing. This is some real detective-shit you're talking about.^[15]

– Мне нужно у кого-то остановиться. – Я выуживаю новую таблетку оксикодона и кладу её в рот в надежде, что она будет решающей каплей на чаше весов в борьбе с болью в животе.

– Так ты решил задержаться здесь?

– Не думаю, что у меня есть выбор.

Харви выезжает со стоянки у сарая и ведёт машину обратно к главной дороге. Во рту пересохло, и у меня не получается собрать достаточно жидкости, чтобы проглотить капсулу – она прилипла к языку. Я снимаю её с языка передними зубами, а потом прожевываю. Вкус резкий и кислый, и мне приходится ждать, пока наберется достаточно слюны, чтобы проглотить порошок. Затем я сплевываю остатки желатиновой капсулы в руку и убираю их в карман куртки.

– Ты не знаешь, здесь есть какой-нибудь гостевой дом, где можно на пару дней снять комнату? – спрашиваю я, очищая языком зубы. – Слишком долго будет разъезжать от Трумсё и обратно, а спать в автомобиле мне не

хотелось бы, пока я здесь.

Харви останавливает машину на пересечении с главной дорогой и снова поворачивается ко мне.

– Может быть, у меня есть решение, которое поможет нам обоим, – объявляет он. – Сначала заберём твой арендованный автомобиль, а потом просто следуй за мной.

Глава 24

Я ставлю автомобиль рядом с пикапом Харви и выхожу на парковку у главного входа в социальный центр Шельвика. Возле социального центра стоит гостевой дом. Ветер здесь, на вершине холма, гораздо сильнее, чем в долине.

– Ты шутишь?

– Нет, – смеётся Харви и указывает на постройку. – Я купил это здание шесть лет назад. Изначально его строили под душевую для немецких солдат во время войны. Коммуна здание не использовала, так что я его купил, отремонтировал и поделил на три номера, которые я сам теперь сдаю коммуне и социальной службе. У меня, кстати, есть подобный проект и в Трумсё, шесть одноместных номеров под сдачу.

– Ловко, – отвечаю я и опираюсь о багажник автомобиля.

– Деньги к деньгам, не так ли? Так или иначе, один из номеров сейчас пустует, можешь его арендовать за, скажем, триста пятьдесят крон в день?

– Ну, – отвечаю я, недоверчиво глядя на здание, – видимо, это лучше, чем спать в машине.

– Отлично, – Харви протягивает руку, – ты же оплатишь задаток? Чек, кстати, будет выписать трудно, это ничего?

– Конечно, – отвечаю я и передаю ему деньги, когда к нам выходит жена Харви. На ней коричневое зимнее пальто с пятнистым меховым воротником, белая шапка, джинсы и зимние ботинки, с таким же серым пятнистым мехом по краям.

– Привет, – говорит она и кладёт руку на шею мужа, – снова вернулся домой с фермы, слава тебе господи.

Харви кивает:

– Да. Надо было заехать в долину.

– Только вернулся?

– Нет, мы были в Блекёйвере вместе с Торкильдом. Бьёрканг и Арнт пропали.

– Пропали? – она отпускает его шею и делает шаг назад. – В каком смысле?

– Они вчера вечером выехали на спасательной лодке, чтобы забрать Торкильда с острова. Но там они так и не появились.

Мерете прижимает воротник к лицу, и её подбородок, рот и нос утопают в искусственном мехе.

– Мне позвонить Мари?

– Not yet^[16], – отвечает Харви, – мы наверняка скоро узнаем больше. В любом случае дождись моего возвращения.

– Что? – Мерете хватает мужа за руку. – Ты снова уезжаешь?

– Мне нужно выйти в бухту, и я вернусь, как только закреплю все шесты. А ты пока помоги Торкильд, хорошо? Он снимет номер Андора и Юсефины на пару дней.

– Не уверена, можем ли мы сдавать чужие квартиры, это ведь идёт вразрез с нашими договорённостями с социальной службой.

– Расслабься, дорогая, речь ведь всего-то о паре дней. В любом случае новых постояльцев не будет после того, что мне рассказали.

Мерете качает головой, отпускает мужа и делает шаг мне навстречу.

– Ну хорошо, Торкильд, идём со мной, и я покажу тебе твои... апартаменты.

Она снова поворачивает к Харви и произносит:

– Будь осторожен.

– Always, – щебечет он. – Увидимся позже, Торкильд.

Он махает нам на прощание, а потом садится в машину и уезжает.

– А чем занимается трудотерапевт? – спрашиваю я, когда мы пересекаем автостоянку.

– Я организовываю досуг для наших постояльцев через волонтерскую организацию. Например игры в бочке, групповую терапию и походы в лес. Каждое третье воскресенье мы проводим в гостиную службу вместе с местным священником. Кроме того, когда нужно, я работаю сверхурочно. Неплохой способ быть вместе с мамой, после того как умер отец, да ещё и класть в копилку пару крон.

– Значит, твоя мать тоже здесь живёт?

– Да, у неё комната в отделении для людей с умственным расстройством.

Мерете достаёт ключ, когда мы подходим к ближайшей квартире, и открывает дверь.

– Ну вот, – говорит она и передаёт ключ мне. Мы заходим внутрь. – Мужчина, который жил здесь раньше, умер, когда мы вместе были в автобусном туре по Швеции. Сердечный приступ.

– А что жена?

– Умерла той же ночью. Of a broken heart^[17], – говорит она на американский манер. – Вполне может быть, что так и есть, – продолжает она, заметив мой взгляд, – грустно, не правда ли?

– Да, грустно, – отвечаю я.

– У меня всегда ком в горле, когда я думаю о таком. Похороны в среду, кстати. Их дочь живёт на юге Швеции, она не захотела приехать прибраться в квартире перед тем, как закончатся похороны. Мы сложили их вещи в кладовой и спальне. Предлагаю тебе спать на диване, пока ты здесь.

Только сняв ботинки, я сразу же об этом жалею. Пол ледяной, как и сама квартира. В темной мрачной гостиной нет отопления. Здесь стоят старый диван, стул, сервант, стеллаж и тумба под телевизор. Матрасы свернуты и лежат в углу рядом с коробкой с надписью «Книги» и ещё одной с надписью «Фотографии + Разное».

– Харви говорил, ты кто-то вроде телепата? – начинаю расспрашивать я, пока Мерете копается в электрическом щитке. Ростом она метр шестьдесят, не больше, и ей приходится вставать на цыпочки, чтобы достать до тумблеров.

– Таких, как я, называют ясновидящими, но иногда я занимаюсь еще и исцелением теплом и кристаллотерапией, прямо здесь, в доме.

– И скоро тебя покажут по телевизору? В «Ловле духов»?

– Силе, – поправляет она и смеётся. – «Сила духов». – Мерете подходит к окну, раздвигает шторы и включает батарею. Вскоре комната наполняется запахом горелой пыли. – Съёмки начнутся после Рождества. Здорово, не правда ли?

Я киваю и сажусь на кресло рядом с ней. У Мерете почти на всех пальцах крупные кольца с яркими камнями.

– Мы, люди, способны взаимодействовать друг с другом с помощью целебной энергии, – она растопыривает пальцы над плотно сидящей на ней джинсовой юбкой, – энергии, которая есть в каждом из нас, на границах физического, духовного и психологического миров.

– Ты говоришь с духами?

– Да. Постоянно.

– Как... они выглядят?

– В каком смысле?

Она проводит ногтями по юбке.

– Ты...

– Вижу ли я умерших, гнусные трупы и всё такое?

Я осторожно киваю.

– Нет, боже упаси, – смеясь, парирует она и мягко касается рукой моего колена, – никто не смог бы вынести такой жизни.

– Да-да, – бормочу я.

– Каждое живое существо окружено своим энергетическим поясом.

Некоторые из нас могут его видеть, а иногда и вступать с ним в контакт. – Она подмигивает и шлёпает меня по бедру. – Наши тела наэлектризованы, Торкильд. Ты разве не знал?

– Нет.

Мерете кладёт руки на стол ладонями вверх. Она водит костяшками по поверхности стола, камни на ее кольцах позвякивают.

– Хочешь рассказать о ней?

– О... ком? – хриплю я в ответ и замечаю, как возвращаюсь к реальности из дальних уголков сознания.

– Ну ладно тебе, – Мерете наклоняется и берёт меня за руки. Ее ладони тёплые, гладкие, даже кольца на её пальцах согреты теплом кожи, – я почувствовала её присутствие, когда мы впервые встретились. Тёплая вуаль, которая висит над тобой, вьётся. Я чувствую её и сейчас.

Она закрывает глаза и нежно обхватывает мои запястья большими пальцами.

– Вы были вместе?

– Нет, – я автоматически одёргиваю руки из-за прикосновения.

– Я почти что почувствовала её, – Мерете снова открывает глаза. – Но ты ведь к ней привязан?

Я не отвечаю. Вместо этого откидываюсь в кресле и засовываю руку в карман куртки, где лежат таблетки с оксикодоном.

– Думаю, она на меня злится, – всё же отвечаю я.

– Злится? – Мерете смотрит на меня удивлённо. – С чего ей злиться?

– Она больше не хочет приходить, – мой голос дрожит, и мне становится трудно дышать. – Как бы я ни старался, она не приходит.

– Но ты же знаешь, что она там?

– Разумеется. Она ведь вернулась.

– Вернулась? – Мерете слегка наклоняет голову. – В каком смысле?

– Я вёл машину, она умерла, а потом вернулась, – рассказываю я, как будто это самое обычное дело, – но она больше не хочет приходить. Не знаю, что я мог такого сделать. Наверное, что-то не так с моими таблетками. Я уже выбросил некоторые из тех, что не работают.

Мерете протягивает ко мне свои раскрытые ладони и знаком показывает, чтобы я сделал то же самое. Я отпускаю упаковку в кармане и делаю так, как она хочет.

– Я должен поговорить с ней, – шепчу я, – не знаю, сколько еще я выдержу жить вот так.

– Торкильд, – говорит она, – будучи ясновидящей, я получаю информацию в виде ощущений, образов, запахов и символов, которые

потом пытаюсь расшифровать и передать тому, с кем провожу сеанс. То, о чём говоришь ты – быть посредником в потусторонний мир, – совершенно другая история. Тут смысл заключается в том, чтобы оставить часть себя в мире духов. Это больно, и я остерегаюсь таких сеансов из-за сильного нервного напряжения.

– Прошу тебя, – шепчу я и прижимаюсь к ней руками.

Мерете настойчиво на меня смотрит, а потом выпускает мои руки.

– Хорошо, – говорит она и хлопает ладонью по моему бедру, – я об этом подумаю, Торкильд.

Она встаёт.

– Дай мне время.

Она уходит, и несколько минут я сижу неподвижно. Потом я встаю, иду к умывальнику и наполняю стакан водой, которой запиваю две таблетки оксикодона и возвращаюсь на диван. Я пытаюсь думать о Фрей, но у меня не выходит.

Глава 25

На часах без пяти два, когда раздаётся стук в дверь. Я встаю с дивана, на котором дремал с момента, когда меня покинула Мерете.

– Сив, – женщина протягивает неестественно загорелую руку, когда я открываю ей дверь, и мы встречаемся взглядами, – я медсестра этого отделения.

У неё светлые волосы до плеч, на ней медицинский передник сиреневого цвета, на ногах – шлёпанцы.

– Рад знакомству, – отвечаю я и протягиваю руку в ответ.

Сив – маленькая хрупкая девушка с морщинистыми руками и коротко стриженными ногтями.

– Я хотела показать вам столовую.

– Хорошо.

Я снимаю куртку с вешалки в прихожей, надеваю ботинки и закрываю за собой дверь.

– В социальном центре Шельвика три отделения, – начинает медсестра, пока мы преодолеваем короткую дорогу между двумя зданиями. Она говорит отстранённо, механически, как будто я пришёл со своим престарелым отцом, который ждёт на заднем сиденье машины. Или она видит во мне нового пациента, точно не знаю.

Главный корпус представляет собой вытянутое деревянное здание с тремя крыльями: одно выходит на дорогу, а два других расположены на задней стороне.

– У нас оказываются различные услуги: от амбулаторной помощи в дневные часы, до круглосуточного ухода, – продолжает Сив, когда мы подходим к раздвижной двери главного корпуса. – Всего у нас тридцать девять одиночных комнат, места для долго- и краткосрочной реабилитации, а также места постоянного проживания. Два задних крыла – это больничное отделение, в одном из них палаты для людей с расстройством интеллекта, в другом – для соматической терапии, в основном паллиативной.

Столовая представляет собой вытянутую комнату, двенадцать столов приставлены к стенам, а четыре расположены по центру. Отсюда открывается вид на заднюю часть здания и можно видеть окна двух задних корпусов, а также аварийный выход и металлические пожарные лестницы.

За четырьмя столами сидят одиннадцать постояльцев – две пары за

столами у входа, а четверо мужчин с зачёсанными на затылок серо-белыми волосами собрались на углу у окна. За одним из столиков у стены я внезапно замечаю Юханнеса с двумя пожилыми дамами.

– Это Торкильд Аске, – громко и с военной точностью объявляет Сив, рассматривая пеструю компанию собравшихся. – Он несколько дней поживёт в квартире Андора и Юсефины.

– А где же будут спать Андор и Юсефина? – раздаётся тонкий скрипучий голос из-за стола Юханнеса. Он принадлежит хрупкой даме, скрюченной в инвалидном кресле. Зубные протезы скачут у неё во рту, пока она говорит.

– Они же умерли, – отвечает другая женщина. У неё полная фигура, на ней летняя рубашка в цветочек с коротким рукавом. Её серебристо-седые волосы взъерошены и спадают на сторону.

– Это сын Агнес? – говорит тонкий голос с инвалидного кресла.

– Нет, глупая ты курица, – отвечает другая женщина, – её ребёнок ведь монголоид.

– Он не монголоид, он аутист, – дребезжит женщина с кресла, снисходительно кивнув в мою сторону, – бедняжка. Ты потерялся?

– Торкильд Аске, – говорю я настолько громко, насколько позволяет голос, и театрально кланяюсь тем двум женщинам, подойдя к месту, где они сидят.

– Это Бернадотт, – представляет Сив, проследовав за мной, – а эта красавица в кресле-каталке – Улине.

Я здороваюсь за руку с каждой и киваю Юханнесу.

– Что ты здесь делаешь? – спрашиваю я и сажусь, после того как Сив отошла к другому столику.

– Я обычно заезжаю к сестре в отделение расстройств интеллекта пару раз в неделю, ну и с удовольствием остаюсь на обед, – отвечает Юханнес. – После обеда, кстати, будут поминки по Андору и Юсефине в большой зале.

– Ох, как же ты исхудал! – Улине наклоняется ко мне и гладит меня по плечу своей холодной рукой. – Разве Агнес тебя дома не кормит?

Она продолжает водить по моей руке, мусоля во рту зубной протез и печально глядя на меня.

– Мальчик мой, – улыбается она и хлопает мне по ладони, потом роется в сумочке, которая лежит у неё на коленях. – Вот, – шепчет она и кладёт мне в руку монетку, – купишь себе мороженого потом.

– Спасибо, – отвечаю я и уже собираюсь объяснить ей, что мне не нужны десять крон и что я достаточно большой, чтобы самому покупать мороженое, но Юханнес вступает в разговор:

– Еда здесь уже не такая, как раньше, – говорит он. В комнату из кухни выходит молодой мужчина-азиат с тележкой еды и начинает раздавать её присутствующим.

– А? – переспрашиваю я с притворным любопытством, теребя в руках монетку, которую мне дала Улине. Я чувствую, как из-за запаха еды у меня начинает ныть в диафрагме.

– Повар, – Бернадотт наклоняется над столом в нашу с Улине сторону, – такие уж они люди.

Она качает головой, а мужчина уже идёт к нам.

– Это Бабю. Он из Бирмы, – говорит Улине, когда мужчина подходит к столу и подаёт еду. – Нет-нет, – произносит она и показывает на меня, когда Бабю собирается поставить тарелку перед ней, – отдай это нашему мальчишке. Я не буду это есть.

– Я прошу прощения, – я останавливаю Бабю, который подносит мне тарелку с обедом, и поглаживаю живот, – у меня болит живот.

– Они ничего не знают о рыбе, – неумоимо продолжает Бернадотт, – вот в чём проблема. Это совершенно другая культура, вы же понимаете.

– М-м, – я неловко киваю, а Бабю продолжает подавать еду, как будто не слыша разговора.

Бабю наконец-то удаётся поставить перед Улине тарелку с обедом, и она поднимает крышку. Улине строит гримасу, кладёт крышку обратно и поворачивается к Бабю с сердечной улыбкой на лице:

– Когда София вернётся на кухню? – дребезжащим голосом спрашивает она.

– Она выйдет из отпуска в середине января, – отвечает Бабю на ломаном северном диалекте.

– Передай ей, что мы скучаем.

– Цыц, это же он, – замечает Бернадотт и хватает Улине за руку, когда короткий коренастый мужчина с лохматыми чёрными волосами появляется из двери кухни, – чёртов саам из Лаксельва.

– Что вы с Харви обнаружили? – Юханнес наклоняется над столом, а Бабю уходит обратно на кухню, – что-нибудь узнали про Бьёрканга с его сержантом в Смоботе?

Я качаю головой:

– Они забрали лодку вчера вечером. С тех пор от них ничего не слышно. К нам высылают розыскную лодку из Трумсё. А может быть, и вертолёт в течение дня.

Юханнес смотрит на меня, засунув в рот целую картофелину. Он быстро жуёт ее и глотает, запивая водой.

– Нехорошо, – бормочет он, а потом насаживает еще одну картофелину и кладёт в рот. – Совсем плохо.

Через секунду Бабю возвращается с упаковкой чернослива и с широкой улыбкой протягивает мне:

– От живота.

Он быстро откланивается и снова исчезает на кухне, прежде чем мне удаётся ему ответить.

– Он помогает, – говорит Улине, поедая свой десерт с невозмутимой миной, – чернослив приносит желудку облегчение, вот увидишь.

– Да, думаю, я пойду в квартиру и попробую это средство, – отвечаю я и встаю со стула, собираясь уходить.

Глава 26

Чернослив не помог. Я сижу на диване, слушаю радиоприёмник, и тут звонит мобильный. Мужчина сообщает, что мне звонят из полицейского отдела Трумсё и просят приехать туда завтра в одиннадцать часов. Я спрашиваю, не получали ли они сообщений от шерифа и не удалось ли им связаться с лодкой, но мужчина просто настойчиво повторяет, что завтра мне нужно приехать на встречу с ними в одиннадцать, и что очень важно прийти к назначенному времени.

После этого он кладёт трубку.

Я решаю принять горячую ванну, в надежде, что это мне поможет. Я набираю ванну и раздеваюсь. Я сижу на крышке унитаза и смотрю, как из крана льётся вода и как поднимается пар. В какой-то момент я чувствую запах душевой ставангерской тюрьмы и прокручиваю в голове минуты со скалкой на шее; я думаю о тишине и снова чувствую боль. А потом я вспоминаю о Фрей и о тех преградах, которые ей пришлось преодолеть, чтобы снова вернуться.

Ванна уже наполнена водой. Я спешно поднимаюсь с крышки туалета, но в гостиной раздаётся звонок мобильного телефона. Я разворачиваюсь и бегу по холодному полу, чтобы взять трубку.

– Это я, – задыхаясь, выговаривает Лиз, – я здесь.

Я раздвигаю шторы, за окном светятся фары автомобиля. Он стоит на парковке с заведённым мотором.

– Что ты здесь делаешь?

– Увидела твой автомобиль, – Лиз тяжело откашливается в трубку. – Арвид уехал с друзьями на природу. Я подумала заехать тебя навестить.

– Откуда ты узнала, где я?

– Я ездила по району...

– Ты могла просто позвонить.

– Да, но я хотела, чтобы это было сюрпризом. Я испекла кексы. Не знаю, как они на вкус, но я подумала, что мы могли бы...

– Самая дальняя квартира, – перебиваю я, – я в ванной.

Я открываю дверь, возвращаюсь в ванную и выключаю кран. Ванна заполнена водой на три четверти. Я осторожно в неё залезаю и откидываюсь назад, так что только голова и колени остаются над поверхностью воды.

– Эй!

В прихожей шуршат пакеты, когда хлопает входная дверь.

– Торкильд, это ты? – спрашивает Лиз.

Я слышу, как она снимает куртку и сбрасывает ботинки энергичным жестом.

Эмоциональный маятник моей сестры шатает ее из крайности в крайность: первая – хаотическая оргия быстрых углеводов и самобичевания, вторая – слепая вера во вселенское добро и справедливость, хотя найти их можно только в сказках и диснеевских мультфильмах. Кроме того, она обладает уникальной способностью восстанавливаться после этих спадов, пусть и прибавив пару килограммов. Она встаёт на ноги, закрашивает синяки, забывает про психологические травмы и снова начинает излучать добро. Её мысли переполнены наивными фантазиями об идеальных людях, будь то муж, друг или брат.

– А, вот ты где, – щебечет Лиз из-за двери и заглядывает в ванную. Волосы свисают на одну сторону, щёки покраснели. В её руках две сумки с продуктами, которые она ставит на пол перед собой, – ты моешься.

– Пытаюсь смыть грехи, – иронизирую я и провожу грубыми пальцами по лицу и волосам.

– Ну, уж как есть, – она засучивает рукава и подходит ко мне, – раз так, то я тебе с этим помогу, – говорит она и берёт бутылку шампуня, которую я поставил на край ванны. – Давно этого не делала.

Она выдавливает на руку шампунь и ставит бутылку на пол перед ванной.

– Вечно нужно было прикрывать тебе глаза, когда ты был маленьким, – говорит она, массируя голову.

– Разве не всем это было нужно в детстве?

– Нет, – хихикает она, – мне не было. Ты не позволял мне даже промыть уши душем, потому что боялся, что вода затечёт в голову.

Лиз останавливается и смеётся, её руки лежат у меня на голове.

– Ваша честь, – бормочу я, слегка улыбаясь, – свидетель лжёт.

– Когда ты был маленьким, ты думал, что с тобой случится... – она весело смеётся, – водянка! Ой, господи, – всё щебечет она и продолжает мыть голову, – бог знает, откуда ты всего этого тогда набрался.

– Ложь и снова ложь.

– Не говори такого, Торкильд. – Лиз нежно проводит ладонью по уху, прежде чем продолжить намыливать голову. – Ты же знаешь, что всё так и было.

– Так, на выход, – говорю я и указываю на дверь, – дай старику домыться.

Лиз, хихикая, уходит из ванной вместе со своими пакетами, а я закрываю глаза и погружаюсь в тёплую воду. Как только я ушёл под воду, я открываю глаза и смотрю вверх. Вода мутная, и из-за мыла щиплет в глазах. Я лежу до тех пор, пока хватает воздуха. Потом я вылезаю из ванны и одеваюсь.

Я выхожу из ванной комнаты, а Лиз уже поставила на стол бумажные тарелки, чашки, салфетки, коробки с пирожными и кексами и френч-пресс со свежесваренным кофе.

– Проходи и садись, – говорит она, – надеюсь, тебе понравится, я всё приготовила сама. Не знаю, может быть, основа пирожных получилась жестковатой, но...

– Я не голоден, – отвечаю я.

– А... – Лиз печально смотрит на меня.

Я сажусь на диван рядом с ней и наливаю кофе в чашку.

– Вчера вечером я нашёл в море мёртвую женщину, – рассказываю я и откидываюсь на диван с кружкой в руках, – у неё не было лица.

– Что? – Лиз роняет надкушенный кекс с розовым кремом и посыпкой на тарелку, и он заваливается на сторону.

– Я позвонил шерифу. Они вместе с одним сержантом должны были приехать и забрать меня, но так и не появились.

Лиз смотрит на меня, ничего не говоря.

– А теперь она пропали. Завтра я еду в Трумсё на встречу в полиции.

– В полиции? – она слегка запинаясь и продолжает: – Они знают... кто ты и что случилось в Ставангере?

Я пожимаю плечами и делаю глоток из чашки.

– Наверняка. В любом случае, теперь всё по-другому. У меня нет выбора.

Лиз берёт надкушенный кекс и целиком засовывает его в рот.

– В прошлый раз тебя лишили работы, – говорит она, заедая тяжести жизни, – и упекли в тюрьму. – Она глотает и жуёт, жуёт и глотает, пытаюсь завершить мысль: – Ты как... как...

– Они не могли сделать ничего другого, – объясняю я, – то, что случилось в Ставангере, – моя вина.

– Как ты можешь такое говорить? – Лиз кладёт два пирожных на блюдце, а третье просто держит в руке. – Эта девушка вместе со своим парнем тебе всю жизнь испортили. Всю.

– Нет, Лиз, – говорю я, – ты не знаешь, как всё было. Что тогда сделал я.

– Потому что ты не хочешь рассказывать, Торкильд, – теперь она

говорит тише, – даже о том, что было, когда ты сидел в тюрьме. О том, что ты сделал. Сам с собой.

– Тут не о чем говорить.

– Но можно и поговорить, если хочешь. Арвида не будет до завтра. Я могу остаться здесь с тобой. Может, мы просто побудем вместе, я и ты, и поговорим?

– И о чём же? – спрашиваю я и ухмыляюсь в ответ. – С чего начнём? С меня и моего повреждённого мозга или с тебя и твоих синяков?

Я стою у окна и слежу за Лиз, в слезах бегущей с сумками по автостоянке. И снова я перешёл границу. Снова я тот, кто занимает сторону всего того кошмара, что с ней происходит, вместо того чтобы быть ей братом, каким она мечтает меня видеть.

На улице темно, голые ветки похожи на хоботки огромных насекомых, мерцающих и сверкающих слабым светом на фоне угольного неба над заливом и маяком. Скоро свет совсем гаснет, и темнота расстилается над островом, а из-за облаков доносится тяжёлый рокот.

Грохот следует за лучом света, который танцует на камнях и по поверхности моря. Однажды коллега рассказал мне, что этот вибрирующий звук получается из-за аэродинамического давления, которое возникает, когда лопасти вертолёт раскручиваются до скорости звука.

Из-за ветра и темноты прожектор слегка качает из стороны в сторону, а вертолёт марки Си Кинг постепенно движется на север в поисках лодки пропавших шерифа и сержанта.

– Я решил, – шепчу я.

Я стою у окна, наблюдаю за металлической стрекозой и прислушиваюсь к её быстрым движениям крыльями.

– Если ты не хочешь приходить ко мне, тогда я приду к тебе.

Прожектор вертолёт вот-вот скроется из поля видимости, и звук постепенно угасает.

– Только завершу свои дела, и я готов.

Глава 27

Предпоследний день с Фрей, Ставангер, 25 октября 2011 г.

Фрей позвонила на следующий день после танцев в Сёльберге. У меня была встреча с полковником и подполковником, на которой мы разбирали список документов по делу о полицейском, на которого подали жалобу.

– Что делаешь?

– Я на встрече.

– Когда закончишь?

– Ну, – я посмотрел на часы, и потом отвернулся от стола, – а что такое?

– Может, встретимся сегодня?

Я заметил на себе пристальный взгляд подполковника. Тот бесцельно листал бумаги. Полковник безучастно что-то печатал на мобильном телефоне, этим он занимался на протяжении всей встречи.

– Хорошо, – вздохнул я, – конечно.

– Отлично. Зайдёшь за мной, когда закончишь?

– Куда?

– К дяде Арне.

– Договорились.

Я повесил трубку и чуть улыбнулся подполковнику. Тот кивнул, затем собрал свои вещи и трусой последовал за полковником, который уже исчез за дверью переговорной, не попрощавшись.

Фрей сидела на лестнице у виллы в районе Парадис и листала меню тайской забегаловки, когда я пришёл. Она бросила меню обратно в почтовый ящик, и уже вместе мы направились в центр.

– Чем занимался сегодня? – спросила она, когда с Фрюе Террасе мы свернули на Йельмелансгате.

– Был на встрече, занимался бумажной работой, а еще готовился к завтрашнему интервью, – ответил я.

Мы шли на расстоянии вытянутой руки друг от друга. Небо было ясным, погода – теплой и почти безветренной. Из зарослей деревьев в конце Йельмелансгате, где она соединяется с улицей Адмирала Крюйса, раздавалось громкое щебетанье птиц, которые порхали среди голых деревьев.

– К интервью? – переспросила она. На Фрей был надет широкий

белый топ, узкие серые джинсы с низкой талией, сумка через плечо и белые кроссовки. На мне всё ещё был рабочий костюм без галстука, который обычно состоял из рубашки с подвёрнутыми рукавами и чёрных брюк. Такой наряд я носил даже в самую холодную зиму, потому что чувствовал себя слишком старым для денима с тех пор, как мне перевалило за двадцать пять. Кроме того, что касается одежды, я предпочитал покупать сразу несколько пар одного фасона, разве что с небольшими нюансами в оттенках. Эдакий мужчина с рекламного плаката «Дрессмен», только без улыбки и необходимых тому черт характера. – А что, «допрос» теперь не говорят?

– Говорят, говорят. Это, если хочешь, удобная англификация. Но некоторые из нас предпочитают называть сеансы, в особенности, если там присутствуют полицейские, беседами или интервью. Это создаёт дистанцию между тем, чем они сами занимаются по долгу службы, и тем, что их ждёт у нас, в спецотделе, – ответил я и улыбнулся.

– И что, работает?

– Если бы ты знала как.

Фрей смотрела на меня открытым любопытным взглядом. Но в нём таилось что-то ещё, какая-то лёгкая напряжённость.

– И с кем ты будешь завтра беседовать?

– Полицейский из местного городского отделения.

– Что там за случай?

– Грубые нарушения устава.

– То есть?

– Ты разве не изучаешь право?

Фрей промолчала.

– У тебя есть план того, о чём будешь спрашивать?

– Конечно. Важно заранее подготовиться к допросу, продумать подходящий сценарий, определить тактически верные вопросы и следовать четкой последовательности, когда их задаёшь.

– Как ты можешь заранее знать, о чём будешь спрашивать?

– Это один из допросов, когда подозреваемый уже дал свои разъяснения. Есть доказательства, допросы свидетелей и показания написавшего жалобу, как и его разъяснения. Все это и формирует основу допроса, который я проведу. У меня уже есть неплохое представление об этом случае и о его участниках. На самом деле, важнее всего найти правильное время для проведения беседы.

– В каком смысле?

– Ну, когда проводится расследование, обычно сначала допрашивают

заявителя или свидетеля преступления, кроме того, у обвиняемого есть своя собственная версия событий, не так ли?

Фрей кивнула и я продолжил.

– Сначала мы собираем необходимую информацию о том, как всё происходило, чтобы установить ход событий, сценарий. И тогда уже тактически верным будет допрашивать обвиняемого, то есть в тот момент, когда мы знаем достаточно, чтобы контролировать поступающую от него информацию и, возможно, по ходу дела её опровергать.

– Кто подал на него жалобу?

– Я разве говорил, что жалобу подавали? – я натянул улыбку и пожал плечами.

– Так вы уже говорили с тем, кто... – она слегка замялась и, ухмыльнувшись, продолжила: – Вероятно, и подал жалобу?

– Разумеется. Важно всё прояснить как можно скорее, если речь о жалобе, то есть о нарушении дисциплины в рядах полиции, или же о чём-то, что подлежит уголовному наказанию. Большинство случаев, которые к нам направляют, на самом деле не касаются спецотдела, потому что чаще всего это обыкновенные жалобы или рапорты о нарушении дисциплины, где не произошло нарушения закона. Такие случаи мы достаточно быстро бракуем, не проводя интервью.

– Но этот случай не такой?

– Ага. Тот, кого я завтра буду допрашивать, кроме этого связан и с другим делом, над которым мы работали раньше, но оно было закрыто, так что, возможно, обвинительный акт изменится. Посмотрим.

Мы продолжили путь в центр по узкой улице, с обеих сторон которой на деревьях сидели птицы.

– В какую сторону изменится?

– Ты же знаешь, что я не могу ответить на этот вопрос, – сказал я и сам себе улыбнулся. Дорога по полуострову, отстроенному кирпичом и засаженному деревьями, щебетание птиц и шелест осенних листьев делали своё дело. Я чувствовал себя кем-то другим, не Торкильдом Аске, со всеми его несовершенствами, всеми рекомендациями, местами, где он должен был быть, с людьми, которых он должен был встретить и описать по особым критериям. Я был безымянным человеком, для которого существует только звук шагов по асфальту, запах осени и девушка рядом с ним.

– У него проблемы?

Фрей снова резко остановилась и начала в меня вглядываться, на этот раз дольше, чем в предыдущий.

– Что ты имеешь в виду?

Мы стояли в тени огромного дерева с тёмно-зелёным стволом.

– Ничего.

Фрей подмигнула мне, а потом схватила за руку и потянула вперёд.

Я остановился и удержал её.

– В чём дело? Ты знакома с этим полицейским?

Фрей отвела глаза.

– Нет, то есть ни в чём, – отрезала она.

Её взгляд встретился с моим. Она наклонилась ко мне, вытянув руки и склонив голову к земле, так что её волосы касались моего подбородка.

– Расслабься, мне просто интересно было, вот и всё.

Я медленно наклонялся к ней. Я заметил, что дышу носом, машинально и беззвучно, как будто стараюсь оставаться в состоянии полного покоя, не двигать ни одной мышцей, боясь, что малейшее волнение разобьёт зеркало напротив меня.

Фрей подняла на меня взгляд, и прежде чем я успел сообразить, что делаю, я наклонился к ней навстречу. Мои губы только коснулись её верхней губы и кончика носа, но она тут же отпрянула. Она попятилась и подошла к каменной стене, тянувшейся вдоль края дороги.

– Что ты делаешь?

Её глаза были широко открыты, она сложила руки на груди, будто бы защищаясь от меня.

– Я... Прости. – Я сделал шаг назад, чтобы между нами образовался промежуток, больше свободного пространства, – Боже, я думал, я...

– Нет, – задыхаясь, ответила Фрей и удручённо закачала головой, – мы двое не... мы никогда не сможем...

Она не закончила предложение и, просто развернувшись, побежала вниз по дороге, не оборачиваясь.

Я стоял и смотрел, пока она не исчезла из виду.

– Ты лжёшь, – шептал я сквозь зубы. – Всё время лжёшь.

В конце концов, я развернулся и пошёл обратно той же дорогой, которой мы пришли, а потом, на Стурхаугсвейен, свернул к городской станции. Лицо горело от гнева и боли, внутри тоже полыхало пламя, оно вилось и вырывалось наружу, пока я бежал по городским улицам прочь, направляясь к себе в отель.

Я знал, что зашёл слишком далеко. Это уже не было частью игры, и я был на грани того, чтобы потерять контроль.

Понедельник

Глава 28

До Трумсё я добираюсь только к часу. Паром из Олдердалена в Лингсейдет отменили, поэтому пришлось объезжать. Тело болит после долгой поездки по слякоти и дорожным выбоинам.

Море добралось до самого края набережной, и только свернув в центр, на Грённегате, я вижу, что дорогу затопило. С обеих сторон толпятся работники транспортной службы, а экскаваторы ковшами грузят снежную жижу в ожидающие их грузовики.

Открыв дверь машины, я попадаю под снег с дождём. Войдя в полицейский участок, я подхожу к стойке и сообщаю, что прибыл. Приземистая девушка лет двадцати просит меня подождать, и я сажусь на неудобную скамейку между двумя цветочными горшками с пластиковыми цветами и дренажными шариками.

Минут через пять из-за двери появляется полицейский и спрашивает, не я ли Торкильд Аске. Я киваю и встаю, а он жестом показывает следовать за ним. Он подходит к нужной двери задолго до меня и стоит в ожидании в конце длинного узкого коридора, на стенах которого висят фотографии прошлых руководителей отделения.

– Сюда, – говорит полицейский, держа в руке кофейную чашку и папку с документами под мышкой. Он придерживает для меня дверь. – Мы вас ждали.

Комната почти пустая. На стенах – обои под покраску, на полу – линолеум. Прямоугольный стол с двумя стульями с одной стороны и еще одним, твёрдым и неудобным, с другой – это всё, что есть в комнате. Я мог бы рассказать им, что в наши дни мы проводили эти сеансы на равных, сидя на одинаковых стульях и с небольшим столом перед нами, а не между. Во всяком случае, это то, что согласно современной криминальной психологии лучше всего стимулирует коммуникацию.

– Так, – полицейский высокого роста, хорошо сложен, у него небесно-голубые глаза и узкий рот, – садитесь. – Он указывает на неудобный жёсткий стул.

– Благодарю, – я останавливаюсь у стола, – скажите, а нельзя взять один из тех стульев? Этот выглядит жутко неудобным для сидения.

– Стул в полном порядке, он... – отвечает полицейский.

– Чудесно, спасибо, – отвечаю я, меняю стулья местами и занимаю место со своей стороны стола. – Ну, о чём мы сегодня будем говорить?

– Секунду, я только... – смущается он, выглядывая в коридор. Кажется, на помощь ему никто не придёт, так что он закрывает дверь, проходит внутрь и садится на единственный оставшийся стул с мягкой подкладкой.

– Так вот, – начинает он и открывает папку, – можем для начала заполнить вот это, – говорит он, – пока мы ждём.

– Отлично.

Я сразу чувствую, как всё моё нутро противится участвовать в этой истории, когда я уже не тот, кто управляет процессом. То же происходило и на допросах после случая с Фрей. Ульф бы сказал, что это разыгравшаяся профессиональная гордость служит причиной инфантильного желания противостоять и саботировать подобные ситуации. Но сам я просто не вижу другого выхода.

– Начнём с установления личности, – начинает полицейский.

– Разве у вас здесь нет компьютеров?

– Конечно, есть.

– Отлично. Торкильд Аске, родился шестого января семьдесят первого года.

– Место рождения?

– Скуфлавик, Исландия.

– Вы гражданин Норвегии?

– Да. Подтверждающие документы имеются, если нужно.

Полицейский отмахивается, не поднимая взгляда от листа бумаги.

– Вы холосты?

– Разведён.

– Занятость?

– Безработный. А вы, кстати, не принимаете на работу?

– Я так понимаю, вы раньше работали экспертом по допросам в особом отделе по полицейским преступлениям в Бергене?

– Верно. Но больше не работаю.

– Да, я знаю.

– Конечно, знаете.

Секунду он колеблется, а потом продолжает, не глядя на меня:

– Вы были ранее осуждены за убийство по неосторожности и только что отсидели свой срок в тюрьме. Расскажите о...

– Мы не могли бы просто договориться, что я знаю, что вы знаете, и перейти к тому, с чем на самом деле связана наша встреча?

Наконец-то полицейский переводит взгляд на меня:

– Что вы можете сказать о событиях, происшедших на... – Он роется в бумагах в своей папке. – На маяке Блекхолмен, – он снова делает записи на

листе, прежде чем продолжить, – с субботы двадцать четвёртого октября по утро воскресенья двадцать пятого.

– Так вы их всё ещё не нашли?

– Нет, – кратко отвечает он, не поднимая взгляда, – скажите мне, с какого по какое время вы находились на острове?

– С шести утра субботы по пять утра воскресенья. А лодка? Даже её не нашли?

Еще один мужчина заходит в комнату. Он старше полицейского и старше меня, худой, с серебристо-седыми волосами и острым прямым ястребиным носом благородной формы. Мужчина на секунду останавливается у твёрдого неудобного деревянного стула и, обнаружив, что никто из нас не собирается с ним меняться, садится.

– Я лейтенант Мартин Свердрюп, – произносит он и протягивает руку. Он северонорвежец, но говорит на гибридном диалекте, на который иногда переходят политики или провинциалы, когда первые выходят в телеэфир, а вторые оказываются среди городских людей.

Он жмёт руку крепко и уверенно.

– Торкильд Аске, – отвечаю я и снова откидываюсь на спинку стула.

Мартин Свердрюп потирает руки и разминает плечи, как будто мы трое хороших друзей, собравшихся у камина поговорить о погоде и рыбалке. Самое время войти в контакт с помощью каждойдневной болтовни. Этот метод создан для того, чтобы более плавно подступить к вопросам пожёстче. Иными словами, системе КРЕАТИВ, очевидно, обучают и в Северной Норвегии.

– Кофе? – предлагает Мартин Свердрюп, добродушно и сердечно кивая в сторону двери.

– Кого, вы сказали? – Сегодня я не собираюсь попадаться на эту уловку.

– Кофе, чай... Вы хотите?

– Нет, спасибо.

– Газировки? А может, воды?

– Спасибо, воды.

– У нас нет дорогой магазинной воды, но вода из-под крана тоже прекрасная на вкус.

Мартин Свердрюп бросает взгляд на своего коллегу с ручкой в руке и отсутствующим выражением лица, а затем снова поворачивается ко мне.

– Это ведь подойдет, я надеюсь?

– Нет, забудьте, – отвечаю я, – я бы лучше выпил ромашкового чая.

Я смотрю на полицейского, который все ещё сидит и смотрит в

пустоту.

– Или сок. У вас есть апельсиновый?

– Так, не знаю, есть ли... – Мартин Свердрюп вопрошающе смотрит на коллегу. – Стэйнар, у нас есть?

– Есть что? – мужчина кладёт ручку на стол, как будто его только что пробудили от глубокой коматозной формы дневного сна.

– Сок. Ты не знаешь, он стоит...

– Забудьте, – перебиваю я, – давайте тогда кофе. Чёрный.

– Отлично. Прекрасно. – Мартин Свердрюп снова смотрит на полицейского, – сбегаешь, принесешь нам?

Полицейский Стэйнар угрюмо передаёт папку и опросник, который он почти заполнил, своему начальнику вместе с ручкой, а потом встаёт и уходит из комнаты.

– Хорошо, Аске, – взгляд Мартина Свердрюпа скользит по уже заполненным полям, – снова вернёмся к вам, – произносит он. – Вы знаете, почему вы здесь?

– Догадываюсь, да.

– Хорошо.

– Да, весьма.

– Прекрасно. Ну, позвольте мне перейти сразу к делу, как говорят у нас на севере.

– Да, давайте так и сделаем.

– Расскажите мне для начала о том, зачем вы сюда приехали и чем занимались на маяке.

– Родители парня, который пропал с маяка на Блекхолмене в прошлые выходные, заплатили мне за то, чтобы я сюда приехал и нашёл его. Его мать купила маяк для сына летом, и он уже почти закончил ремонт, собирался сделать из него «Отель впечатлений». Когда я приехал сюда, я связался с шерифом и встретился с ним и сержантом в их офисе. Они отвезли меня в Шельвик, и уже оттуда меня на лодке подбросили до маяка следующим утром.

– Еще раз – когда вы связывались с Бьёркангом или с шерифом, Арнтом Эриксом?

– В тот же вечер, когда нашёл женщину в море.

– Женщину, да. Что вы можете нам рассказать о ней?

– Молодая, чуть за двадцать, ростом около метра шестидесяти, тёмные волосы средней длины. Одета в ночную рубашку и футболку.

– Черты лица?

– Их нет.

– Нет?

– Лица не было, как и одного из предплечий. Кажется, она долго пробыла в воде. Труп был на ранних стадиях гидролиза и уже приобрёл то характерное склизкое состояние, которое...

– А потом она исчезла?

– Да.

– Раз и всё?

– Кто-то вышел из воды и забрал её с собой.

– Вы видели, как он выглядел?

– На нём был водолазный костюм.

– Вы видели или слышали лодку?

– Нет.

– То есть он вышел прямо из воды?

– Да. Как подводная лодка, – я изображаю рукой взлёт со стола, стоящего между нами, – ш-ш-ш.

Уголки рта лейтенанта слегка опускаются, когда он делает над собой усилие чтобы не обращать внимания на мою руку и шипение.

– У вас есть какие-нибудь идеи насчёт того, кто это был и что случилось с трупом?

– Не люблю говорить впустую.

Мартин Свердрюп открывает новую страницу.

– И что вы делали потом?

– Я позвонил Бьёркангу, как только дотащил её до берега, и попросил их приехать и забрать нас с острова.

– В каком часу это было?

Я достаю мобильный телефон и нахожу нужный звонок.

– Полшестого вечера, а через пару минут я позвонил и сержанту.

– И когда вы говорили или видели кого-то из них в следующий раз?

– Никогда.

– Уверены?

– На сто процентов.

– Вы сейчас принимаете какие-нибудь препараты?

– Целую кучу.

– Ладно, – Свердрюп проводит пальцем по костяшкам с другой стороны ладони, – прошу прощения, давайте немного продышимся, прежде чем продолжать. Что скажете?

– Хорошо, – отвечаю я и опускаю плечи. – Вы их нашли?

Мартин Свердрюп медленно качает головой.

– Совсем ничего?

Он снова качает головой. На этот раз ещё медленнее.

– Мы ищем в том месте, где, как мы полагаем, и случилась авария. Мы проводим систематический поиск обломков с использованием эхолота, и вероятность их найти мы считаем относительно высокой. Раньше или позже.

– Лучше раньше, чем позже, – замечаю я.

– У вас есть идеи, зачем они могли взять с собой водолазные костюмы?

– Простите?

– Водолазные костюмы. Из лодочного сарая в Смоботхавне не досчитались пары водолазных костюмов. Мы думаем, что они взяли их с собой.

Зачем Арнту или Бьёркангу надевать водолазный костюм и отправляться на остров, чтобы забрать с собой только труп, а меня оставить там сидеть, как дурака? И если тот, кого я видел, был одним из них, где они сейчас? Я вдруг понимаю, что если это тот сценарий, из которого сейчас исходит полиция, что они действительно приплыли к маяку, когда я был там, то последствия могут дорого мне обойтись, если они скоро не объявятся. Очень дорого.

– Кто же погружается во время шторма? – наконец спрашиваю я.

– Ну, согласно вашим же словам, именно это он и сделал, тот, кто украл труп женщины, который вы, по вашему утверждению, нашли.

– Может быть, это всё мне привиделось, – мрачно отвечаю я.

– Такое возможно? – с сомнением спрашивает Свердрюп.

– Нет.

– Уверены?

– Что я здесь делаю, Мартин? – раздражённо спрашиваю я и развожу руками, – может, вы мне лучше расскажете, под каким статусом я прохожу по этому делу?

– Свидетель, – отвечает лейтенант спешно.

– Пока что так, – внезапно раздаётся из-за двери. В комнату входит мужчина, его взгляд обращён на меня. Он быстро шагает вперед, хватая свободный стул, отодвигает его от стола и садится напротив меня, раздвинув ноги. Мой прошлый начальник из спецотдела. Он кратко кивает и обводит меня взглядом с ног до головы.

– Скажи мне, Мартин, – произносит Гюннар Уре и отклоняется на спинку стула, держась за неё руками. – Как допрашивать специалиста по допросам? Ты знаешь?

Глава 29

– Как дела, Гюннар? – спрашиваю я.

– Прекрасно, – отвечает Гюннар Уре. Его сильные предплечья стали более крупными и загорелыми с тех пор, как мы виделись в последний раз; тогда он всё ещё был моим руководителем в спецотделе.

– Ну а ты как?

– Как сыр в масле, только без масла.

– Ах, как хорошо.

– Не правда ли?

Мы садимся и смотрим друг на друга, не говоря ни слова.

– Что ты здесь делаешь? – наконец спрашиваю я. – Всё ещё работаешь в спецотделе?

– Нет, вернулся в Дельту.

– В отряд особого назначения?

– Верно, – Гюннар кивает, ни на секунду не отводя от меня взгляда.

– Заведующим по хозяйству, наверное?

Узкие губы вытянулись на его бронзовом лице в тонкую линию. Гюннару пятьдесят три, но когда он двигается, все его подтянутые мускулы до единого напрягаются, даже мышцы лица. Когда он сжимает зубы, его губы делаются ещё уже. После того как Гюннар стал нашим новым шефом в спецотделе западного округа, уволившись из отряда особого назначения, у нас уже ходили слухи, что два десятилетия назад он принимал участие в спецоперации в аэропорту Торп и что он, цитата, «превосходный стрелок». Гюннар Уре ожидал уважения к себе, куда бы он ни приходил, и людям казалось естественным это уважение проявлять, не важно, знали они его до этого или нет. Было что-то у него в крови, что невозможно вытравить.

– Всё ещё в строю, – отвечает он и впервые улыбается. – Сложные задания, как в старые добрые времена. Не хватает адреналина, знаешь ли, хотя тренироваться в лагере стало тяжелее. Годы берут своё у каждого из нас.

– Зачем ты здесь, Гюннар?

Гюннар Уре широко улыбается, но потом губы снова сжимаются в узкую полоску:

– Да, это я тебе и расскажу, Торкильд. Пару дней назад мне позвонил некто шериф Бьёрканг. Он хотел знать, что я могу рассказать об одном из моих бывших подчиненных, некоем Торкильде Аске, который почему-то

объявился на гостеприимном севере, где собирался искать утонувшего у какого-то маяка датчанина. Я рассказал этому шерифу, что Торкильд Аске – имя, которое я надеялся не услышать больше никогда. Что этот позорный персонаж, который решил предать всех своих друзей на госслужбе, разрушить нашу репутацию, меня лично и всё, за что мы стоим, станет фигурантом какого-то дела, было последним, чего я ожидал.

Я вижу, как двигаются его челюстные мышцы, пока он, стиснув зубы, говорит. Гюннар Уре наклоняется ко мне:

– Ты хоть представляешь, как я себя чувствовал, когда должен был сидеть и защищать этого чёртового кандидата на статью за вождение в нетрезвом виде из моей собственной команды? Как? Вождение в состоянии опьянения, непреднамеренное убийство? Как я, по-твоему, выглядел, как мы выглядели, вся твоя команда? Ты хоть раз думал об этом?

– Манипуляция и информация, – говорю я после неприятной паузы, в течение которой все трое просто сидят и смотрят друг на друга, ничего не говоря.

– Что за чушь ты несёшь? – Гюннар Уре придвигает стул ближе. – Что ты сказал?

– Ты хотел знать, как допрашивать эксперта по допросам. Так вот, все допросы, по сути своей, строятся вокруг двух вещей: манипуляция и информация. Даже когда допрашивают того, у кого есть собственный опыт и знание методик. Самое главное, впрочем, это то, что человек оставляет за пределами комнаты допросов, прежде чем в неё войти.

– И что это? – ручка елозит в руках Мартина Свердрюпа, как будто бы он пришёл сюда прослушать курс по межличностной коммуникации для сотрудников полиции. Гюннар Уре, напротив, сидит совершенно неподвижно и смотрит на меня. Он так близко, что я чувствую аромат лосьона после бритья «Хьюго Босс» и жвачки со вкусом клубники.

– Твоя личность. Ведущий допрос входит в комнату чистым, как роса, он белый лист. Никаких предубеждений, никакой злости, ярости или других отвлекающих факторов. Желаемый результат здесь – обратить внимание объекта допроса на то, что он или она сами отвечают за ситуацию, в которой оказались, в то же время выясняя, подлежат ли уголовному наказанию их деяния. А для этого нужно обзавестись их доверием.

– Вести себя как шлюха, иными словами, – Гюннар Уре сплёвывает и опускает руки на подлокотники, а потом сжимает их в кулаки.

– Если хочешь, – спокойно отвечаю я. – Так начинается игра: манипуляция и информация. Обман – неплохой способ начать, если имеешь

дело с тем, кто и сам искусный игрок. Мешать правду и вымысел, создавать впечатление, что знаешь больше, чем есть на самом деле, путать, подрывать уверенность в себе.

– То есть никакого КРЕАТИВа? – Гюннар Уре снова расплывается в лёгкой улыбке.

– Нет уж, – отвечаю я и качаю головой, – не с такими ребятами, нет. Здесь нужны самые серьезные средства. Исключительно техники психологической манипуляции, как мне кажется. Я бы начал сеанс с того, что затронул бы что-то интимное. Чтобы им стало страшно. Какая-то тема, которой они совсем не ожидали.

– Как эта? – Гюннар Уре слегка придвигает стул ко мне, он так близко, что наши лица почти касаются друг друга.

– Прекрасно. Был бы я тобой, я бы, наверное, сейчас действовал по схеме «хороший полицейский/ плохой полицейский», в которой смена кнута и пряника стимулируют получение информации, – я кивком указываю на Свердрюпа, – вас тут достаточно.

– Не-а, – хрипло говорит Гюннар Уре, – что у тебя там ещё?

– Плющить эго? Надо метко атаковать чувство собственного достоинства, чтобы человек в попытке оправдать свои действия проговорился и начал рассказывать. Техника Рида, она же детектор лжи, – сомнительный выбор, но стоит попробовать, в особенности, если комбинировать его с одной или несколькими из вышеназванных методик.

– Это всё? – цедит Гюннар Уре сквозь зубы.

– Нет, – спокойно продолжаю я, – некоторые применяют ещё и вершёрфт вернемунг.

– Вот, – Гюннар уверенно кивает, – теперь мы говорим на одном языке.

– Что это? – спрашивает Свердрюп заинтересованно.

– Самые передовые техники допроса. Такие использовало гестапо во время войны, по большей части это те же методы, которые сегодня используют американцы. Разве не забавно?

– Что ещё? – Гюннар нетерпеливо барабанит пальцами по спинке стула. – Это всё? Ты знаешь другие приёмчики?

– Ещё? Ну, нельзя забывать и про употребление психоактивных веществ. Но это уже тонкости самых передовых техник.

– Ходят слухи, что ты теперь и сам их употребляешь.

Я слышу, как прижимаются друг к другу его верхняя и нижняя челюсти.

– Однако, – продолжаю я, не обращая на него внимания, – всегда присутствует возможность того, что объект страдает тем или иным

расстройством личности, и тогда правила игры резко меняются.

– Почему? – Мартин Свердрюп снова щёлкает ручкой.

– Теперь слушай внимательно, – говорит Гюннар Уре. – Тут он знаток. Знает все ходы и выходы.

– Примерно семь процентов мирового населения страдает психопатией в той или иной форме. Половина заключённых в американских тюрьмах попадают под эту категорию и совершают восемьдесят процентов насильственных преступлений. Люди без эмпатии, хронические лгуны, не способные к раскаянию и самоконтролю.

– Знаешь что, Мартин, – Гюннар Уре поворачивается к Свердрюпу, – вообще-то у нас однажды был один такой парень в отделе. Тварь ползучая, а не человек.

Затем он снова поворачивается ко мне:

– Ну, так вот. Психопат, ага.

– И что он сделал? – спрашивает Свердрюп, смело пытаясь рулить разговором.

Гюннар Уре снова замолкает и просто сидит, смотря мне прямо в глаза, а я продолжаю:

– Ну, было бы совершенно бесполезно пытаться заставить психопата испытать ответственность или сожаление, – рассказываю я, – они не в состоянии осознать ту физическую, эмоциональную или психическую боль, которую причиняют другим. Их поведение продиктовано исключительно нарциссической потребностью удовлетворить своё собственное эго. Успешный допрос психопата происходит только тогда, когда допросчик это понимает и не пытается апеллировать к сочувствию, совести или социальным связям.

– А сейчас будет весело, – говорит Гюннар Уре, – слушай и учись.

Я киваю, понимая, к чему ведёт Гюннар, но не нахожу способа его остановить. Поэтому я просто продолжаю рассказ и морально готовлюсь к последствиям:

– Допросчик, напротив, должен делать вид, что он впечатлён самостоятельностью, изобретательностью и силой, которую продемонстрировал объект допроса в своих деяниях, задавая вопросы из серии: «Как тебе удавалось убивать этим способом? Так много? И так долго тебя не могли поймать?» и так далее, и тому подобное. Иными словами, признания можно добиться только в случае, когда психопат чувствует, что удовлетворяет одну из своих эгоманических потребностей.

– Откуда ты всё это знаешь? – спрашивает Свердрюп.

– Торкильд интервьюировал много таких психов, когда был в Штатах

вместе с этим доктором Оленборгом, верно? Большинство из них были... полицейскими?

Вот к чему Гюннар Уре вёл с самого начала. Сейчас он может подвести итог всему, чем я был и что есть, и эту истину я должен буду носить на шее, как гирию, до конца жизни. Окончательное доказательство того, что я предал его лично, нашу команду и всю нашу полицейскую общность. Клеймо, которое показывает, что я отныне и навсегда буду одним из тех, кого мы вдвоём когда-то ненавидели и презирали больше всех на свете.

– Так называемые *sors gone bad*, – продолжает Гюннар Уре, – полицейские, перешедшие на другую сторону. Они убивают, грабят, насиуют и разрушают всё на своём пути.

– Что-то такое, да.

– Такое, как ты, не так ли?

– Иди к чёрту, Гюннар!

Гюннар Уре наконец вцепляется в стул, на котором сидит, и швыряет его об пол, а потом хватается за шею, и поднимает нас обоих на ноги.

– Почему ты не можешь просто пойти и сдохнуть в канаве?! – рычит он, а потом ударяет свободным кулаком мне по лицу, и я заваливаюсь назад к стене с противоположной стороны письменного стола и падаю на пол.

– Что за... – слышу я крик лейтенанта. Я поднимаю голову и вижу, как он схватил Гюннара за плечо двумя руками, как будто пытаюсь защитить меня от разъярённого быка.

– Это тебе за команду, – Гюннар прижимает кулаки друг к другу, вырывается из захвата Мартина Свердрюпа, делает пару шагов и бьёт меня в живот. Удар такой сильный, что меня рвет, и одновременно накатывает дикая боль в диафрагме. Смесь воды, кофе и свежей крови стекает по воротнику на пол, – а это от меня.

– Мужик, ты чего! – Мартин Свердрюп сзади обхватывает Гюннара за грудную клетку. Грудь его настолько широка, что руки едва сходятся. И всё-таки каким-то странным образом ему удаётся оттащить Гюннара назад к столу, где тот тяжело садится на один из стульев. Мартин поднимает стул, который Гюннар выбил из-под себя, и ставит его на место, а уже потом подходит ко мне:

– Ты в порядке? – спрашивает он так, будто стоит над беднягой, которого только что сбил разъяренный слон.

– Я прекрасно, – говорю я и сплёвываю кровью на пол между нами, – как лето в Нейтолсви́ке. Я в порядке.

Я снова сплёвываю и прислоняю голову к стене. Гюннар сидит за столом, закрыв лицо руками, и смотрит на нас сквозь пальцы.

Лейтенант делает пару шагов к Гюннару, он держит указательный палец поднятым, как меч.

– Послушай, – яростно произносит он. Внезапно он заговорил на чистом северо-норвежском наречии: – Не знаю, что тут между вами происходит, но это абсолютно неприемлемо. Я собираюсь...

– Уйди, – цедит Гюннар Уре. Он сквозь кончики пальцев злобно смотрит на лейтенанта, который на секунду замирает на месте, как будто примёрзнув к полу, и всё ещё держит перед собой вытянутый палец, словно проверяя направление ветра в комнате, – я хочу поговорить с ним наедине.

– Нет, ни за что. Я здесь...

– Вон, – произносит он. На этот раз в его голосе звучит металл, который заставляет Мартина Свердрюпа опустить свой анемометр и сделать шаг назад.

– Всё в порядке, – говорю я и безуспешно пытаюсь принять стоячее положение.

– Чёрт знает что, – бормочет лейтенант как раз в тот момент, когда его коллега, ушедший за кофе, наконец заглядывает в дверь. Он собирается что-то сказать, но Свердрюп его прерывает:

– Иди, Стейнар, – произносит он, – эти двое придурков хотят на время остаться наедине.

Я поворачиваюсь на живот и снова плююсь кровью, а потом ползу к столу, пока не добираюсь до стула сбоку от того, на котором сидит Гюннар.

Я хватаюсь и встаю.

– Ну, – кашляю я, когда наконец забираюсь на стул и нахожу приемлемое для сидения положение, – о чём теперь будем говорить, шеф?

Глава 30

– Выглядишь просто ужасно, Торкильд, – говорит Гюннар Уре, когда дверь закрывается и двое мужчин уходят.

– Зачем ты здесь?

– Могу задать тебе такой же вопрос.

Гюннар отклоняется на спинку стула, растирая костяшки пальцев.

– Тебя Анн-Мари послала?

Моя бывшая жена, Анн-Мари, и Гюннар нашли друг друга, когда я был в Америке. Мне было всё равно. Развод уже был оформлен, и потом, наш брак изжил себя много лет назад и разрыв был чистой формальностью.

– Она не знает, что ты вышел.

– Ещё как знает, – возражаю я и хватаю лист из стопки документов, которая всё ещё лежит на столе. Я сворачиваю его и использую, чтобы отереть кровь с лица. – Она начала высылать мне вырезки с фотографиями детей. Получил последнюю прямо перед отправлением на север. Мальчик из рекламы Н&М и девочка. Ты должен попросить её остановиться.

– Ну чёрт возьми, – Гюннар Уре снова закрывает лицо руками, – она просто очень устала, – продолжает он, – мы так долго пытались завести детей, и...

– А усыновление?

– Э-э, что? Ты ведь не думаешь, что я...

– Ради бога, Гюннар, – я швыряю окровавленный лист бумаги на стол между нами, – ты же знаешь, что она не может иметь детей!

– Что?! – Гюннар Уре в шаге от того, чтобы снова вскочить, сжав кулаки, но, уже приподнявшись, меняет решение и снова опускается на стул. – О чём ты, чёрт возьми, говоришь? – устало цедит он.

– Врачи обнаружили кисты в её яичниках. Почти пятнадцать лет назад. Поэтому она и посылает вырезки, чтобы показать, что я, не желающий иметь детей, забрал у неё, когда она всё ещё могла их завести. Чёрт возьми, мужик, – говорю я и плюю, а Гюннар Уре, застывший, сидит передо мной.

– Им пришлось удалить всё, из-за риска развития рака. Яичники, матка и лимфоузлы, всё, чтобы предотвратить распространение. Откуда, по-твоему, взялся шрам на её животе?

– Она поранилась, – вдруг шёпотом говорит Гюннар, не глядя на меня, – там снизу, ножницами, в тот вечер, когда я пришёл домой и рассказал про тебя и ту разбившуюся в автомобиле девчонку в Саннесе.

Пьяный кандидат на статью за вождение в нетрезвом виде насмерть сбивает девушку полицейского, дело которого он должен был рассматривать. Ты хоть представляешь, какой цирк бы поднялся в прессе, если бы мы не были достаточно быстры? – Гюннар снова ударяет ладонями по столу и трясёт головой. – Вся эта работа, которую мы должны были сделать, чтобы бладжаунды не нашли твоего дерьма. Так, конечно, нехорошо говорить, но, может быть, было бы лучше, если бы вы оба...

Раздаётся стук в дверь, и из-за неё выглядывает полицейский с двумя дымящимися чашками кофе в руках.

– Э-э, вы просили кофе, – неуверенно обращается он к Гюннару, а я поднимаюсь на стуле и забираю свою чашку.

– Мне не надо, – Гюннар трёт костяшки большими пальцами, – воды, пожалуйста.

– У нас нет воды в бутылках, только из-под крана...

– Один чёрт, дружище. Большой бокал, холодная вода. За дело.

Полицейский кивает:

– Две секунды.

– Раз-два! – командует Гюннар, не отводя взгляда от своих пальцев. Полицейский бросает взгляд на меня, затем на пальцы Гюннара. После этого он разворачивается и уходит.

– Вы правда думаете, что я замешан в пропаже шерифа с сержантом? – спрашиваю я и дую на кофе.

– Разумеется, нет, – отвечает Гюннар, – или, вообще-то, откуда мне знать. Я здесь проездом. Буду проводить занятия для офицеров из местных вооруженных сил на следующей неделе. Просто должен был заглянуть, чтобы проверить, действительно ли речь о тебе, – он смеётся, – и вот он ты.

– А ты со мной, – отвечаю я. – Для полного счастья не хватает только сосисок на вертеле и какао.

Полицейский возвращается с водой со льдом в большом графине, который он ставит на стол. Гюннар делает крупный глоток, а потом отставляет стакан в сторону и поднимается:

– И, слушай, – он грозит мне пальцем, как будто шпагой, – не звони, хорошо?

– Договорились.

Он разворачивается, собираясь уходить, а потом останавливается около полицейского, который стоит по стойке смирно, вытянув руки вдоль туловища и разглядывая окровавленные бумаги из своей папки. Гюннар снова поворачивается ко мне.

– И ещё: не пиши и не звони Анн-Мари, не заходи в мой офис в

Грёнланне, не присылай открытки из отпуска, никаких эмейлов, никаких запросов дружбы в Фейсбуке и неловких приветствий с другой стороны улицы. Ничего. И держись подальше от наших коллег в Бергене. Заползи обратно в обломки автомобиля, пропади в душевой, мне вообще всё равно. Исчезни. Тебя больше нет, Торкильд Аске, это понятно?

– Понятно.

– И ещё одно: отсюда тоже убирайся. Из этого дела, как бы оно ни развивалось. Тебе здесь делать нечего.

– Скоро, – отвечаю я.

– Не скоро, а сейчас же!

– Адъё, Гюннар.

– Иди к чёрту!

Гюннар скрывается за дверью, а две секунды спустя снова появляется Свердрюп и заглядывает внутрь, как испуганная собака. Убедившись в том, что обстановка безопасна, он проскальзывает внутрь и запирает за собой дверь. Оба мужчины садятся, сержант достаёт новый листок из стопки бумаги, аккуратно вытащив его из кучи скомканных и испачканных кровью листов на столе, хватает ручку и начинает писать.

– Хорошо, – говорит Свердрюп и складывает ладони в благоговейном жесте, который должен продемонстрировать спокойствие и бдительность, – наконец-то это закончилось, – причмокивает он на псевдо-северонорвежском, постукивая кончиками пальцев друг о друга. – Давайте начнём всё сначала. Твоими собственными словами.

После того как мы закончили и меня попросили держаться подальше от проблем, но и не уезжать слишком далеко, пока поиски всё ещё идут, я еду в торговый центр, в котором был, когда впервые приехал в город. Сначала я захожу в аптеку и покупаю дюфалак, а потом заглядываю в парфюмерный и покупаю такой же флакон парфюма у той же самой продавщицы, как и в прошлый раз. Она не улыбается, просто старается сохранять спокойствие, будто во время вооружённого грабежа, пока не пройдёт транзакция.

На улице перед торговым центром я бросаю взгляд на морскую пену, которая оmyвает причал для быстроходных судов. Я сажусь в автомобиль и выезжаю из города в северном направлении, сквозь темноту, мимо тяжёлых горных хребтов, заржавелых сушилок и разрушенных крыш сараев, которые ветер сдул на землю. Я еду мимо обломков деревьев, столбов и выброшенных на берег водорослей, и ветром выносит рваные гроззовые облака из-за линии горизонта.

Глава 31

Когда я наконец возвращаюсь в социальный центр Шельвика, на часах уже пять. Ветер стих. Вертолёт и поисковая лодка пропали, фьорд – бурлящая сине-чёрная стихия, она беспокойно гудит в вечерней тьме. Я достаю мобильный и звоню Харви.

– Yes, – легкомысленно отвечает Харви, – Mr. Aske, is it not^[18]?

– The very one^[19], – отвечаю я, и Харви громко смеётся. Я представляю, как он поднимает за моё здоровье чашку кофе с горячительным, сидя у кухонного окна.

– Они нашли лодку, – серьёзно произносит он.

– Что? Ты уверен?

– Да. Юханнес только что мне рассказал. Он услышал по рации. Маломерное судно обнаружило их сегодня утром выброшенными на берег на острове Рейнэй. Кстати, я сегодня видел полицейскую лодку у маяка. Выглядело так, как будто они там что-то расследовали. На всех были белые костюмы, оттуда они и поехали дальше.

– Мрази, – шепчу я.

– Что?

– Забудь. Просто встретил сегодня старого знакомого в Трумсё.

– В Трумсё?

– Я только что с допроса.

– Вот как. И они ничего не сказали?

– Нет.

– Почему?

– Полицейская тактика, – отвечаю я и всем весом облакачиваюсь о прокатный автомобиль, – нет никакого смысла рассказывать свидетелю или возможному подозреваемому о том, что знаешь, только если это не тактический ход.

Я снова перебираю в голове наш разговор с Гюннар Уре и Свердрюпом пару часов назад. Мало того что Гюннар случайно оказался тут как раз в момент, когда пропадают двое полицейских, которые должны были встретиться со мной на маяке. Они уже начали сочинять сценарий. В этом сценарии я – участник пропажи Бьёрканга и Арнта.

– Вот дьявол, – стону я и наклоняюсь вперёд, когда мне скручивает диафрагму.

– Звучит не очень, Торкильд, – говорит Харви.

– Да вообще кошмар, – я продолжаю стонать и снова поднимаюсь, – скажи мне, где находится Рейнёй?

– На юге, по дороге в Трумсё. Свяжись с Юханнесом, он наверняка знает рыбака, который нашёл лодку. Мне нужно обратно на ферму, пока не наступила ночь.

– Бьёрканг и Арнт взяли с собой водолазные костюмы, когда ночью вышли в море.

– Откуда ты знаешь?

– В полиции сказали.

– Не похоже на то, чем Бьёрканг стал бы заниматься, – возражает Харви, – в такую погоду он бы никогда не стал погружаться, и я уже не говорю о том, что он не особенно-то и любитель.

– Они могли быть связаны с криминалом?

– Почему ты спрашиваешь?

– Потому что, – объясняю я, – тот, кто в тот вечер прибыл на маяк, был в костюме аквалангиста, и полиция спросила меня именно о том, была ли у Бьёрканга и Арнта причина брать с собой водолазные костюмы, отправляясь в тот вечер в дорогу. И последнее, но не менее важное: никто, кроме них двоих, не знал, что я нашёл труп. Единственный логический вывод из этого – они как-то связаны с умершей и не хотят, чтобы кто-нибудь о ней узнал. Разве не так?

– И почему они всё ещё не вернулись? – спрашивает Харви.

– Да, из-за этого ничего и не складывается, – стону я. – Какого чёрта они всё ещё не вернулись? Проблема в том, что если они скоро не появятся, то тогда я в беде. В чёртовой куче дерьма, понимаешь?

– Потому что?..

– У меня ощущение, что полиция вот-вот примет версию, в которой двое полицейских прибыли на маяк в тот вечер, когда там был я, а потом пропали. Я последний человек на земле, которому стоит оказываться поблизости, когда пропадают двое полицейских.

Я тяжело вдыхаю. Боль в животе снова усиливается, и мне снова приходится наклониться, пока боль не уймётся.

– Ты в порядке?

– Живот, – сквозь сжатые зубы отвечаю я. Я уже принял три полные мерные чашки дюфалака по дороге из Трумсё, а внизу у меня ничего не изменилось.

– Tough shit^[20].

– В буквальном смысле.

– Поговори с Мерете. Я знаю, что она помогает многим постояльцам,

когда у них проблемы с животом.

– Она сейчас на работе? – спрашиваю я, извиваясь от боли, а спазм спускается ниже диафрагмы.

– Да, она там вплоть до девяти. Ты наверняка встретишь её в столовой после часа терапии, – говорит Харви, когда я подхожу к двери квартиры. – Кстати, – произносит Харви, пока я достаю ключи, – дочь того, кто раньше занимал квартиру, в среду приедет на похороны. Она хочет забрать вещи. Не мог бы ты...

– Конечно, – я приседаю, когда меня настигает новый болевой позыв, – до скорого. – Я заканчиваю разговор и направляюсь к главному входу жилищно-коммунального комплекса Шельвика. Пришло время найти жену Харви.

Глава 32

В коридоре совсем тихо. Никто не ездит на креслах-каталках и ходунках, слышен только стук моих ботинок, ступающих по только что вымытому линолеуму.

В столовой полно народу. Сюда принесли дополнительные стулья, и за столами сидит множество постояльцев. Никто ничего не говорит. В комнате почему-то стоит звенящая, абсолютная тишина.

В углу составлены несколько столов. Два человека сидят лицом к собравшимся. Одна из них – старшая медсестра отделения Сив, у неё в руке микрофон. Другой – пожилой мужчина с серо-коричневым чубом, на нём гавайская рубашка с коротким рукавом и золотые наручные часы, сверкающие под светом люминесцентных ламп прямо над ними.

– Торкильд, – слышу я чей-то шёпот и замечаю Юханнеса за тем же столом, что и в прошлый раз, с Бернадотт и Улине в кресле-каталке. – А ты у нас кто? – шепчет Бернадотт, когда я прокрадываюсь на место, после чего Улине касается меня своей холодной рукой:

– Посмотри, как ты вырос. Помню, как ты был маленьким, и Агнес всегда брала тебя с собой в магазин купить мороженого. Боже, как же ты визжал и кричал, если не получал того, что хотел!

– Вот здесь, – Юханнес протягивает один из четырёх своих лотерейных билетов мне вместе с красным фломастером, – эти два ряда, – говорит он и указывает на билеты, прежде чем я успеваю выразить протест.

– Номер семь. Семь. Семь, – трещат динамики, расположенные на столах, придвинутых к стенам.

– Что она сказала? – шепчет Бернадотт. – Она сказала тридцать два?

– Нет, – отвечает Улине более оптимистичным тоном, – Семь. Тридцать два только что было.

Слышно, как снова гремит металлическая клетка с шарами, и из неё выкатывается следующий шар.

– Номер сорок три. Четыре три. Сорок три.

– Вы видели Мерете? – спрашиваю я, а Юханнес фломастером ставит на билете отметку. Он полностью погружён в игру: сидит с очками на носу и пристально смотрит на три своих билета.

– Будет перерыв, когда кто-то закроет все три ряда, – спешно отвечает он, не поднимая глаз от билета.

– Номер двадцать один. Два один. Двадцать один.

– Бинго! – выкрикивает Улине и хватается за мою руку.

– Что? – я смотрю на неё, и кажется, что с ней вот-вот случится припадок, а она царапает моё предплечье и размахивает свободной рукой над головой.

– Бинго, бинго! – кричит она и начинает тащить меня за руку. – Ну же, поднимайся, сынок. Ведь у тебя бинго!

Сив нацепляет очки на нос и хмурится за стойкой кафетерия, а Улине стаскивает меня со стула.

– Это было бинго?

– Да, – хрипло отвечаю я и поднимаю билет вверх так, будто этодохлая рыба, – очевидно, это оно.

Я стою и жду мужчину с золотыми часами, он приближается к нам.

– Хорошо, – говорит Сив в микрофон, когда он наконец подошёл к нам, – можешь начать.

Мужчина забирает у меня билет и указательным пальцем начинает водить по числам, пока не находит два полных ряда:

– 5-21-32-66-82.

– Совпадает, – голос Сив дребезжит в динамиках, – что там дальше?

– 7-43-57-72-90.

– Этот тоже совпадает, – раздаётся из акустической системы. – Тогда готовимся к третьему ряду. Полный комплект.

Мужчина с золотыми часами отдаёт мне билет и идёт обратно к столу с подарками, там он внимательно изучает каждый предмет и наконец находит то, что искал, после чего возвращается к нашему столу.

– Вот, – он протягивает мне упаковку с пятьюдесятью праздничными салфетками, на которых нарисованы гномы, занятые разными делами вокруг саней.

– Благодарю, – я низко кланяюсь и снова сажусь на стул, как только рукопожатие окончено. Внезапно я ощущаю прикосновение руки Улине к моей. Её голова слегка качается из стороны в сторону:

– Хороший мальчик, – говорит она и снова наклоняется над своими билетами.

– Что ж, возвращаемся к игре, – объявляет Сив через динамики, и снова начинают греметь шары и объявляться номера:

– Семьдесят семь. Семь семь. Семьдесят семь.

Я передаю упаковку с праздничными салфетками Юханнесу, но он качает головой и отдаёт их обратно:

– То, что ты выиграл, принадлежит тебе.

– Номер пятьдесят девять. Пять девять. Пятьдесят девять.

– Бинго! – ликует Улине и снова хватается за мою руку, – у него снова бинго!

– Чёрт бы вас побрал, – слышится голос какого-то старика, он хлопает ладонью по столу и швыряет фломастер на пол.

Я смотрю на билет и вижу, что она права. Третий ряд тоже заполнен. Невольно я снова поднимаюсь и потерянно смотрю на собравшихся, а судья лотереи снова идет в нашу сторону. Сив одобрительно мне кивает, пока возится с микрофоном, как будто в её руках что-то совсем другое.

Процедура зачитывания номеров повторяется, после чего мужчина возвращается на своё место и начинает рыться в призах на столе, а потом идёт обратно с тортом на подносе и с почтением ставит его передо мной.

– Трюфельный? – ноет Юханнес, – а разве за три ряда дают не кремовый?

– Не надо, Юханнес, – отвечает мужчина с часами, – он будет после паузы, ты же знаешь.

Улине наклоняется ко мне:

– Да, теперь Агнес обрадуется, вот увидишь.

– Давайте сделаем кофейную паузу, а потом сыграем в последнюю игру на сегодня, – объявляет Сив в микрофон. Она поднимается и идёт к длинному столу, персонал уже готов разносить серебряные кувшины с кофе, сахар и сливки.

– Думаю, я пойду, – говорю я и передаю билет вместе с подносом Юханнесу. Мерете здесь нет, так что я решаю вернуться в квартиру за новой дозой дюфалака и последующей сессией потуг в туалете, – спасибо за всё.

– Торт твой, – Юханнес передаёт его обратно, – я всё равно не переносу трюфели.

– Вы тоже? – я в отчаянии смотрю на Бернадотт и Улине, обе качают головами.

Улине хлопает меня по плечу и шепчет:

– Будь осторожен, мальчик мой. И передай привет Агнес.

Я поднимаю упаковку салфеток и поднос и иду в сторону выхода. За моей спиной раздаётся треск из колонок и, кажется, кто-то заводит грампластинку; звучит свистящая органная музыка, кто-то играет на старой фисгармонии, как в молитвенном доме, и девушка с юга Норвегии начинает петь... *Тётушка сказала, что ангелы дома ждут. Их ждёт небо. Ждёт Христос. Только подумать, что я сейчас с ними. О, как хочу я забыться...*

– Уходишь? – спрашивает женский голос, когда я наконец начинаю отпирать дверь.

– Я тебя искал, – отвечаю я, увидев Мерете. Она идёт ко мне с сетчатым мешком в руках, в нём много камней разных цветов.

– Ну, вот я и пришла, – говорит она и касается моего плеча свободной рукой, – чего ты хотел?

Глава 33

– И долго ты так ходил? – мы идём к выходу из жилищно-коммунального центра. Мерете всё ещё держит меня за руку, как будто я один из тех постояльцев, которых нужно отводить обратно в комнату для отдыха.

– Чуть больше недели, – отвечаю я, – с тех пор, как вышел из тюрьмы.

– Тюрьмы? – я замечаю, что её хват ослабевает, – но разве ты не...

– Долгая история. Можешь как-нибудь спросить об этом Харви.

– Не имеет значения, – она снова обхватывает руку, – ты мне нравишься.

– Спасибо, – бормочу я и опускаю взгляд на мешок с камнями, – зачем они тебе?

– Это мои кристаллы, – отвечает Мерете, – для сеансов терапии. Харви покупает их в России, – она сжимает руку сильнее, – по дешёвке.

– Ты их продаёшь?

– Разумеется. Яшма, кварц, зелёный авантюрин, мы зовём их камни желаний, красно-розовые кристаллы родохрозита. Тёмно-синие лазуриты из Афганистана, аметисты, родониты, флюориты всех цветов: белые, чёрные, лиловые, голубые, зелёные и жёлтые, да, а некоторые почти бесцветные. Изумруды, малахиты, ониксы, сердолики, рубины, агаты, апатиты, бериллы, топазы, сугилиты, розовые кварцы и лунные камни.

– Дорого?

Мерете моргает:

– Не без прибыли, конечно.

– И их мы будем использовать, чтобы... чтобы...

– Именно, – объясняет Мерете, когда мы подходим к квартире.

– Торт? – спрашиваю я, когда мы заходим в гостиную. Я ставлю поднос и упаковку салфеток на кухонный стол.

– Нет, спасибо, – говорит Мерете. – Мне сказали, что именно ты выиграл трюфельный торт. Его испекла Берит, она одна из наших постоялиц отделения реабилитации. – Мерете открывает мешок с драгоценными камнями и засовывает туда руку. – Но она многое забывает. Её торты уже не такие, какими были раньше, скажем так.

– Отлично, – отвечаю я и наклоняюсь над кухонным столом, когда во мне снова просыпается боль.

– Ты готов? – Мерете держит два камня из сумки в руках, потирает их

друг о друга и знаком показывает мне подойти. – Не бойся. Кристаллотерапия совершенно безопасна. Просто возьми подстилку и ложись на пол передо мной.

В комнате тепло, я снимаю свитер, так что на мне остаётся только футболка, подхожу к ней и ложусь на спину.

– Ты пьёшь таблетки?

Я киваю.

Мерете трёт камни друг о друга и смотрит на меня.

– Я это вижу.

– А?

– Миоз. Узкие зрачки, – она кивает с закрытым ртом, – это совершенно нормально. Это вполне может тебе помочь. Тебе нужно что-нибудь ещё, чтобы успокоиться?

– Радио, – отвечаю я хрипло. Я вытягиваюсь на полу, пока она отошла повернуть рубильник на приёмнике, – и кофеварка. Включи её.

– Пойдёт? – спрашивает она, включив кофеварку и найдя радиостанцию, на которой играет лёгкая танцевальная музыка на фортепиано.

Я киваю.

– Нет, подожди, – восклицаю я, а затем резко поднимаюсь, хватаю с пола сумку и бегу в ванную. Там я достаю из сумки флакон духов, закрываю глаза и рот, а потом распыляю жидкость прямо в лицо. После этого я глотаю ещё две таблетки оксикодона и возвращаюсь обратно в гостиную.

Мерете сидит и ждёт на краю гостинного стола. Она недовольно зажимает нос из-за сильного запаха духов, но ничего не говорит. Она садится на колени около меня, когда я снова ложусь на пол.

– У человеческого тела есть семь чакр, – рассказывает она, согревая в руке красный камень, – это энергетические диски или центры, которые расположены вдоль позвоночника. Чакры направляют, распределяют и регулируют расход энергии и импульсов в теле. Мы расположим камни в этих точках, чтобы вибрации камней совпали с вибрациями чакр.

Мерете начинает раскладывать камни разных цветов и форм в прямую линию от талии до лба: там она кладёт тёмно-лиловый овальный камень. После этого она берёт узкий продолговатый прозрачный кристалл и начинает рисовать им странный узор на моём животе и талии, тихо что-то приговаривая, так тихо, что я не могу разобрать, что она говорит.

Я чувствую, как мои дурные мысли уплывают прочь тяжёлыми облаками, и тело охватывает эйфория, ощущение покоя и умиротворения.

Боль уходит, открывая дорогу новым ощущениям. Наконец-то таблетки начинают действовать.

– Я ощутила глубокую скорбь, – вдруг слышу я слова Мерете сквозь белую сетчатую мембрану, которая нависла между нами, – когда мы впервые встретились у нас дома и ты подал мне руку. Поэтому я так резко притянула её к себе.

– Что? – бормочу я. Мои зрачки тяжелы, и трудно держать их открытыми.

Я чувствую камни на животе, на груди, шее и до самого лба. Они как будто вращаются, снова и снова, всё сильнее впиваясь в ткани. Придавливают меня к полу, чтобы я не мог двигаться.

– Потом я увидела её между тобой и Харви на парковке.

Я пытаюсь что-то прошептать, но губы не шевелятся.

– Она будто парила между вами.

– Фрей, – вырывается у меня, – наконец-то.

– Теперь я снова чувствую её энергию, – продолжает Мерете, останавливаясь на каждом слове, как будто их больно произносить, – она сильнее, настойчивее, словно она упирается в дверь и хочет войти.

– Ты видишь её?

– Да.

– Скажи ей, что мне надо с ней поговорить. Скажи, что я решил. Я приду, если это то, чего она хочет.

Внезапно я слышу, как Мерете сжимает зубы, так сильно, что они скрежещут.

– Она замерзает.

Мерете начинает стучать зубами, и я чувствую, как комната вдруг становится холоднее, как будто кто-то открыл дверь и впустил в дом зимнюю стужу.

– Темнота, она хочет показать мне что-то в этой темноте, – дрожит Мерете и поворачивается к окну, – вон там.

– Где? На маяке?

Мерете не отвечает. Просто сидит на полу рядом со мной и дрожит.

– Спроси её обо мне, – прошу я снова, – спроси её, почему она больше не хочет приходить?

– Она сомневается.

– Да, – мечтательно говорю я и прикрываю глаза, – мы оба в сомнении.

– Так темно.

– Ты видишь луну? Ты её видишь?

– Оно говорит, – шепчет Мерете, – грохочет и стучит о металл. Боже,

как мне холодно.

– Авария, – задыхаюсь я, – Боже мой, это авария.

– Вода. Я слышу, как она разливается повсюду, чувствую солёный вкус внутри.

Мерете внезапно начинает долго и тяжело откашливаться, как будто сейчас задохнётся.

– Так холодно, – дрожа произносит она, жадно вбирая в себя воздух.

– Дай ей войти. Ты должна позволить ей войти, чтобы я смог поговорить с ней.

– Господи! – Мерете внезапно хватается за грудь, как будто задыхается. Её голос изменился, в нём какой-то другой оттенок, которого не было пару секунд назад. – Так быть не должно, – стонет она и лихорадочно осматривает комнату, как будто что-то ища. – Нет, погоди, – дрожит она, – я не понимаю, что ты говоришь.

– Фрей? – возбуждённо кричу я. – Фрей, ты здесь?

– Нет, нет, – грустно произносит Мерете, – я не понимаю. Я чувствую, как она спешно проводит ладонью по предплечью. Ладонь её холодная, как ледышка.

– Фрей? – я пытаюсь встать, но моё тело будто привинчено к полу, и я не могу сдвинуться. Покой испарился, и ноющее ощущение паники скоро распространится по всему телу, – почему ты не отвечаешь?

– Т-сс, – я сразу чувствую промёрзшую насквозь руку Мерете на своём плече, – ты не должен говорить, Торкильд.

– Что? Нет, отпусти меня. Фрей! Подожди меня, я готов. Я готов прийти.

Ледяная рука Мерете скользит по моему плечу наверх, она ладонью зажимает мои губы.

– Теперь я поняла, – шепчет она и пальцами прикрывает мне рот, – это не Фрей. Это кто-то другой.

Глава 34

Рука Мерете соскользнула с моих губ и тяжело упала на пол. Она стоит на коленях передо мной. Мне наконец удаётся вырваться из этого медикаментозного сна и сесть.

Мерете смотрит на меня отрешённым взглядом, а потом встаёт и поворачивается к занавескам за диваном. Она шепчет в темноту:

– Кто ты? – она вытягивает руки перед собой, как будто слепая, только что встретившая незнакомого человека. – Зачем ты здесь?

От её губ и носа веет холодом. Её слегка шатает из стороны в сторону, она покачивает головой и щурит глаза.

– Я не понимаю, – её глаза снова открываются, от лица снова веет холодом.

– Что она говорит?

Мерете снова качает головой.

– Не знаю. Не понимаю.

Я собираюсь подняться, но Мерете вытягивает руку, будто намекая, что я должен остаться сидеть. Воздух в комнате тяжелый, почти кристаллизованный, он струится к занавескам и окну за ними.

– Она указывает на тебя, – говорит Мерете, – я не понимаю, что она говорит. Тарабарщина какая-то или это иностранный язык.

– Фрей, – я смотрю на занавески за диваном, в точку, на которую смотрит Мерете, – это ты?

Я поднимаюсь с пола и обходом вокруг стола иду к окну.

– Пожалуйста, скажи что-нибудь. Я больше не могу ждать. Мне нужен ответ. Ты хочешь, чтобы я пришёл?

Горький вкус солёной воды во рту и глотке становится сильнее, когда я подхожу. Сквозняк со всей силой обрушивается на меня, когда я собираюсь раздвинуть занавески. Вместе с этим я слышу, как Мерете за моей спиной кричит.

Я оборачиваюсь и вижу, что её грудь с большой амплитудой поднимается и опускается, пока она глотает воздух. В её глазах чернеет страх и тело дрожит.

– Что происходит? – в отчаянии спрашиваю я, – я не понимаю, что происходит!

В следующее мгновение она снова вытягивается, выпячивает грудь и разводит руки в стороны.

– Mne hólodno.

– Что? – я кладу руки на её плечи, – что ты сказала?

– Mne hólodno! – повторяет Мерете громче и громче, – Mne hólodno! Mne hólodno! Mne hólodno!!!

Я пытаюсь закрыть её рот рукой, но она отбивается и начинает царапать и скрести у себя во рту, как будто внутри, в глотке что-то есть, что она отчаянно пытается достать. С неё стекает пот.

– Что ты делаешь?

– Тащу, – стонет Мерете.

Её взгляд погас, он пропитан страхом, и в её горле поднимается отвратительный булькающий рокот. Мерете шипит и хватает воздух ртом, как будто вот-вот задохнётся в собственной слюне.

– Хватит! – молю я, пытаюсь вытащить пальцы у неё из рта.

– Mne hólodno! Mne hólodno!!

И вдруг я вижу её. Не Фрей, а девушку без лица и челюсти, только лёгкий капюшон плоти покрывает голый позеленевший от водорослей череп. Она изворачивается и крутится в чёрной бездне наполненных страхом глаз Мерете, а та продолжает кричать.

– Я вижу её! – восклицаю я потрясённо и делаю шаткий шаг назад. – Господи, я её вижу. Там, в твоих глазах. Она там. Женщина без лица. Она там!

Внезапно крик прекращается. Мерете смотрит на меня, её взгляд наполнен страхом. Она вынимает пальцы из рта и её руки с тяжестью опускаются. Она как будто хочет что-то сказать, но вместо этого просто стоит и молчит. Её тело качает из стороны в сторону, и в следующую секунду она падает.

Голова Мерете сильно ударяется о край стола, и женщина валится на пол.

Я подползаю к ней и собираюсь положить её к себе на колени, но замечаю, что у неё что-то не так с челюстью. Я пытаюсь закрыть её рот, но нижняя челюсть снова открывается в это неестественно разинутое положение. Внезапно я замечаю порез на её коже, прямо у уха, в нём поблёскивает белая кость.

– Подожди немного, Мерете, – шепчу я и собираюсь бежать за помощью, когда раздаётся глухой стук в дверь.

Старшая медсестра отделения Сив открывает дверь и заходит вместе с молодым ассистентом.

– Что здесь случилось? Соседи звонили и жаловались на шум.

– Вызовите врача! – говорю я, а Мерете стонет от боли из-за падения,

когда я отпускаю её челюсть, чтобы подняться, – сейчас, немедленно!

– Что ты наделал? – кричит Сив, пока ассистент достаёт мобильный.

– Она упала, и челюсть вышла из сустава, – отвечаю я. Сив бежит ко мне и помогает уложить Мерете в стабильное положение на полу.

– Они сейчас придут, – говорит ассистент и кладёт мобильный в карман. Он подходит к нам и садится на колени рядом с Мерете и Сив, а я встаю и сажусь на диван, после чего достаю мобильный и набираю Харви.

Глава 35

– Харви, ты должен приехать! – кричу я, когда Харви берёт трубку, – с Мерете что-то случилось.

– С Мерете? – слышно, как он гасит мотор, и снова звучит его голос, тоном выше и резче, – в каком смысле?

– Она упала на пол в моей квартире. Мы вызвали «скорую». Они уже едут. Поспешите.

– Я как раз плыл на ферму. Не уходи, пока я не приеду, – произносит Харви, снова рычит мотор и он кладёт трубку.

Я кладу телефон на стол, сижу и смотрю на Сив и ассистента, те сидят по обе стороны от Мерете. Сив нашла плед, накрыла пострадавшую и подложила ей полотенце под голову, чтобы зафиксировать челюсть мягкой подстилкой. Выглядит так, будто её нижняя челюсть целиком вышла из сустава, когда она ударилась о край стола, так что хрящи открепились от суставной полости и теперь держатся только за кожу черепа.

Я отчётливо слышу дыхание Мерете, хрипы, булькающий гул. Как будто воздух пробивается через препятствие, когда выходит из груди, как-то неестественно подступает ко рту. Иногда она слегка постанывает, если ей приходится двигаться. Сив держит её за руку, а ассистент аккуратно гладит ее по волосам. Через десять минут мы слышим, как за окном подъезжает машина и останавливается прямо около входа, после чего в гостиную вбегает Харви с напряженным выражением лица и почерневшими от страха глазами.

Он на секунду замирает посередине гостиной, а потом опускается на колени перед Мерете и прижимается к ней.

– Как это случилось? – спрашивает он, сидя ко мне спиной, наклонившись к своей жене.

– Она проводила кристаллотерапию, – рассказываю я. – Мерете должна была помочь мне с животом, как ты предлагал, а потом она, мы, внезапно увидели что-то, человека, который...

– Сеанс? – Харви резко оборачивается ко мне. – Она проводила сеанс?

– Д-да, думаю, что так, – отвечаю я удручённо. – Прости, Харви. Я не знал, что... Она упала. Вдруг свалилась и ударилась головой о край стола.

Харви сидит и долго смотрит на меня, а затем наконец натягивает улыбку, без ямочек.

– Торкильд, расслабься, – он снова поворачивается к жене,

наклоняется над ней и шепчет:

– Всё будет хорошо. Слышишь, мы с этим справимся, дорогая.

Издали слышится гул сирены. Стоянку озаряет яркий свет. Ассистент выбегает на улицу и встречает бригаду «скорой помощи». Скоро он возвращается вместе с мужчиной и женщиной, они несут чемоданчик и носилки. Мужчина садится у изголовья.

– Челюсть вышла из сустава, – говорит Сив, – видите, вот здесь торчит хрящ, – она показывает на рану у уха, и мужчина кивает, а потом аккуратно кладёт руку на плечо Мерете:

– Эй, ты с нами? – спрашивает он и слегка сжимает её плечо.

Мерете стонет из-за прикосновения, а потом замолкает.

– Хорошо, – резюмирует мужчина и отнимает руку, а потом снова поворачивается к Сив, – как давно?

– Минут двадцать назад.

– Хорошо. И всё это время она была в сознании?

Сив бросает на меня короткий взгляд, после чего кивает.

– Ясно.

Мужчина осматривает голову и шею Мерете, а женщина проверяет её грудь, живот, предплечья, бёдра и ноги. Прикасаясь, они каждый раз спрашивают, больно ли ей, и Мерете постанывает в ответ, после чего они продолжают.

Закончив, они аккуратно накладывают компресс на рану у уха, а потом мужчина светит ей в рот, чтобы проверить, есть ли там кровотечение. В конце он проверяет её зрачки, а потом встаёт и смотрит на нас.

– Перед тем как переложить её на носилки, мы дадим ей болеутоляющее. Важно всю дорогу сохранять её в стабильном положении, проверять кровотечение во рту и следить, чтобы ничего не стекало в горло. Нам не хотелось бы проводить интубацию из-за челюсти, но надо быть готовыми это сделать, если вдруг что-то изменится.

После того как женщина вколола Мерете болеутоляющее, мужчина обращается к Сив:

– Ты медсестра?

Сив кивает.

– Ты можешь придержать челюсть, пока мы будем её перетаскивать?

Сив снова кивает.

– Хорошо.

Женщина достаёт две гладкие доски и просовывает их под туловище Мерете, чтобы можно было перетащить её на носилки одним-единственным движением.

Изо рта Мерете льётся поток тромбозной и свежей крови, когда её приподнимают. На полотенце и на полу, где лежала Мерете, осталось крупное пятно свернувшейся крови. Бригада скорой помощи договаривается с Сив, чтобы та поехала с ними в Блекёйхамн, а затем в Университетский госпиталь Трумсё на вертолёте, а её ассистент передаст остальным сотрудникам жилищного центра, что здесь случилось.

– Я позвоню в полицию, – говорит Сив и недобрым взглядом смотрит то на Харви, то на меня, – не знаю, чем этот парень... – она выпрямляет свой короткий пухлый палец и грозит мне, – здесь занимался, но он, очевидно употреблял те или иные вещества, и... и...

– Что я, по-твоему, сделал? – спрашиваю я.

– Посмотри на неё! – восклицает Сив. Ребята из «скорой помощи» тоже на мгновение замирают и смотрят на меня, – ты хочешь сказать, что она просто упала?

– Успокойся, – говорит Харви и встаёт между мной и Сив. – Это я предложил ему обратиться к Мерете. У него проблемы с животом, вот и всё.

Сив хочет что-то возразить, но вместо этого делает вдох и снова берётся за старое:

– Учитывая всё, что здесь в последнее время происходило, я всё равно туда позвоню. И, кстати, с удовольствием снова повторю и тебе, Харви: мы не можем сдавать коммунальное жильё кому угодно по собственной инициативе. Я тебе уже это объясняла. Пусть он выселяется и валит отсюда. Как можно скорее.

Сив марширует до носилок и вместе с бригадой поднимает их на нужную высоту, а потом они уходят. Когда они покидают квартиру, Харви подходит ко мне.

– Я... я, – пытаюсь я объясниться и поднимаюсь.

– Господи, ты её видел? – причитает Харви и обхватывает меня руками, растягивая мою футболку. – Ты видел, как страшно ей было?

Мне не удаётся ничего сказать, я апатично держусь в его руках и пытаюсь абстрагироваться от того, что сейчас произошло. Харви, наконец, меня отпускает и остаётся стоять, слегка покачиваясь.

– Они мне только что звонили, – он хрипит и говорит почти шёпотом.

– Кто?

– Отделение полиции Трумсё. Они хотят, чтобы я приехал завтра утром. Сначала они спросили, мог бы я приехать сегодня вечером, но я перенёс на завтра.

– Вот как, – бормочу я и вытираю лицо предплечьем.

– Они хотели узнать про тебя, Торкильд. О том, когда ты приехал, где жил, каким показался мне, когда я отвозил тебя на остров.

– То есть они следуют сценарию, в котором Бьёрканг и Арнт приехали на маяк в тот вечер, когда я был там, – рассуждаю я, – а потом с ними что-то случилось.

– Чёрт побери, – рычит Харви.

– Да, не так ли...

– Слушай, – говорит он. Слышно, как снаружи хрустит гравий, пока они везут носилки с Мерете к стоянке с машиной «скорой помощи», – я думал ничего не говорить, но теперь, кажется, стоит.

– Что такое?

– Сейчас, когда ты позвонил мне, я был на пути к ферме. До маяка было меньше километра, – он мнётся, – в общем, когда я проезжал остров на обратном пути, я кое-что увидел.

– Что?

– Силуэт. А может, и два, не уверен. Было так темно, и я был далековато. Но она сидела...

– Она? – мне приходится сильно сдерживаться, чтобы меня не затрясло.

– Не знаю, кто это, но там была женщина, в этом я уверен. Я не увидел лица, только волосы, развевающиеся на ветру. Я увидел её только на короткое мгновение, а потом лодка повернулась под таким углом, что она скрылась за сараем. Я не уверен даже, что это была женщина, а не просто гора мусора у стены, но дверь в сарай была открыта, и у меня возникло это жгучее ощущение, когда я смотрел туда, что там кто-то стоял. Кто-то скрывался там внутри, в темноте, и ждал, пока я проеду.

Слышно, как захлопывается дверь скорой, после чего гаснут огни, светившие в окна гостиной, и им на смену снова приходит тёмно-синяя вечерняя мгла.

– Мне надо ехать, – говорит Харви, смотря вслед машине. Как будто темнота за окном его пробудила и напомнила о неотложных делах, – надо забрать сына и ехать за ней.

...Харви уходит, не оборачиваясь. Он быстро шагает по стоянке и садится в пикап. Когда машина уезжает, я раздвигаю занавески и впускаю в комнату вечернюю темноту. Я стою и думаю о том, как быстро всё может пойти наперекосяк, если ехать не той дорогой, будь это вечер на кухне с любимой, допрос или вся жизнь целиком: едешь и едешь к собственной кончине, не имея возможности нажать на тормоза или изменить курс.

– На этот раз всё и вправду летит ко всем чертям, – обращаюсь я к

снежинкам, которые витают в свете фонаря над стоянкой. Где-то далеко, у маяка, кружится стая птиц в просвете между облаками, и тонкая полоска лунного света пробивается сквозь эту брешь и озаряет остров. Внезапно я замечаю свет в одном из окон главного корпуса, прямоугольный луч маяка среди всей этой тьмы и холода.

– Харви прав, – я прижимаюсь лицом к стеклу, – она ждёт меня там. Пора отсюда выбираться.

Глава 36

Я едва дышу, когда дохожу до своей машины на стоянке. Я подъезжаю к сараям на берегу залива и паркуюсь там, где стояли шериф с сержантом, когда я впервые сюда приехал, чтобы осмотреть лодку Расмуса в сарае Харви. Припарковавшись, я выпрыгиваю из автомобиля и зигзагом мчусь по торфяникам и гальке к покосившейся от ветра рыбной сушильне.

Птицы в небе напоминают кукол из теневого театра, они падают и поднимаются, медленно и плавно, почти не размахивая крыльями, парят над сторожкой маяка. Кроме того, я вижу птиц и вокруг маяка, чёрных с белыми шеями, они дрейфуют на волнах вокруг скал, похожие на китайские фонарики.

Сарай разделён на две части: в глубине расположена кладовая, в которой лежат разнообразные снасти, зелёные стеклянные бусины, бадьи и коробки, а на стене висит пластиковый ялик. Он прикреплён двумя крюками, за заднюю и переднюю части. Ялик такой маленький и лёгкий, что мне удаётся его поднять и без проблем спустить на воду.

Я покидаю землю и поднимаюсь на борт. Остров ясными серебряными переливами омывают волны. Птицы выстроились веером, а маяк и прочие постройки озарило ярким лучом света, пробившегося сквозь облака: ось связала две точки синхронного вращения.

– Это мы, Фрей, – всхлипываю я судорожно, и по моему лицу катятся слёзы, – это мы.

Спину ломит, когда я наконец добираюсь до обломков причала. Я бросаю сумку на берег, а потом, скользя, выбираюсь из ялика и встаю на камень. Я бегу к лодочному сараю и открываю дверь: там никого нет, и я иду дальше. У подножия каменной лестницы я останавливаюсь и оглядываю маяк. Холодные серебристые лучи луны подсвечивают конструкцию. Я делаю глубокий вдох и бегу дальше.

Редкие дождевые капли и влажный морской ветер бьют в лицо, но куртку я не застёгиваю и неправляю футболку в штаны. Дверь в главный корпус замотана красно-белой оградительной лентой. Оказавшись внутри, я сразу бегу в бар.

– Чёрт, чёрт, чёрт! – выругиваюсь я и останавливаюсь у барной стойки. В комнате слегка пахнет луком, этого запаха здесь раньше не было, но откуда-то он мне знаком. Окна затянуты чёрными полиэтиленовыми пакетами, все, кроме одного. Посередине стоит горящий прожектор,

направленный в непокрытое окно. Я подхожу и открываю его. Снаружи совсем темно. Просвет в облаках теперь пропал.

– Слишком поздно, – с отдышкой говорю я.

Я стою и несколько минут смотрю на облачный покров над головой, ожидая, надеясь, что просвет снова появится, но ничего не происходит, на смену облакам приходят другие, ещё темнее, нет луны, нет света, нету Фрей. Только непроглядная чёрная преграда, через которую никому не перейти. Я закрываю окно и выхожу из бара.

Я чувствую, что пришло время снова попробовать избавиться от того, что, как кирпич, застряло в области диафрагмы, и направляюсь к танцплощадке, где согласно указателю должен находиться туалет.

Дверь в подвал закрывает висячий замок, а у меня нет ключа. Я поворачиваюсь и трусцой бегу обратно по лестнице в фойе, затем поднимаюсь на этаж выше. Воздух здесь тяжёлый и влажный, в нём какой-то странный привкус кислого запаха горелой древесины и сырой одежды.

Я подхожу к одной из приоткрытых дверей. Комната находится в том крыле здания, которое, видимо, сильнее всего пострадало от пожара. Потолок и стены голые как в самой комнате, так и в совмещённой с ней ванной, в которой нет ни душевой, ни туалета. На полу лежит несколько инструментов вместе с прожектором, а еще рулоны изоляционного материала. Эта комната – единственная на этаже, которую Расмус успел начать ремонтировать. Всё остальное осталось нетронутым с восьмидесятых.

В следующей комнате полно мебели. Старые раздвижные диван-кровати сложены друг на друга у внешней стены со всякими шкафами и полками. Стены в саже, ковёр запылён и выжжен пятнами овальной формы вплоть до плитки.

Я закрываю дверь и через лестничный пролёт перехожу в коридор с противоположной стороны. На двери первой комнаты, в которую я захожу, висит табличка, которая гласит, что это «Общая комната 1». Занавески свалились на пол. Подоконники усеяны мёртвыми насекомыми, попавшими в бесчисленные паучьи сети. Стулья расставлены вокруг стола в форме подковы, на столе стоит старый компьютер, а рядом на полу лежит руководство пользователя для текстового редактора WordPerfect.

За следующей дверью я обнаруживаю спортзал с велотренажёрами, перекладинами, штангами и зеркалами на стенах. Одного из креплений недостаёт, поэтому в наружной стене зияет дырка. Чуть поодаль на полу лежит мёртвая птица. Я захожу внутрь, направляюсь к двери у стены.

Передо мной оказывается крошечный туалет со скромным

умывальником. Я снимаю штаны и сажусь на сиденье. По коже проходит дрожь, когда она соприкасается с холодной поверхностью. Я всё равно остаюсь сидеть и закрываю дверь так, чтобы между ней и косяком осталась щёлочка для света. Я придерживаю дверь рукой, пытаюсь расслабить мышцы и позволить силе тяжести выполнить ту работу, для которой она предназначена.

Ничего не происходит. В конце концов мне надоедает сидеть и тужиться, в то время как ветер дует сквозь щели, а ягодицы сводит от холода.

– Чёртово дерьмо, – рычу я и натягиваю штаны. Я распахиваю дверь, выхожу из комнаты и иду к лестнице, ведущей вниз. Пришло время сделать то, ради чего я сюда приехал.

Вернувшись в бар, я подхожу к стеклянным полкам за стойкой и на одной из них нахожу полбутылки «Смирнофф». Я достаю блистер и несколько упаковок с таблетками, наполняю руку капсулами различных цветов и форм.

– Надеюсь, мне этого хватит, – шепчу я сам себе и глотаю, запивая горьким обжигающим рот напитком из бутылки.

В какой-то момент я замечаю у стены мусорный пакет и картонную коробку, которых раньше не видел. Я подхожу и открываю его. Внутри лежат использованные латексные перчатки и пустые флаконы, в которых, судя по запаху, был налит люминол.

Люминол – это люминесцирующий реагент, который смешивают с водой и распыляют, чтобы с помощью ультрафиолетовой лампы найти кровяные пятна – вот зачем окна закрыли пакетами. Железо в крови катализирует голубоватую реакцию свечения, которая позволяет найти даже малейшие следы крови, в том числе и те, которые пытались смыть с помощью химии.

Я выискиваю нужный номер на телефоне и нажимаю на зелёную клавишу с телефонной трубкой на экране.

– Гюннар Уре, – говорит голос на другом конце трубки, в нём звучит одновременно любопытство и раздражение.

– Это я.

– Торкильд? Что за... Семь часов назад я чётко и ясно сказал тебе держаться...

– Зачем вы решили провести осмотр места преступления на острове?

– Что?

– Вы провели осмотр места преступления, – повторяю я, – зачем?

– Мы? Я теперь в Дельте, не помнишь, что ли? Или ты настолько

глубоко погряз в своих поганных бреднях, что уже забыл? Я не занимаюсь технической работой.

– Но ты же знаешь.

На секунду повисает пауза. Я слышу, как Гюннар Уре набирает воздух, потом выдыхает. И снова наполняет лёгкие.

– Отделение полиции Трумсё отправило запрос в отдел по борьбе с организованной преступностью, и им рекомендовали провести осмотр на острове в связи с пропажей полицейских, вот и всё.

– Зачем?

– Может, ты сам додумаешься?

– Так всё-таки ты в деле, – констатирую я, скорее для себя, но Гюннар Уре меня перебивает:

– Ну, давай же. Проснись, дружище. А как ты думал? Двое пропавших полицейских, один гражданский, а теперь ещё и ты, бегаешь кругами и говоришь о морских чудищах, похитителях трупов и женщинах без лиц. Чёрт, мужик! Это же бомба с обратным отсчётом. Потенциальная сенсация в прессе, грандиозный провал с твоим именем прямо посередине. Кому, потвоему, они будут звонить, когда возникает имя Торкильд Аске, а пальцы тянутся к тревожной кнопке?

Я сижу и долгое время сжимаю телефон в руках, после чего вытираю сопли и слёзы и шепчу в трубку:

– Почему вы думаете, что двое пропавших полицейских пристали к острову в ту же ночь, когда они пропали?

– Ну ладно тебе, Торкильд. Чего ты от меня хочешь?

Я вглядываюсь в полутьму перед собой и силой выпиваю ещё глоток спирта.

– Вы нашли кровь, так?

Гюннар уже было открывает рот, но осекается.

– Где? – продолжаю я.

Снова молчание.

– Ну же, где? – я спрыгиваю с барной стойки и начинаю бродить в полутьме, – место нахождения крови даёт какие-то ответы? Поэтому ты не можешь мне сказать?

– Люминол дал результаты в баре в главном корпусе, – наконец отвечает Гюннар.

– Следы борьбы?

– Нет. Следы переноски между плитками в зоне отдыха.

Следы борьбы означают, что человек был убит или, по крайней мере, ему нанесли серьёзные увечья, а следы переноски свидетельствуют только

о том, что у человека здесь текла кровь. Я подхожу к велюровому дивану и сажусь на колени. Пол скользкий и холодный, как будто только вымытый.

– Вы знаете, чья это кровь?

– Нет.

– Тогда что заставляет вас думать, что это кровь Бьёрканга или сержанта?

– Мы ожидаем результатов анализов.

– То есть ты хочешь сказать, что в данный момент вы считаете, исключительно опираясь на интуицию, что это кровь Бьёрканга или сержанта, и не Расмуса или женщины без лица? Или вообще кого-то другого, раз уж на то пошло. Вот как вы теперь работаете? Ну же, Гюннар. Вы что-то нашли. Что-то, принадлежащее одному из полицейских, и на этом предмете пятна крови. Так?

– Как я и говорил, – Гюннар Уре слегка повышает голос, не теряя самообладания, – мы ожидаем результата...

– Я сегодня видел призрака, – перебиваю я, не дав ему закончить эту чёртову мантру власти. Я знаю, что он лжёт, и не имею ни малейшего желания, чтобы наш последний разговор проходил на его условиях.

– Серьёзно? Да ты шутишь, Торкильд. Призраки, вот до чего мы докатились?

– Я видел её в глазах другой женщины. Это была она. Женщина без лица. Та, которую я нашёл на маяке и на которую, кажется, всем плевать.

– Ну, как и было сказано, – его голос стал жёстче, темп речи ускорился, – в отделении нет ни одного человека, который считал бы, что она вообще существует. Все, между прочим, крайне злы на тебя за то, что ты бросаешь обвинения в адрес двух уважаемых сотрудников, которые пропали. Ниже некуда, даже для тебя.

– А ты, – шепчу я, – что думаешь ты?

– Я? Ну, это я могу тебе рассказать, Торкильд. Я думаю, что ты – сломанная машина, которая должна свалить отсюда, пока снова не упадёшь, да так, что больше не соберёшься.

– Шалтай-Болтай сидел на стене. Шалтай-Болтай свалился во сне.

– Да, именно, – отвечает Гюннар Уре, не подав виду, что аналогия показалась ему забавной.

– Вся королевская конница, вся королевская рать...

– Боже мой, дружище! Возьми себя, чёрт подери, в руки.

– Так какова ваша теория? Какой вы строите сценарий?

– Ты знаешь, что я не могу...

– Хорошо, какова, по их мнению, моя роль во всём этом? Ты можешь

хотя бы это мне рассказать?

Гюннар Уре хрипло смеётся.

– Расслабься, Торкильд. Ты не из таких, то же самое я уже сказал Свердрюпу, когда мы впервые говорили с ним по телефону. Несмотря на то что произошло с тобой и той девушкой на шоссе у аэропорта. Ты перелётная птица, тот, кто сразу сдаётся в трудных ситуациях. Я сказал ему, что чем быстрее тебя выведут из дела, тем лучше для всех, – он делает заминку, – ты тот, кто всегда выбирает простое решение, когда игра идёт против тебя, и на этот раз ты просто был не на том острове не в то время, вот и всё.

– Что, чёрт возьми, ты под этим имеешь в виду? – ушиб в районе диафрагмы внезапно даёт о себе знать, и я сжимаю зубы, ожидая, пока не пройдёт болевой позыв.

– Ты знаешь, что я имею в виду.

– Моя скромная попытка задним числом выйти по УДО?

– Если хочешь.

– Я не рассказывал тебе, что случилось в душевой, – провоцирую я, – хочешь узнать?

– Нет, – отвечает Гюннар Уре хмуро, – оставь для того, кому до этого есть дело. Просто убирайся отсюда к чёртовой... – вдруг он замолкает, – ты сказал «здесь».

– А?

– Ты сказал «здесь», только что, когда говорил об осмотре места происшествия. Ты сейчас на острове, так?

Теперь мой черёд не отвечать.

– Господи, Торкильд.

Я слышу, как на другом конце трубки начинается буря, но это не играет никакой роли. Наконец-то я ощущаю эффект от таблеток и алкоголя, он разливается сильными волнами по глубоким долинам.

– Скоро время истечёт, – шепчу я и зажимаю бутылку «Смирнофф» рукой, после чего располагаюсь на полу у коробок с лампами из муранского стекла и закрываю глаза.

– Разве я не говорил тебе, что ни под каким предлогом нельзя...

– Извините, шеф, – щебечу я, как умею, – как ты говорил сам, я перелётная птица, и теперь мне пора лететь дальше. Кар-р-р! Кар-р-р!

Глава 37

Не знаю, сколько я просидел после разговора с Гюннармом Уре. Внезапно показалось, что я снова на сеансе. Я вдруг понимаю, что где-то звучит музыка, звуки драм-машин и синтезаторов из восьмидесятых скрежещут и режут слух. Как будто я проснулся, а тут идет праздник.

Я ставлю бутылку «Смирнофф» на пол. Она опрокидывается и катится. Шея онемела и болит, когда я поднимаю голову и открываю глаза. В баре темно и холодно, ещё темнее и холоднее, чем в первый раз, когда я сюда пришёл.

Я поднимаюсь и следую за музыкой в прихожую, там она звучит громче. Я стою у спуска в подвал с запертой на замок танцплощадкой, и тут страстный женский голос затягивает претенциозные строки песни в стиле синти-поп: *«I feel the night explode when we're together. Emotion overload in the heat of pleasure»*^[21].

Я по лестнице спускаюсь к подвалу: герметичная дверь, которая раньше была заперта, сейчас наполовину открыта. Внутри можно разглядеть контуры жёлтых, зелёных и голубых лучей, падающих на стену. На стене симметричным рядом развешены стеклянные полки, на них расположены белые бляшки, но что на них написано, мне разглядеть не удаётся, как и содержимое самих полок.

«Take me I'm yours. Into your arms. Never let me go. Tonight I really need to know»^[22], – продолжает петь девушка, когда я протискиваюсь в дверь и захожу в раздевалку с противоположной стороны, где расположена двойная дверь. Слева к стене прибиты пустые крючки, справа – двери женского и мужского туалетов. Воздух тяжёлый, застоявшийся, всё, что здесь есть, кажется, не двигалось с места с тех пор, как яппи из 80-х перестали танцевать здесь почти тридцать лет назад.

Я подхожу к ближайшей полке, намертво прикрученной к бетонной стене на уровне головы, а драм-машины уже подбираются к припеву: *«Tell it to my heart. Tell me I'm the only one. Is this really love or just a game?»*^[23]

В стеклянном футляре хранится птичье гнездо. Тонкоклювая кайра (*Uria aalge*) – написано на бляшке над витриной. Два яйца лежат на голом камне. Они тёмно-зелёного цвета, с множеством неравномерных тёмных точек на скорлупе. По соседству висит витрина с двумя серо-белыми яйцами гагарки, помещёнными в разломе камня, они покрыты чёрно-коричневыми точками.

Я иду вдоль стены мимо гнёзд других птиц, направляясь к дискотеке. Пол здесь шахматный, как и в гардеробе. А остальные элементы интерьера сделаны из стали и стекла, стены и потолок окрашены в пастельные тона.

В зале крутится диско-шар, вращается в такт музыке, которая теперь сменилась на классическую мелодию. Ее я смутно помню еще с детства. На полу, с обеих сторон от диджейского пульта, стоят две дым-машины, которые периодически выпускают ворсистые облака дыма над пустым танцполом, а мужской голос поёт: «*Never gonna give you up, never gonna let you down. Never gonna run around and desert you*»^[24].

Акустика и дым от дым-машины создают особую, очень странную обстановку, в особенности курсирующие между кабинками и танцполом облака старой пыли.

К диджейскому пультау подключен стробоскоп, который посылает пульсирующие волны высокочастотного света на площадку, на которой эти волны делятся на фракции поменьше и напоминают маленькие гроззовые облака.

– Что это, чёрт возьми, за место? – бормочу я и поднимаю перед собой руку, наблюдая за тем, как она двигается: рывками, механически. Я как будто брожу в одном из своих медикаментозных видений, в которых всё плывёт.

Вдруг я прерываю движение одновременно с тем, как новая порция дыма поднимается с танцпола. Пылевые частицы выются и кружатся вокруг меня, как северное сияние на небосводе. Внезапно я замечаю что-то в глубине комнаты. Что-то, чего там быть не должно.

Глава 38

Из-за таблеток и алкоголя кажется, что тело отсоединилось от разума, существует само по себе: я будто плыву по полу в сторону женщины, которая сидит, прислонившись к стене, в ближайшей ко мне кабинке, рядом с аварийным выходом.

Но я знаю, что это не окончательный эффект, если случилось то, что должно было случиться. Никакие ржавые трубы или прочий никчёмный реквизит не смогут предотвратить драматический финал этой пьесы.

На столе перед женщиной горят две свечи в банках из-под варенья. Она опёрлась о руку, как будто спит, а может, просто закрылась от шума музыки, дыма и мерцающего света.

Женщина без лица всё ещё одета в ту самую ночную рубашку с футболкой под ней – как и в прошлый раз. Её тело и голова серы и покрыты тонким слоем пепла, что делает её похожей на мумию, каких показывают в документальных фильмах про Помпеи и другие подобные места.

Свечи в банке почти догорели, и когда я подхожу совсем близко к столу, они гаснут. Струйки дыма поднимаются над банками и овевают моё лицо, как стая светлячков, а потом растворяются и исчезают.

– Ты кого-то ждёшь?

Она молчит, а я с тяжестью опускаюсь на диван с противоположной стороны стола и устраиваюсь поудобнее. Стены влажные и холодные, как будто этот дом находится на морском дне, и ледяная морская вода бьётся о бетонные стены.

Я наклоняюсь к ней и аккуратно провожу по её густым салатовым волосам, падающим на лицо. Они холодные и жёсткие, и когда по ним проводишь, потрескивают так же, как промёрзшая одежда. Смахнув с нее пыль, я обнаруживаю скользкую прозрачную оболочку, покрывающую её тело. Это лед. Она замёрзла насквозь, как рыбина или кусок мяса, который только что достали из морозилки.

– Что ты здесь делаешь? – Я снова наклоняюсь над столом и аккуратно соскребаю пыль с промёрзшего трупа. Похоже на то, как стряхивают сажу со старого снеговика, грязь соскальзывает, а под ней – серо-чёрные следы на белесом льду, там, где тела коснулась моя рука. Под пылью мне открывается сине-лиловая кожа, покрытая бронзовыми пятнами.

Я провожу ладонями по столу между нами, сметаю десятилетние слои пыли и грязи, чтобы разглядеть стекло под ними. Кажется, что я нахожусь в

зоне, отведённой для умерших и умирающих, перевалочный пункт, где и я, и женщина без лица, оба ждём отправки дальше, из одного состояния в другое.

Музыка резко затихает, система, кажется, уже достаточно потрудилась, и в комнате воцаряется жуткая тишина. Её нарушает только шум мотора, вращающего диско-шар на потолке, и редкие скрипучие звуки дым-машины на последнем издыхании.

– Может быть, где-то произошла ошибка? – я вожу рукавом куртки по столу, пока он не становится достаточно чистым. – Перекрёстная связь между тобой и ею?

Я вытряхиваю карманы и коробки в поисках упаковок таблеток, достаю нужные и кладу их на стол.

– Понимаешь, я должен был встретиться здесь с другой.

Я расставляю таблетки и пилюли рядами, чтобы в итоге из них получилось слово «ФРЕЙ». Я пальцем указываю на четыре таблеточные буквы и поднимаю взгляд на ледяную женщину передо мной:

– Она, – я оглядываюсь, улыбаясь, – это для нас с нею устроен этот праздник.

В комнате уже не так пыльно, как при включённой музыке. Я хватаю пару таблеток, образовывавших стержень буквы Ф, и заглатываю их слюной, которую собираю со слизистой оболочки щёк. Я собрался было проглотить ещё, но внезапно снова включается музыка. Скрипящий вой доносится из колонок, когда вступают гулкие барабаны и глубокий мужской голос, он поёт: *«Ooh, give you up, oh, give you up. Oh, never gonna give, never gonna give»*^[25].

Пыль снова начинает парить и виться в такт гулу из колонок. Я достаю мобильный и набираю последний номер. Остался ещё один человек, с которым мне надо поговорить, прежде чем отправляться в путь:

– Торкильд? – голос Лиз мягкий, тёплый и как всегда с оттенком двойственного ожидания того, какой именно Торкильд на этот раз будет с нею говорить.

– Привет, Лиз, – бормочу я, пытаюсь отряхнуть пыль со рта.

– Где ты?

– На дискотеке, – всхлипываю я и хватаю ещё таблетки со стола.

– Что-что?

– Я на дискотеке, – спокойно отвечаю я, глядя на диско-шар. Он скрипит и всё крутится и крутится. В дым-машине, кажется, закончился дым, она разве что изредка покашливает, извергая после этого серые облака пыли. Они ложатся на пол, а потом оседают на горы всякого старого

дерьма. – На маяке.

– Но... но?

– Кто-то устроил для нас праздник.

– Для кого? – напряжённо спрашивает она, – не понимаю.

– Праздник для мёртвых, – я глотаю остатки буквы Ф и букву Р целиком, – и для тех, кто скоро пойдёт следом.

Я наполняю рот новыми личинками, окидываю взгляд сюрреалистичный танцпол, задрапированный пылью и мигающим светом.

– Ты на меня злишься?

– Нет, Лиз. Я не злюсь.

Тело больше не болит, а внутри какое-то странное чувство, такое же, как когда я был на борту самолёта, который должен был доставить меня в США. Всего пару дней спустя мы с Анн-Мари отправили формуляры с просьбой расторгнуть наш брак раз и навсегда.

Ни посредники, ни время разлуки не помогли, ничто не могло помочь, мы уже давно это понимали. Единственным выходом было увеличить расстояние между нами. Когда я сидел и смотрел, как самолёт входит в облака и в конце концов вылетает с другой стороны, я осознал, что прошлый Торкильд больше никогда не покинет этот самолёт, когда мы приземлимся в международном аэропорту Майами через одиннадцать с половиной часов. Ровно так же, как это был новый Торкильд, когда его вытаскивали из душевых в подвале ставангерской тюрьмы полутора годами ранее, и ещё один новый Торкильд, который вышел из тюрьмы почти неделю назад.

В общем-то Торкильдов было много. Слишком много. И до этого тоже, начиная с момента, как мы покинули дом в Исландии и переехали в Норвегию, в Осло, с мамой и Лиз, давным-давно. Но этот раз последний. Время Торкильда истекло.

– Я рассказывал тебе про трубу? – пыль летает по комнате, от пола до потолка, от неё чешутся глаза и нос. На диафрагму будто давит кирпич, не желая двигаться с места.

– Нет, – шепчет она, – ты ничего не рассказывал о том, что случилось в тюрьме.

Я наклоняю голов набок, чтобы сидеть в полуприподнятом положении, повернув голову к стене и к женщине с другой стороны стола.

– Ну, тогда пришло время, – бормочу я и закрываю глаза, – пока не закрылись двери и оркестр не уехал домой.

Глава 39

Ставангерская тюрьма, 13 февраля 2012 г.

Роберт, любовник Арне Вильмюра и партнёр по танцам Фрей, которого я встретил на танцевальном кружке в Сёльберге, послал мне письмо, в котором просил о встрече со мной после того, как я оказался в заключении. Я видел его в машине на стоянке вместе с Арне в тот день, когда он приехал. Они целовались и долгое время сидели в обнимку, а потом он вышел из машины.

В ставангерской тюрьме четыре комнаты для визитов. У нас в корпусе «Север» – так назывался корпус для групповых камер, было девятнадцать человек. Три из четырёх комнат для визитов были заняты, потому что дело было в зимние каникулы. Единственная свободная была предназначена для встреч с семьёй. На стенах были детские рисунки, на полу стояли икеевские коробки с игрушками и небольшой детский стол для рисования. На кожаном диване сидели два плюшевых Винни-Пуха, откинувшись каждый в свою сторону в ожидании объятий.

– Ты готов? – спросил меня соцработник, когда мы уже стояли у дверного проёма, заглядывая внутрь. С противоположной стороны я увидел Роберта, его сопровождал в комнату сотрудник тюрьмы. Он сложил руки перед собой и шёл, опустив голову, как будто его только что приговорили к сроку, и он готовился впервые встретиться с другими заключёнными.

– У вас полчаса, – сообщил соцработник, – потом придёт мама с маленьким мальчиком, он впервые встретится со своим отцом. Мы зарезервировали семейную комнату для них на остаток дня.

– Хорошо, – ответил я и взглянул на детский уголок: на полу под столом лежал сине-жёлтый матрас, там стояли принадлежности для рисования и коробки с игрушками. На матрасе был рисунок с двумя жирафами, они ели яблоки с неестественно высокой яблони.

– Подожди здесь, – сказал соцработник и закрыл дверь, когда Роберт и другой сотрудник уже вплотную подошли к двери.

Я подошёл к дивану и уселся рядом с одним из плюшевых медведей. Через секунду сотрудник открыл дверь и впустил Роберта:

– Ну, хорошо, ребята. У вас полчаса. Жду снаружи.

Роберт на секунду остановился посередине комнаты, когда за ним закрылась дверь. Он был одет так же, как и в прошлую нашу встречу,

костюмные брюки, белая рубашка и шарф под паркой. Разве что черты его лица теперь, когда он был так близко, казались грубее, чем раньше.

– Не вставай, – сказал он, когда я собирался подняться. Он развязал свой шарф, снял его и положил на стол для рисования вместе с курткой. Он провёл руками по своим густым чёрным волосам и сел с противоположной стороны дивана. Почему-то он не решился переставить медведя на холодный пол и в итоге взял его на колени.

– Мы, в общем-то, так и не поздоровались, – сказал он, но руку протягивать для приветствия не стал.

– Да, – ответил я, – мы виделись в тот раз на танцах, вот и всё. Чего ты хочешь?

Роберт молча кивнул, не отвечая на вопрос. В его письме значилось только, что ему есть, что мне рассказать, есть что-то, о чём мы должны поговорить. После несчастного случая я вернулся в Берген, в свою квартиру, где просидел вплоть до судебного заседания. Меня сняли с должности в спецотделе, когда результаты анализа крови были готовы. Единственным, кто со мной тогда связывался, был мой шеф, Гюннар Уре. Он звонил с просьбой держаться подальше от офиса и коллег, а также не общаться с прессой, после чего пожелал мне сдохнуть в канаве.

– Как твоё... – он всхлипнул, прежде чем продолжить, – как лицо?

Инстинктивно я коснулся рукой красного шрама в форме полумесяца под ухом. Палец скользил по щеке там, где кожа образовала трещину в форме звезды, надавливая на слёзные каналы под ней.

– Заживает, – ответил я и одёрнул палец, когда заметил его хаотические движения.

– Заживает, угу, – он сменил тему: – Мы похоронили Фрей дома, в Танангере, – он сидел по диагонали ко мне, с другой стороны дивана, слегка нагнувшись вперёд. – Можешь туда съездить, когда выйдешь, если захочешь. Арне и другие родственники не против.

– Спасибо, – я пальцами вцепился в ухо медведя.

– Её родители уехали. Арне сидит в машине на улице, он с тобой говорить не хочет.

Я кивнул, не выпуская из рук ухо медведя.

– Это я дал Фрей таблетку ГГБ^[26], – Роберт сжал руками живот медведя на коленях, – поэтому я и хотел с тобой поговорить. Чтобы тебе рассказать.

– Зачем? – холодно спросил я.

Роберт недоумевающе посмотрел на меня.

– Ты разве не знаешь? Серьезно? – он покачал головой. – Нет, –

продолжил он, – думаю, знаешь.

Я пожал плечами, не выпуская медвежьего уха.

– Это что-то меняет?

– Нет, наверное, нет, – какое-то время Роберт молча смотрит на меня, – вот для чего я приехал. Чтобы тебе рассказать.

– А ты рассказал это своему любовнику в автомобиле и её родителям?

– Они знают, – отвечает он с этой странной улыбкой на губах, чем-то средним между улыбкой и гримасой:

– Ты знал, что у неё был парень? – продолжил Роберт – Один... полицейский из ставангерского отделения?

Я снова пожал плечами. Я почувствовал, что мне становится холодно. Как будто что-то застряло в районе диафрагмы.

– Симон Бергелан, – наконец ответил я.

– Да, точно. Полицейский, по делу которого ты сюда и приехал. Вор с полицейским образованием, насильник, а когда ты приехал в город, он повёл себя просто как последний подонок.

Я продолжал мять медвежье ухо. Я не мог ничего сказать, просто сидел, а мои внутренности извивались, как змеи в своём логове.

– Зачем? – повторяю я.

– Что зачем, Торкильд? – лёгкую улыбку Роберта сменило выражение отвращения и презрения, не ко мне, к нам обоим, к тому, что мы оба здесь сидим, живые, а холодная Фрей лежит в гробу где-то в Танангере. Они прижался подбородком к голове своего медведя, прикусив нижнюю губу.

– Зачем она это сделала?

– Сначала ей просто было интересно, кто ты. Думаю, ещё ей хотелось узнать про Симона, про том, чем он на самом деле занимается. Через день после того, как вы встречались в кафе «Стинг», Фрей пришла ко мне и спросила, могу ли я достать ей ГГБ.

– Каков был план?

– План-план, – вздохнул Роберт. – Я не знаю всего и не хотел знать, но вы с Фрей должны были проехать мимо полицейского поста, наглотавшись ГГБ, а Симон как минимум получил бы отсрочку, а может, его бы и уволили, кто знает.

– Полицейский пост, – внезапно я снова ощутил во рту этот кислоторький вкус сидра, – что, правда? – продолжил я и попытался сглотнуть. – Оригинально.

– Симон прислал ей смс, что в тот вечер должны были выставить пост на дороге в Танангер, и попросил её проследить, чтобы ты проехал мимо него под веществами. Она рассказала мне это, когда я пришёл с бутылкой

сидра. Господи, – причитает он и закрывает лицо руками, – ты не представляешь, как сильно я сожалею, что вообще решился...

– На дороге в Танангер? – я на секунду остановился, чтобы приподняться, – в каком смысле?

– Полицейский пост, – отвечает Роберт и снова смотрит на меня с лёгкой улыбкой, – он стоял на подъезде в Танангер.

– Нет, – прошептал я и затряс головой. – Нет, нет, нет!

Я посмотрел на Роберта, изо всех сил сдерживая то, что во мне разгоралось.

– Ты ошибаешься. Это не могло случиться на танангерской дороге. Это...

– Нет, Торкильд, – Роберт спокойно сидел и смотрел на меня сквозь уши огромного плюшевого медведя, – я не ошибаюсь.

Он поставил медведя на пол и подошёл ко мне.

– Но вы не поехали в Танангер, – сказал он и положил мне руку на плечо, – или как?

Я не ответил. Моё тело казалось мне охладевшим и прозрачным. Всё замерло, даже малейшее движение приносило боль. Это была какая-то новая боль, которой, мне казалось, не существует. Боль, которая не уходит, которая никогда не уйдёт. Роберт хотел сказать что-то ещё, но в дверь постучали. Один из полицейских просунул голову в проём и сказал:

– Время скоро выйдет, ребята.

Я сидел, не двигая ни одной мышцей. Роберт поднялся и надел куртку с шарфом.

– Думаю, мы всё сказали друг другу, – он сам себе кивнул, застёгивая молнию на куртке, – не согласен?

Он развернулся к двери, у которой уже стоял соцработник, а потом снова повернулся ко мне.

– Адъё, Торкильд. Не думаю, что нам стоит встречаться ещё.

И он ушёл.

Когда соцработник отвёл меня обратно в камеру, я взял полотенце с косметичкой и направился в спортзал.

– Как ты могла? – шептал я сам себе, спешно обходя двух мужчин, которые натягивали волейбольную сетку. – Как ты могла так поступить со мной?

Я остановился у одного из шкафов и достал скакалку, а потом пошёл к раздевалке и душевым с противоположной стороны.

В раздевалке было пусто. Серое облако пара сочилось из-под двери в

душевую, на полу между скамейками виднелись лужи.

Потоки воды сбегали по кирпичным стенам, а тяжёлый пар поднимался к потолку, на котором располагались трубы, ведущие от душей к противоположной стене. Я подошёл к двери, оставив её открытой на щёлочку, и посмотрел наружу. Двое мужчин в спортзале уже ушли, и лампы на потолке погасли. Я закрыл дверь и притащил одну из скамеек в душевую.

Как только скамейка стояла на месте, я открыл сразу все души, включив самую горячую воду. Я запрыгнул на скамейку и набросил скакалку на толстую трубу, привинченную к потолку. После этого я повторил процедуру дважды, а затем связал на обратном конце удавку.

Я спрыгнул со скамейки и подошёл к душам с правой стороны, потому что они автоматически отключались через минуту, и включил их снова. Старые души с другой стороны не имели этой функции, и из них продолжала литься горячая вода, хлеща по каменному полу, а пар становился всё гуще.

Я снова запрыгнул на скамейку, схватил петлю двумя руками и надел её на шею. Звук воды, грохавшейся об пол и скатывающейся в ржавые канализационные люки по обе стороны от меня, был оглушителен. Пар въедался в кожу, сдерживая леденящее чувство внутри меня. Конденсат покрыл поры, отгородив от страдания, аморфной боли у меня внутри. Я обхватил скакалку над петлёй обеими руками, зажал край скамейки пальцами ног и толкнул её.

– Вот, Торкильд, – думал я, когда голову потянуло вниз, и верёвка обхватила шею, – самое худшее уже пройдено.

Тело медленно извивалось круговыми движениями, а ноги судорожно бились в конвульсиях. Души с правой стороны отключились. Я вдруг понял: жаль, что они не могли быть вместе до конца. Внезапно сквозь пар я разглядел часы в раздевалке. Металлический диск с толстыми стрелками. Три минуты шестого.

– Почему мы в тот вечер не поехали в Танангер, Фрей? О господи, почему мы просто не могли поехать в Танангер...

Глава 40

– Она тебя использовала.

Голос Лиз возвращает меня к реальности из дымки полусна. Я поднимаю глаза, и в этот же момент мотор диско-шара наконец отключается. Кажется, как будто всё, что у шара внутри, раздробило на тысячи маленьких кусочков пластика и металла, и теперь они трутся друг о друга под оболочкой.

– Она тобой манипулировала и пыталась лишить работы. Я её ненавижу, – всхлипывает Лиз горько, – и пусть она мертва, пусть я никогда её не видела, я всё равно её ненавижу.

– Ты не понимаешь, – бормочу я и пытаюсь снова принять сидячее положение, – но это не твоя вина. Мы оба такие. Поэтому выбираем себе таких, как Арвид и Анн-Мари, разрушенных изнутри и не подпускающих к себе. Они не видят нас и не приходят нам на помощь. Но так больше не будет, Лиз. Я знал насчёт Фрей и Симона с самого начала. Её имя значилось в бумагах по его делу. Фрей сыграла со мной игру, я ей это позволил. Манипуляция и информация, не так ли? Этим мы и занимаемся, понимаешь, такие, как я. Манипулируем людьми.

– Я, я не понимаю...

– До тебя что, до сих пор не дошло, что твой брат – иллюзионист? Чёртов первоклассный магистр в отводе глаз, настолько погружённый в роль, что... что...

Заболтавшись, я внезапно потерял мысль, и теперь сгребая последние таблетки со стола между мной и женщиной без лица. Мне даже удаётся не трясти руками, пока я провожу ими по поверхности стола. Несколько таблеток и пилюль падают на пол или в просвет между курткой и рубашкой, когда я подношу их ко рту.

– Ты с ним когда-нибудь виделся? – я чувствую, как Лиз пытается взять разговор в свои руки, направить его в другое русло, – с её парнем?

– Нет. В тот день он так и не появился на слушаниях. Потом где-то слышал, что спецотдел его разыскивает, но они так его и не нашли. Оп, – смеюсь я, – и нет его.

Коротким кивком головы я прощаюсь с женщиной без лица, а потом поднимаюсь и, шатаясь, иду обратно к танцполу, где снова затихла музыка. В комнате совсем тихо, только дым-машина дышит, как астматик, и шелестит сломанный диско-шар под потолком.

Я восстанавливаю равновесие, обхватив один из столбов, которые отделяют танцпол от другой половины комнаты. На секунду я замираю, стараясь удержаться в таком положении, и вместе с тем пытаюсь что-то разглядеть среди этих облаков пыли: в итоге я вычленяю взглядом белого человечка на зелёном знаке аварийного выхода, глубоко вдыхаю, задерживаю дыхание и бегу.

Я пытаюсь остановиться, схватить свободной рукой металлическую ручку, но промахиваюсь и лицом врезаюсь в дверь, что, впрочем, не приносит мне боли.

– Ты не должен этого делать, – слышу я шёпот Лиз, хватая мобильный и поднимаясь спиной к двери, – я не смогу быть одна, Торкильд.

– Не бойся, – я кашляю и отхаркиваюсь, чтобы набрать достаточно слюны, – холодный металл меня расплавит, и вуаля...

Я тру ладонями глаза, пытаюсь убрать с них пыль. Вместо этого я, наоборот, заносу туда ещё больше сажу и грязи, так что у меня начинают течь слёзы, но щека не болит.

– И потом – всё. Никаких больше Торкильдов.

Лиз тяжело дышит в трубку, говоря в промежутках какие-то слова, которые, как ей кажется, я услышу, и периодически срываясь на плач, который она не может сдержать. Но дело тут не в нас, не во мне и Лиз. Это касается только меня и неё, той, которая стоит и ждёт меня на другой стороне реки.

Я оборачиваюсь и всем телом наваливаюсь на дверную ручку. Наконец она поддаётся и с треском открывается.

Холодный морской воздух бьёт в лицо и обжигает лёгкие, когда я делаю вдох. Я чувствую, что внутри меня происходит раскол. Я выхожу, направляюсь к утёсу и останавливаюсь у крупного камня. Я взглядом обвожу пейзаж.

– Ах, не увидел, – я причмокиваю губами, пытаюсь ощутить вкус солёной воды на языке, – или не услышал то, что ты пыталась сказать...

Я пытаюсь выдавить из себя смех, откуда-то из гортани, но он встаёт комом в горле. Вместо этого меня рвет, опять и опять, пока я шагаю по скользким камням между выходом из подвала и утёсом. Передо мной плещутся волны, а на них комья водорослей в форме голов, они бьются о берег.

– Как красиво, – припеваю я, шатко ковыляя по утёсу к обрыву. Мое лицо обращено к небу. Я вижу глубокие кратеры в сияющей луне. Из них будто льются серебряные реки, окрашивая небосвод в металлические тона. По углам неба разбросаны пятна потемнее, а ближе к середине

расположился спиралевидный Млечный Путь.

– Торкильд, – плачет Лиз. Я едва слышу, что она говорит. Морской шум заглушает голос, – не клади трубку. Пожалуйста. Обещаю, что буду лучшей сестрой, не буду больше ныть и докучать тебе, я...

Я отнимаю мобильный от уха и останавливаюсь на краю камня.

– В тот вечер мы не поехали в Танангер, – бормочу я чёрной воде передо мной. Реки втекают в тёмный океан и подсвечивают его изнутри – яркая природная биолюминесценция. Скоро и я приму другие формы и стану частью этого мощного потока энергии, – мы поехали по другой дороге, ведь так, Фрей? Совсем по другой дороге. Я развожу руки в стороны, слегка выставляю одну ногу вперёд, и меня снова тошнит; рвота стекает по подбородку и одежде, но это уже не важно, вода отмое. На этот раз вода отмое всё.

Небо надо мной наконец прояснилось. Я закрываю глаза, сжимаю губы и бросаюсь вниз.

Я падаю в тёмную воду, издав всплеск, и переворачиваюсь на спину, а потом лежу на воде и качаюсь в такт пульсу океана – туда-сюда, пока меня уносит от утёса дальше, в серебряный дождь.

– Этот – последний, – глотая воздух, говорю я, пока тело и лицо омывает солёная вода. – Самый последний Торкильд.

Глава 41

Последний день с Фрей, Ставангер, 26 октября 2011 г.

Фрей стояла у ставангерского отделения полиции, прислонившись к двери, когда я спустился из предоставленного мне офиса на третьем этаже. Дежурный позвонил и сказал, что ко мне посетитель. Сначала я подумал, что это Симон Бергелан, который наконец явился на допрос, и попросил его пропустить.

– Что ты здесь делаешь? – спросил я, когда вышел и увидел ее. Я шагнул к Фрей, заворачивая рукава рубашки до локтей. Легкий бриз обдувал предплечья, перед полицейским участком шелестели деревья.

На Фрей была короткая юбка с чёрно-белым узором, чёрные кроссовки и белый свободный вязаный свитер с длинными рукавами. Глаза были подведены черным, а на шее висело что-то вроде собачьего поводка.

– Не хочешь прокатиться?

Тонкая полоска её красных губ приобретала более тёмный оттенок в месте, где они соприкасались. Я почувствовал запах алкоголя в её дыхании, когда она наклонилась ко мне и коротко и неуклюже обняла.

– Не могу, – ответил я, когда она снова отстранилась от меня. Глаза были красными, как будто она только что плакала, – я кое-кого жду.

Фрей пыталась улыбнуться, стараясь держаться на ногах.

– Он не придёт, – засмеялась она и уверенно наклонилась ко мне, так что её груди прижались к моему торсу.

– Откуда ты знаешь?

– Я всё знаю, – ответила она, смеясь, и снова отклонилась. Она попятилась назад и через пару шагов наткнулась на фонарный столб, держа бутылку яблочного сидра.

– Не сомневаюсь.

Я стоял и смотрел на неё, наслаждаясь запахом ее духов и шампуня, оставшимся на моей одежде. Больше всего мне хотелось снова отдаться этой иллюзии, послать к чёрту последствия, привлечь её к себе и зарыться ей в волосы.

– Ты поедешь?

– Хватит, Фрей.

– Пожалуйста.

Я развёл руками и посмотрел на часы. Было почти шесть. Допрос

Симона Бергелана должен был начаться три часа назад. Я знал, что и сегодня он приходить не собирался, разве только мы сами выехали бы сейчас к нему навстречу.

– Куда поедем?

– В Танангер, – Фрей бросила мне бутылку апельсинового сидра. Я открыл её и отпил содержимое. Сидр был кислым.

– А что там, в Танангере? – спросил я и бросил бутылку обратно.

– Скоро увидишь.

Я снова посмотрел на часы, а потом ответил:

– Ну, хорошо. Только веду я.

Я позвонил в дверь, и дежурный вышел и впустил меня обратно. Я забежал в офис, прибрался и накрыл проектор, который раздобыл для допроса. Я попытался набрать номер Симона Бергелана в последний раз, но телефон всё ещё был отключён.

Фрей стояла у машины и курила. Мы сели, ничего не говоря, я задом выехал со стоянки и поехал по Лагордсвей.

– Я красивая? – вдруг спросила она, не смотря на меня. Повернулась к окну и смотрела на огни вечернего города.

– Очень. Так что будет в Танангере?

– Ты ведь ничего обо мне не знаешь, – продолжила Фрей, не обращая внимания на вопрос.

– И кто же ты тогда?

Я следовал указаниям Фрей и свернул на первой круговой развязке, которая вывела нас на шоссе прочь от города, соединяясь в конце с трассой E39. Почему-то у меня начало колоть в груди, плечи и лицо тоже начинало покалывать.

– Я могла бы быть твоей, – вдруг сказала она и повернулась ко мне. Её глаза были черны, будто она чего-то боялась. – По-настоящему.

– Нет, я так не думаю, – ответил я и попытался улыбнуться, но что-то как будто сжимало мышцы лица и сдерживало улыбку.

– Почему нет? – Фрей достала бутылку сидра из бардачка и стала нервно крутить её между ладонями. Она открыла её, сделала глоток, закрыла крышку и снова стала крутить в ладонях, – ты ведь только что сказал, что я красивая.

– Очень красивая, – добавил я.

– Ну и?

– Это просто такая игра или что?

Уличные фонари уже зажглись, тучи над нами уже готовы были пролиться дождём.

Фрей перестала крутить бутылку и уставилась в боковое окно.

– Что, если бы были только ты и я? – прошептала она у стекла.

– А нас больше? – я театрально осмотрел заднее сиденье. – Хм, здесь никого, странно. Может, ты видишь кого-то, кого не вижу я?

Мне хотелось ей сказать, что я знал всю правду о ней и о продажной мрази в погонах, которой она пыталась спасти карьеру; сказать, что подвешу этого мудака к стене с раздвинутыми ногами, точно так же, как она собиралась унизиться сама, чтобы его спасти. Но я этого не сделал. Что-то всё ещё меня сдерживало. До смешного наивная вера в то, что пока мы оба придерживаемся правил игры, всё это было по-настоящему. Что нас свело вместе не только течение обстоятельств. Мы как тени на оживлённой торговой улице, которые набегают друг на друга.

– Да, – наконец ответил я, – если бы это были только мы вдвоём.

– И хотя ты знаешь, что я не такая, какой тебе кажусь, что я постоянно вру, что использую...

– Да, – перебил я, – каждый раз, если уж ты так хочешь знать.

Я видел, как она улыбается оконному стеклу, продолжая крутить в руках бутылку сидра.

– Спасибо.

– Спасибо? – я вдруг ощутил волну тепла в груди, шее и на лице. Это было легкое игривое тепло, и волна его опускалась всё ниже и ниже. Мне захотелось смеяться. Бесконечно. – В каком смысле «спасибо»?

– Я просто хотела знать.

– Но ведь нас не двое, так?

Фрей выпрямилась на своём сиденье и, наконец, посмотрела мне в глаза. Она указала пальцем на мою грудь.

– Раз, – произнесла она, а потом направила палец на себя, – два.

– Ох, весело, – рассмеялся я, а диафрагма всё наполнялась щекочущим теплом. Я обхватил руль ещё крепче. В ладонях началось покалывание, оно становилось сильнее, интенсивнее, будто под кожей что-то было и оно пыталось вырваться наружу.

– Вау, – она сидела и смотрела на меня с полуоткрытым ртом.

– Что? – я крепче ухватился за руль. Казалось, будто тело взлетит над сиденьем автомобиля, что мы – двое космонавтов на учебном вылете на борту корабля NASA.

– Мы только что на секунду были вместе?

– Разве были?

– Думаю, да, – рассмеялась она.

– Кстати, скажи, когда надо поворачивать. Я...

– Ты уже проехал мимо, – сказала Фрей, – давным-давно.

– Чёрт, – проворчал я и стал выискивать съезд или круговой перекрёсток, одновременно с этим стараясь спокойно сидеть в кресле, – мне развернуться?

– Нет.

– Мы разве не едем в Танангер?

– Не поворачивай, – Фрей положила голову мне на плечо, – я хочу ехать дальше.

Я заметил просвет в сгущающихся над нашими головами тучах. Через него пробивался яркий луч. Не тот небесный свет оттенка стали, к которому все привыкли в это время года, а более тёплый, земельный, как будто я смотрел на светящийся серебряный диск. Тучи всё сгущались, и вскоре я увидел, что это была луна.

Я хотел рассказать Фрей, что выглядит это так, будто луна кровоточит. С её светящейся поверхности стекает густая серебряная лава, но прежде чем мне удалось что-либо сказать, где-то подо мной раздался глухой стук. Через мгновение я взлетел, подпрыгнул над автомобильным сиденьем, а руки всё ещё крепко держались за руль. Фрей тоже подлетела, я видел, как её перепуганное лицо отвернулось от моего, а волосы нимбом вознеслись над её головой. Сразу после этого произошло столкновение. Мою голову мотнуло вперёд и ударило о руль.

Последнее, что я помню, – это горький металлический привкус сидра во рту. Я всё ещё чувствовал этот вкус, когда на следующий день проснулся, и мне сказали, что Фрей умерла.

Вторник

Глава 42

Это вовсе не новый Торкильд. Такова первая мысль, которая приходит мне в голову, когда я просыпаюсь. Надо мной холодное и тёмное ночное небо, в нём светят мёртвые звёзды. Они похожи на кошачьи глаза. Вокруг плещется вода, и меня качает вверх и вниз в такт волнам.

Я лежу на своеобразном плоту из водорослей, пакетов, кусков веревок, пластиковых канистр и прочего хлама, который носит по волнам в открытом море. Я поворачиваю голову и вижу, что плот – это кусок разрушенного причала, который шторм вырвал с корнем в первый день, когда я приехал на маяк. Вокруг меня плавает мусор.

– Господи, – стону я, и в паре метров от себя замечаю птенца. Он, кажется, решил приземлиться на этот мусорный остров, плавающий в ночном океане. Птенец огромный, похожий на орлиного, тёмно-коричневый с белыми пятнами и чёрным клювом. Он сидит и смотрит на меня своими большими хищными глазами, а потом отворачивается, прижимает крылья к телу и прячет в них голову.

– Помоги, – шепчу я и поворачиваю голову к птенцу, – ты можешь мне помочь?

Через секунду возвращается боль, сначала в горле и щеках, потом в диафрагме; пульсирующее тяжелейшее давление в пищеварительной системе снова включилось на полную мощность.

Я поднимаю голову к небу и сжимаю веки, пережидая болевую волну в области таза. Разжав их, я замечаю, что одна из звезд, похожих на кошачьи глаза, упала с неба и движется на меня, как метеор.

– У-а-а, – взываю я, а орлёнок начинает махать крыльями.

Когда метеор подлетает уже совсем близко к земле, освещая небо, орлёнок сдаётся. Он складывает крылья вдоль тела, поднимает голову и раскрывает клюв, то ли пытаюсь себя защитить, то ли надеясь, что получит пищу.

Я пытаюсь поднять руки, чтобы закрыться от чересчур яркого света, но мне не удаётся. Одна из рук застряла. Я поворачиваю голову, чтобы понять, в чём дело, и замечаю серую ладонь, торчащую из зарослей ламинарии и мусора. Белые застывшие пальцы обхватили мои, как будто мы жмём друг другу руки.

Я кончиками пальцев касаюсь руки, торчащей из водорослей. Она холодная и скользкая, будто это манекен. Я отвожу свободную руку обратно

и пытаюсь высвободить застрявшую в хвате другую, но тут падающая звезда снова обращает на себя мое внимание.

Она повисла прямо над плотом, как огнедышащий дракон, который мечет пенную морскую воду во всё вокруг и сильно раскачивает мусорный остров из стороны в сторону. Свободной рукой я хватаюсь за поверхность острова и взываю от страха и боли, и на нас с орленком сыплются обрывки пластика, брызжет пена и ледяная морская вода.

Вскоре неподалёку от плота раздаётся всплеск, и я вижу, как ко мне движется крупный силуэт, пробиваясь сквозь толщу воды. Орлёнок сплюснулся в комок коричневых и белых перьев, из которого торчит клюв.

– Отпусти, – рычит голос, обращаясь ко мне, и тут рядом со мной всплывает мужчина.

Я качаю головой и ещё сильнее вцепляюсь в островную поверхность и в ледяную руку.

– Отпусти же, – повторяет мужчина и указывает на металлические носилки, лежащие в воде около него, – я не смогу поднять тебя на борт вертолёта, если не отпустишь.

Я снова поворачиваюсь к орлёнку. Мне удаётся разглядеть его глаз под перьями, но он только шипит в ответ. После чего птица снова прячет голову под крыло, а мужчина в чёрном сбоку от меня начинает отдирать мои пальцы, от того, во что я вцепился, чем бы оно ни было.

– Отпусти! Слышишь? Ты должен отпустить, иначе я не смогу посадить вас в корзину!

Вскоре я сдаюсь, у меня больше не осталось сил, и мужчина за плечи вытаскивает меня с мусорного острова. За моей спиной из толщи водорослей всплывает тело, которое я тащу за собой через обломки к металлическим носилкам.

– Сначала поднимешься ты, – спокойно говорит мужчина и кивает, – а потом я подниму тело. Хорошо?

Наконец я ослабляю хватку, и спасатель укладывает меня в специальную корзину, закрепив мое тело ремнями. Он даёт отмашку в ту сторону, откуда светит фонарь, а сам остаётся с мёртвым телом. Через секунду я ощущаю, как меня поднимают над водой и тащат к свету; мои зубы стучат, а губы дрожат.

Когда корзину затаскивают в вертолёт, мне удаётся последний раз взглянуть на орлёнка на обломке причала, который шторм с корнем вырвал пару дней назад: теперь птенец встал на лапы и машет крыльями, пока на них льётся пена вместе с морской водой, взбитой лопастями вертолёта.

– Эй! Ты меня слышишь? – спрашивает один из людей в вертолёте,

заворачивая меня в одеяла и фольгу, пока корзину снова спускают вниз на лебёдке.

Я пытаюсь что-нибудь сказать, но обнаруживаю, что мне не удаётся набрать в лёгкие достаточно воздуха, чтобы ответить. Анестезиолог кладёт ладони мне на щёки. Я впервые замечаю, как сильно замерз. Настолько, что тепло его рук едва ощутимо.

– Эй, друг, не закрывай глаза, – продолжает он, растирая пальцами моё лицо.

Гул вертолёта заполнил всё пространство, прерывистый звук его лопастей как будто поглотил нас. Вскоре корзина снова возвращается на борт. Труп, лежащий в корзине, достают, кладут рядом со мной и накрывают пледом и фольгой, после чего спасатель сам забирается на борт и закрывает дверь.

– Ты это видел? – спасатель расстёгивает ремень на шлеме и кладёт его в сторону.

– Что? – поворачивается к нему анестезиолог, – это один из пропавших полицейских?

– Нет, отвечает спасатель спокойно, – точно нет.

Анестезиолог откидывает плед, и голова трупа около меня поворачивается набок. Теперь мы лежим лицом к лицу. Кожа вздулась, плоть и сухожилия отделились от черепа. Лицо покрыто морскими звёздами, а глаза представляют собой две полости с плавающей внутри мелкой живностью. Нет ничего того, по чему Анникен Моритцен и Арне Вильмюр с таким отчаянием тоскуют.

– Тут ещё, – констатирует спасатель.

Анестезиолог берёт голову Расмуса, отворачивает её от меня и смотрит на спасателя.

– Ещё? В каком смысле?

– Видишь? – говорит спасатель сурово, – эта штука привязана к трупу.

– Вот ведь чёрт, – изумляется анестезиолог.

– Я и сам не сразу заметил.

– Но что это вообще такое?

Анестезиолог удручённо качает головой, после чего снова поворачивается ко мне:

– Эй, ты! – он пару раз резко щёлкает пальцами перед моими глазами. Врач встал передо мной так, чтобы я видел предплечье, которое он держит в руке. Лучевая и локтевая кости выпирают из серой плоти, а толстые морщинистые пальцы напоминают надутую перчатку.

– Чья это рука? – вспльчиво спрашивает он, – ты слышишь? Что это

за чертовщина?

Я не нахожу сил ответить. Звук вращающихся лопастей проводит черту между мной, холодом, болью и всем остальным. Скоро наступает полная темнота.

Глава 43

Когда я снова прихожу в сознание, то обнаруживаю себя привязанным к носилкам. Меня вытаскивают из вертолѐта, везут по асфальту и заносят в дверь, за которой находится длинный узкий коридор. Мы останавливаемся в комнате с больничным запахом. В ней много аппаратов, проводов, приборов и людей. Все они, кажется, ждали именно моего появления.

Меня переключают на койку, которая стоит между аппаратов. К койке подходит мужчина и наклоняется надо мной, а все остальные режут мою одежду; один начинает сверху, от шеи, другой – от ног.

– Эй! Ты меня слышишь?

Мне удаётся только приоткрыть рот, но оттуда не выходит ни одного звука.

– Ты понимаешь, где ты? – мужчина пальцами приподнимает мне веки и фонариком светит в зрачки.

Я качаю головой.

– Меня зовут доктор Берг. Я здесь заведу отделением травматологии, мы в университетском госпитале Трумсѐ. Если у тебя получится заговорить, будет отлично. Постарайся не засыпать. Хорошо?

Я пытаюсь кивнуть, стараясь одновременно с этим держать глаза открытыми.

Доктор Берг поворачивается к мужчине рядом с собой и обменивается с ним парой слов, после чего снова разворачивается ко мне.

– Знаешь, почему ты здесь?

Он кладѐт два пальца мне на грудь и другой рукой по ним простукивает, а потом повторяет процедуру с другой стороны. После этого он обращается ещё к одному человеку, стоящему у маркерной доски возле моего изголовья:

– Отѐк лёгких почти исключен, – мужчина у доски наскоро записывает, – пневмоторакс тоже под вопросом, но на всякий случай сделайте рентген.

Доктор Берг снова обращается ко мне:

– Ну, – говорит он спокойным, почти напевным глубоким голосом, – где ты сейчас находишься?

– Расмус, – шепчу я, а коротко стриженный мужчина снимает с меня слои мокрой одежды, после чего подключает к моему телу электроды, – где Расмус?

– Мартин! – командует доктор Берг, не отводя взгляда от моего лица, – есть гипотермия?

– Легкой степени.

– Температура?

– Тридцать два и три градуса Цельсия. Растёт.

Доктор Берг берёт меня за руку и крепко сжимает мои пальцы, один за другим.

– Чувствуешь?

Я киваю, а он хватает другую руку и повторяет процедуру.

– Больно?

Я снова киваю.

Он отпускает руку и наклоняется ближе.

– Ты знаешь, как тебя зовут?

– Торкильд, – с одышкой отвечаю я и пытаюсь подняться, чтобы увидеть, где я нахожусь и чем занимаются люди вокруг, – Торкильд Аске.

Мужчина у доски записывает имя сверху заглавными буквами.

– Катетер? – спрашивает медбрат, стоящий сбоку от меня. Он только что закончил расставлять электроды и подключил их к аппаратуре, издающей резкий звук.

Доктор Берг кивает, а потом поворачивается к молодой светловолосой девушке, которая идёт к койке. Она садится рядом с медбратом, занимавшимся электродами. В её руке длинная, очень тонкая резиновая трубка, которую она подаёт медбрату, после чего берёт в руки мой пенис и знаком показывает, чтобы трубку ей вернули.

– Расслабься, – говорит медбрат, – это скоро закончится.

– Что закончится? Моя жизнь? – пытаюсь ответить я, но слова тонут во рту, полном слюны. Вокруг меня команда травматологов проверяет показатели кислорода в моей крови, пульс, давление и температуру, постоянно докладывая данные мужчине у маркерной доски. Девушка с резиновой трубкой засунула её настолько глубоко в мою уретру, что только кончик высовывается из отверстия. Она закачивает внутрь воздух или жидкость, а потом встаёт и идёт к следующим пациентам.

– Как ты оказался в море? – спрашивает доктор Берг, в то время как над моей грудной клеткой навешивают рентгеновский аппарат. – Ты упал?

Я качаю головой:

– Это реки.

– Реки? Ты свалился в реку?

Я качаю головой и пытаюсь отвернуться, но доктор Берг возвращает меня обратно.

– Эй, послушай меня. Сколько ты пробыл в воде?

Я снова качаю головой.

– У тебя где-нибудь болит?

– В животе, – отвечаю я.

Доктор Берг встаёт и кладёт мне руку на живот.

– Здесь? – спрашивает он и смотрит на меня.

Я киваю, когда он подбирается к тому самому кирпичу возле моей диафрагмы.

– С места не двигается, – шепчу я.

– Понял, – доктор Берг обращается к мужчине у доски, – констипация.

Я пытаюсь закрыть глаза, отвлечься от внешнего шума, но каждый раз мне мешает доктор Берг. Он водит по мне пальцами и задаёт новые вопросы. Я чувствую, как медленно, но верно пробуждаются мои телесные ощущения и обнуляются болевые рецепторы.

В комнату заходит лаборант и передаёт листок доктору Бергу, а рентгеновский аппарат надо мной сдвигают в сторону. Они стоят вдвоём и шепчутся пару секунд, а потом лаборант уходит. Доктор Берг отходит к моему рюкзаку и начинает в нем рыться. Вскоре он возвращается ко мне, кладёт ладонь на мой лоб и поднимает мне веки.

– Ты глотал что-нибудь из этого? – в его руках горсть пустых блистеров, флаконов и упаковок из-под таблеток и пилюль. – Глотал?

Я пытаюсь закрыть глаза, но доктор Берг снова их открывает, зачитывая названия на флаконах мужчине с маркером.

– Какие? Собрил? Оксикодон? Оксинорм? Сколько?

Я пытаюсь стиснуть веки, но мне мешают пальцы доктора Берга.

– Сколько?

– Все, – отвечаю я на выдохе.

Он отводит пальцы, делает шаг назад и машет лаборанту у двери.

– Так, ребята, – слышу я его голос, – думаю, здесь в ход могли пойти любые способы себя изувечить.

Я уже закрыл глаза и так сильно их сжал, что доктору Бергу пришлось снова открывать их обеими руками.

– Тут была попытка суицида. Так что, – он хлопает ладонями и продолжает, – надо внимательно просмотреть рентгеновские снимки на предмет кровоподтёков и возможную тампонаду сердца, и закончим на этом. А потом уже отправим его в отделение реанимации.

Я чувствую, как люди вокруг меня один за другим расходятся, позвякивает оборудование и скрипит линолеумовый пол. Внезапно снова раздаётся голос доктора Берга:

– Все закончили? Мартин, на тебе контрольная температура. Теему, Янне, напишите медицинское заключение и передавайте пациента дальше. Все остальные готовятся к следующему вызову. Ночь только начинается, ребята.

Глава 44

Я часто погружаюсь в эти мысли. В них я вместе с девушкой. Я не знаю, кто она, потому что не вижу её лица. Мы в квартире, я – такой же, как обычно, только лицо без порезов. Мы сидим... нет, ходим друг за другом в светлой комнате с высокими окнами. На девушке одна из моих рубашек, она семенит босыми ногами по тёплому деревянному полу, как будто мы в дурацкой рекламе йогурта. Этот сон настолько реальный и яркий, что, когда я просыпаюсь или же попадаю обратно в реальный мир, кажется, что я ошибся дверью, и тело охватывает паника. Я верчусь, пытаюсь нащупать ручку, но двери там больше нет. Только я, совсем один, в каком-нибудь зале ожидания.

Ульф называет это алтарём. Он говорит, что это та фантазия, в которую я убегаю, когда мне хочется умереть. Мой рай, мои семьдесят две девственницы; алиби, которое я для себя нахожу, когда жизнь становится слишком тяжёлой. Ульф бывает прав во многих вещах. Наверняка и в этом. Проблема лишь в том, что он не понимает. Не понимает, как это тяжело. Ему невдомёк, что пропасть – это не то, куда сбегают, это то, от чего убегают. Пустота – это не холодное тело в гробу под землёй. Пустота – это я, Торкильд Аске, в этой квартире с высокими окнами. Один.

Я просыпаюсь от того, что молодой светловолосый медбрат стоит надо мной и возится с моим половым органом.

– Расслабься, – спокойно говорит он, когда я вздрагиваю и пытаюсь накрыться одеялом, – я опустошу сосуд катетера и вытащу трубку. Тебе сейчас в нефрологию. Потом мы сделаем тебе клизму и посмотрим, получится ли у нас справиться с твоей болью в животе.

Сейчас утро, во всяком случае, за окном светло. Комната имеет квадратную форму, здесь четыре кровати, по две с каждой стороны. Тело онемело, отсутствие боли меня пугает.

– Дай мне зеркало, – прошу я, когда медбрат вытаскивает трубку из моей уретры и кладёт ее в металлическую чашку в форме соусницы.

– Зеркало? – медбрат с недоверием смотрит на меня, снимая с себя перчатки. – Зачем тебе зеркало?

– Хочу посмотреть на своё лицо.

– Мы не можем выдать тебе зеркало.

– Почему нет?

– Потому что, – отвечает медбрат. Но потом всё-таки предлагает

компромисс, который сделает нашу встречу максимально короткой, – я могу придвинуть койку поближе к умывальнику, когда будем выезжать, и мы тебя приподнимем, если обещаешь не творить ерунды.

– Ерунды? Например?

– Думаю, ты знаешь, о чём я, – отвечает он и нажимает на кнопку, которая поднимает изголовье кровати.

Шрам, идущий от уха вниз по щеке, почти исчез, едва различим на серой коже. Даже губы и щетина едва видны, они прозрачные, как у мёртвой рыбы.

– То же самое, – шепчу я и отворачиваюсь.

– В смысле? – спрашивает медбрат, настраивая кровать таким образом, чтобы мы прошли в дверной проём.

– Лицо, – вздыхаю я, – оно такое же.

– А чего ты ожидал?

– Нового Торкильда, – отвечаю я и хочу повернуться на бок, но резкая боль в диафрагме мешает мне это сделать. Я лежу и смотрю на лампы на потолке, а медбрат катит меня по коридору и заводит в лифт на пути к следующей остановке.

– Ты будешь делить комнату с другим пациентом, – говорит он и останавливается у двери, – по крайней мере, до обеда. Постарайся расслабиться.

На кровати у окна сидит лысый мужчина, чуть за семьдесят. Кожа его лица бледная, руки жилистые и лежат на коленях, как будто сломанные ветки.

– Сколько я здесь пробуду? – спрашиваю я, когда мужчина у окна к нам поворачивается. Он медленно и безучастно нас осматривает, а потом снова разворачивается к окну.

– Ты будешь здесь наблюдаться, пока не придут в норму функции почек и печени, – он кивает в сторону ванной, – просто зайди туда и подожди, а я приду и помогу тебе, – заключает он и подходит к раковине.

Я сажусь на унитаз и жду. Вскоре раздаётся осторожный стук в дверь, и сразу за ним в дверях появляется улыбающийся медбрат с клизмой в одной руке и трубкой, которая больше всего напоминает гадюку.

– Готов?

– Жду не дождусь, – дрожа, отвечаю я, когда он кладёт клизму на край раковины и надевает перчатки. На полу между душем и туалетом он расстилает полотенце.

– Тогда можешь просто лечь на полотенце спиной ко мне.

Я сажусь на колени и стягиваю больничные сетчатые трусы, а потом

ложусь на тёплый пол ванной, подложив руки под голову.

– Меня, кстати, зовут Йенс, – говорит он. Я слышу, что его дыхание становится тяжелее.

– Вначале может быть немного неприятно, – говорит он и вводит внутрь наконечник трубки, – но я буду действовать максимально мягко.

– М-м. – Я выдыхаю, зажмуриваю глаза и прижимаю колени к груди. В словах Йенса слышится ощущение странной, абсурдной естественности происходящего. В одной руке он держит силиконовую колбу от клизмы, в другой – трубку. Периодически он слегка надавливает на колбу, чтобы залить внутрь побольше воды, а иногда кладёт руку мне на лоб и начинает говорить. Он рассказывает о самых обычных вещах, таких, как уровень воды в городской реке или о зиме, которая скоро наступит, а я отвечаю ему односложными предложениями. Как будто мы двое старых знакомых, попавших в эту комичную ситуацию, которая, впрочем, ничего между нами не изменит.

– Ну вот! – Йенс опускает руку, державшую колбу и кладёт её на пол за моей спиной. Он кладёт руку на моё голое бедро, – важно, чтобы ты сдерживался, как можно дольше. Хотя бы пять-шесть минут после того, как вынули шланг, чтобы масла успели дать эффект. Йенс хлопает меня по ягодице, после чего складывает пластиковую колбу, трубку и одноразовые перчатки в белый пластиковый пакет, скручивает его и завязывает. Он опускает ободок унитаза и говорит:

– Ты просто лежи здесь и потерпи, сколько сможешь. Когда уже не сможешь сдерживаться, запрыгнешь на унитаз, и природа возьмёт своё. Я подожду снаружи.

– Ага, – отвечаю я сквозь слёзы, напрягшись, чтобы сдерживать давление снизу.

Как только Йенс закрывает дверь, я слышу, что в комнате включили радио и прибавили звук: «*I am ashamed 'cause I don't know myself right now. And I am 43*^[27]», – поёт мужчина, а музыка вместе с этим становится всё громче с каждой нотой и разрастается в бурю.

Поначалу ничего не происходит, кроме того, что я чувствую, как масла с одной стороны подбираются к кирпичу, а с другой – к внешнему отверстию.

Позыв расслабить мышцы диафрагмы усиливается вместе с тем, как растёт давление внутри. Я чувствую себя, как воздушный шарик, в который закачивают воздух, но я уже решил, что продержусь до конца песни. Как минимум потому, что я совершенно потерял чувство времени, пока лежу здесь и изо всех сил сдерживаюсь.

«They say that I should go outside more and drink lots of water all the time, but that does not seem to be working, 'cause you still have not come back to me^[28]».

Наконец что-то начинает происходить. Нарастает ноющая боль, сначала кажется, что просто вздулся небольшой воздушный пузырь, но нет, он не исчезает, не уходит сразу же, как обычно бывает, он остаётся там и делает своё дело. Он движется вниз, я это слышу и чувствую.

Что-то как будто высвобождается, сдвигается, как стоявший на месте миллионы лет айсберг поддаётся толчку и на пару миллиметров приближается к фьорду и талой воде у долины.

«Why don't you love me anymore?^[29]» – вопрошает вокалист горько и душераздирающе, а я расслабляю мышцы ног, чтобы они сдвинулись немного ниже, расправились, и я лучше контролировал боль.

«Tell me, why don't you love me anymore? Just in case you didn't hear me ask before... Tell me why don't you love me anymore?»^[30]

Я снова чувствую, как движется ледник. На этот раз я снова должен слегка ослабить хватку, чтобы тонкая струйка маслянистой жидкости стекла по коже на тёплое полотенце. Я настраиваю уровень давления и чуть сильнее отвожу ноги назад, чтобы можно было повернуть голову и понять, где находится туалет.

Когда припев заканчивается и вступает синтезатор, звуки которого заглушают друг друга и режут слух, я понимаю, что больше не могу держать всё это внутри. Я быстро поворачиваюсь на спину, потом на живот, а потом встаю, подхожу к унитазу и плюхаюсь на него ровно в тот момент, когда масла выстреливают из меня по керамическим внутренним стенкам туалета.

Через секунду я чувствую, что айсберг освободился. Древнего мастодонта силами гравитации тянет вниз, медленно, но по гладким и смазанным маслом путям к выходу. Крещендо прозвучало, следующий шаг – очищение, песня затихает, издав последний звук.

– Наконец-то, – шепчу я и прижимаюсь локтями к бёдрам.

Глава 45

– Всё прошло хорошо? – Йенс заглядывает в ванную и сострадающе смотрит на меня, постукивая пальцами по дверной раме.

– Жив пока что, – задержав дыхание, отвечаю я, стоя у зеркала и полоща лицо в холодной воде. – Что теперь? – спрашиваю я, заходя в комнату. Радио в ней теперь выключено.

– Как насчёт немного отдохнуть? Ты наверняка утомлён после всего, что с тобой случилось за последние сутки.

– А потом?

– Потом придёт врач, который хочет обсудить с тобой дальнейшие планы, – улыбается Йенс, собираясь уходить.

– Мои таблетки! – Восклицаю я, и внутри резко начинает расти паника, когда я понимаю, что он сейчас уйдёт, не выдав мне таблеток.

– А?

– Мне нужно как-то засыпать. Я...

– Я спрошу у дежурного врача, – говорит Йенс и уходит.

Я пячусь к кровати и сажусь, положив руки на виски, будто шоры. Через несколько минут Йенс возвращается с двумя таблетками анальгетика Оксинорма по 10 миллиграмм каждая.

– Вот, – говорит он, – теперь можешь спать.

Я лежу в кровати без движения, после того как ушёл Йенс. Находясь в сонном апатичном состоянии, я вдруг слышу звук – два коротких писка, после которых следует глубокий и резкий металлический звук. Он исходит откуда-то снизу, из-под моей койки.

Сразу после него снова звучит резкий писк.

Я поворачиваюсь на бок и пытаюсь заглянуть за край кровати, где маленький зеленый огонёк мигает в пластиковом мешке среди обрезков моей одежды.

Я подползаю ближе, беру пакет и высыпаю содержимое на пол. Сразу пахнет кислым, а запах солёного моря и сырой одежды проникает в носовые пазухи и спускается вниз по дыхательной системе. Мобильный телефон магическим образом пережил проведённое в море время.

Я наклоняюсь к краю кровати и кладу мобильный под одеяло. Индикатор зарядки часто мигает, сигнализируя о том, что телефон скоро отключится. Первый сигнал, который я услышал, был, очевидно, уведомлением о сообщении, а следующие означали то, что мобильный

разряжается. Сообщение прислал Гюннар Уре. Оно как раз такой длины, что я успеваю его прочесть, пока мобильный не отключился:

Официальный допрос будет завтра в три. Едет следователь из отдела по особо тяжким.

Иными словами, полиция получила результаты анализов по образцам, которые они взяли на месте преступления на маяке. По-видимому, они подтверждают, что найденная кровь принадлежит либо Бьёркангу, либо сержанту. То, что они уже послали за следователем, означает, что они довольны своей моделью происшедшего, и решили, что с точки зрения стратегии сейчас наилучший момент допросить подозреваемого.

Я опускаю телефон на пол и поворачиваюсь на бок, накрыв голову одеялом.

– Опять всё это начинается, – шепчу я сам себе под тёмным бескислородным куполом, – на этот раз они тебя на кресте распнут, если ничего не сделаешь.

Я уже собираюсь закрыть глаза, когда оксикодон достигает рецепторов в мозгу и тянет меня вниз. Вместо этого я стягиваю одеяло и сажусь. Я аккуратно вылезаю из кровати и подхожу к мужчине у окна. Покалывание в руках и пальцах ног подсказывает мне, что болевые рецепторы скоро снова проснутся.

– Эй, слушай, ты не мог бы одолжить свой телефон?

Мужчина долго смотрит на меня, ничего не отвечая, а потом наконец показывает на куртку, висящую в ногах его кровати. Я подхожу к ней и достаю мобильный телефон из кармана.

– Спасибо, я быстро, – благодарю я, беру телефон с собой на кровать и набираю номер Анникен Моритцен.

– Я его нашёл, – шепчу я, как только она берёт трубку, – я нашёл Расмуса.

– Ага, – гулко отвечает она. Судя по звукам, она на работе. Разве что она и дома установила оборудование, которое так же скрипит и трещит. – Вчера утром мне позвонил мужчина. Где ты был? Я весь день пыталась до тебя дозвониться.

– Он сказал, как его звали?

– Как его звали? В каком смысле?

– Как звали мужчину, который тебе звонил?

– Хм, – отвечает Анникен.

– Это мог быть Гюннар Уре?

– Нет, он назвал фамилию Свердрюп. Может быть, Мартин. А что?

– Ладно, забудь. Это не важно. Что они тебе рассказали?

– Что нашли в море тело и думают, что это мой сын.
– Что ещё? Они сказали что-нибудь ещё?
– Они спросили, был ли с Расмусом кто-то ещё, пока он там жил.
– И был?
– Да, несколько его друзей приезжали туда ранней осенью, но они давно уехали.

– Они упоминали про женщину?
– Да. Они интересовались, была ли среди них девушка или не встретил ли он там кого. Я сказала, что он был один.

Я слышу, как Анникен Моритцен всхлипывает, её голос приглушён, как будто она прижалась к трубке ртом.

– Что вообще происходит? – шепчет она.
– Прости, Анникен, – отвечаю я, – что не смог сделать большего.
– Нет, подожди, Торкильд, – плачет Анникен Моритцен на другом конце. Я кладу трубку и отключаю телефон. Сейчас я ничего не могу для неё сделать. Она должна пройти остаток этого пути одна. Это единственный способ пережить. Старик у окна смотрит на меня, не двигаясь.

Я встаю и подхожу к его кровати.

– Я ведь не могу пробудить мёртвых к жизни, правда? – говорю я и кладу телефон обратно в карман куртки. – Я, которому едва удаётся следить за самим собой.

...Я лежу и смотрю в потолок, пытаюсь призвать сон с девушкой в светлой квартире с высокими окнами. Вместо этого появляется какая-то хищная птица, а сразу за этим между нами возникает рука. Она хватается меня и не хочет отпускать, как бы сильно я ни кричал и ни пытался вырваться.

Я открываю глаза и, задышавшись, сажусь в кровати. Мужчина у подоконника всё ещё сидит на краю кровати и сонно смотрит на улицу.

– Чёрт, – вою я и срываю одеяло – Чёрт, чёрт, чёрт!

Я развязываю ремень на канюле, вставленной в вену, вынимаю её и бросаю на пол. После этого я иду к двери.

Я должен знать, что нашёл на острове.

Глава 46

Я открываю дверь палаты и выглядываю в коридор. Тело неконтролируемо трясёт, волосы на руках встали дыбом; ступая на холодный пол, кажется, что по голой коже водят ледяными пальцами. На мне надета только больничная рубашка с пуговицами спереди.

К моему большому удивлению, я обнаруживаю, что морг находится вовсе не в подвале больницы. Напротив, он на восьмом этаже, всего на пару этажей ниже меня.

Лифт останавливается, и двери с дребезжанием открываются. Я подхожу к двери, на которой висит табличка «А8. Патологоанатомический отдел». Внутри ещё один коридор, за ним стойка регистрации и комната ожидания. В глубине с обеих сторон находятся несколько дверей, и слышен чей-то голос и весёлый смех. За стойкой никого нет.

Я прокрадываюсь внутрь и иду по коридору, пока не наткнувшись на дверь с надписью «Кабинет аутопсии и трупохранилище». Внутри комната для переодевания и душ. На противоположной стороне – дверь, ведущая в сам кабинет аутопсии, где стоит и охладитель трупохранилища. Ещё не открыв дверь, я чувствую запах.

Я останавливаюсь у одного из открытых шкафчиков в раздевалке. Рядом стоит большая полка для обуви с тремя парами ботинок. Я достаю из шкафа зелёную спецодежду и надеваю её поверх своей рубашки: брюки, ещё одна рубашка и халат. Кроме того, я надеваю пару ботинок с полки, чтобы больше ходить босиком по холодному полу, подхожу к двери кабинета аутопсии и приоткрываю её.

В кабинете светло, стены обшиты блестящими металлическими пластинами. На полках лежат пилы, миски, чаши, приборы для взвешивания, зажимы, ножницы и специальные ножи. Посредине комнаты вокруг медицинских столов веером стоит группа из десяти – двенадцати человек, спиной ко мне.

Я уже собираюсь развернуться и закрыть дверь, но тут слышу голос за спиной:

– Тоже опоздал?

Я смотрю в лицо молодой женщине с пышными светлыми волосами, собранными в пучок на уровне шеи. Она стоит у двери в раздевалку с фотоаппаратом через плечо и уже застёгивает на себе зелёный халат.

– Я Астрид, – здоровается она, – криминалист из полиции.

– П... Привет, – запинаясь я в ответ и хватаюсь за дверной проём, чтобы за что-нибудь держаться.

– Я буду присутствовать на аутопсии вместе с вами.

– Хорошо, – отвечаю я, всеми силами сдерживая дрожь от холода.

– Ты ведь студент, так? – она подходит ко мне, надев ботинки, и становится передо мной. – Ох, выглядишь неважно, – говорит она и жмёт мне руку, – уверен, что выдержишь это?

– Прости, – оправдываюсь я, – я сегодня явно не в лучшей форме.

– Из-за запаха?

Я усиленно киваю, а Астрид наклоняется ко мне, положив руку на грудную клетку, и шепчет:

– Боюсь, должна тебя сразу предупредить. Эти морские трупы – самое худшее, что бывает.

Она хитро подмигивает и хлопает меня по плечу. После этого открывает дверь в кабинет и проводит меня к группе, которая ждёт у металлических столов.

Астрид берёт две сетки для волос, маски, перчатки и бахилы из корзин у двери и передает один из комплектов мне. Она обходит студентов и встаёт с другой стороны медицинского стола вместе с патологоанатомом и хирургом.

Я подхожу к толпе студентов и встаю сзади. Я видел много таких вскрытий. Первое – ещё будучи студентом полицейской академии. Запахи и ощущение ожидания того, что сейчас случится, всё такие же, органы чувств обычно настраиваются на то, что произойдёт, и перед тем, как войти, настраиваешь себя на нужную волну.

На этот раз я жалею о том, что пришёл, только увидев труп в чёрном чехле на медицинском столе перед нами. Ноги онемели, и тяжесть в диафрагме нарастает. Я замечаю, что под сеткой для волос и на висках у меня выступает пот.

Держаться на ногах стоит больших усилий. Кислый и горьковатый душок от тела подталкивает меня к абсурдной идее, что под чехлом я увижу своё собственное изрубцованное лицо.

– Господи, – вздыхаю я и случайно толкаю одного из студентов, стоящих передо мной. Студент пожимает плечами и сдвигается в сторону, что хотя бы доказывает, что я всё ещё человек, а не просто болезненное аморфное тело безо всякой цели и смысла.

– Все на месте? – патологоанатом пожимает руку хирургу и суровым взглядом обводит собравшихся. – Астрид – из полиции. Она сегодня здесь,

потому что, возможно, тут имела место неестественная смерть, и полиция запросила судебно-медицинскую экспертизу пострадавшего. – Он чешет нос и продолжает: – Сейчас увидите почему.

– Можно спросить? – спрашивает юноша азиатской внешности, имеющий, впрочем, произношение городского населения центральной Норвегии.

– Разумеется, – сухо отвечает патологоанатом, – спрашивай. За этим вы и пришли.

– Я читал, что скоро появятся роботы, которые выполняют виртуальное вскрытие, и в будущем оно заменит традиционное...

Патологоанатом поднимает руку и слегка наклоняет голову: вопрос, кажется, его увлекает.

– Понимаю, дорогой студент, – он делает небольшую паузу и продолжает: – Обонять, рассекать и ощупывать – проделав всё это, мы получаем медицинские данные, которые не добудет ни одна машина. Но я вовсе не противник технологий будущего, так что, как знать.

Он смотрит на Астрид, она заканчивает настраивать фотоаппарат.

– Может быть, вы что-нибудь добавите?

Астрид отвлекается от фотоаппарата и отрицательно мотает головой.

– Ну, – патологоанатом берётся за молнию на чехле и начинает её расстёгивать, – тогда начнём. И помните, если кому-то станет плохо, не стесняйтесь отойти, чтобы присесть или выйти, если нужно. Здешний буфет – прекрасное место, чтобы переосмыслить выбор профессии. Вдруг кому-то захочется стать электриком или пойти в розничную торговлю.

Запах бьёт в ноздри, когда он расстёгивает молнию. Шелестит пластик, нескольких студентов слегка пошатывает, и они начинают дышать ртом, опираясь друг о друга, чтобы сохранить равновесие. Нашему виду открывается пожелтевшее лицо, почти потерявшее цвет, оно слегка набухло по сравнению с прошлым разом. Кожа плотная, шершавая, с шишками на щеках и вокруг рта.

– Итак, – объявляет патологоанатом после того, как они вместе с хирургом сняли чехол, обнажив перед нами тело на медицинском столе. Расмус Моритцен одет в водолазный костюм, в нём много дыр, и костюм выпирает в области живота и бёдер. Анникен, однако, была права: он отправился погружаться, когда пропал.

Студенты спокойно стоят и смотрят туда же, куда и я: к запястью Расмуса привязано чьё-то предплечье.

– До предплечья мы еще дойдём, – говорит патологоанатом, а хирург обмывает чехол душем, который приделан к столу. Чехол он складывает и

помещает на соседний металлический стол.

– На какие два вопроса нужно прежде всего искать ответ, когда готовишь заключение по человеку, найденному в море? – доктор смотрит на нас, а Астрид делает первые фотографии.

Одна из студенток поднимает руку:

– Выяснить, был ли человек живым или мёртвым, когда попал в воду?

– Иными словами, выяснить, является ли утопление причиной смерти. Хорошо. И как это узнать?

– Обратить внимание на обстоятельства смерти, – отвечает студентка, – они подскажут, когда он попал в воду, вместе с фактами, обнаруженными при самом вскрытии.

– Способная девочка, – отвечает патологоанатом безрадостно, после чего поворачивается к криминалисту. Та уже сделала фотографии до вскрытия, – что-нибудь добавите, Астрид? С позиций криминалистики?

– Мы берём во внимание собранные факты и технические данные, а потом сравниваем с тем, что обнаружено на вскрытии и определяем, совпадают ли они.

– И какие на данный момент версии у следствия?

Астрид вешает фотоаппарат на плечо. Её губы имеют лёгкий персиковый оттенок и слегка поблёскивают в ярком свете лампы.

– Потерпевший пропал в прошлые выходные, – рассказывает она, – предполагается, что он погиб в результате утопления. В ночь на сегодня труп нашли дрейфующим в море, на груде водорослей и обломков, вместе с другим человеком, который сейчас находится в отделении реанимации этой больницы.

– Он всё ещё жив? Как это возможно? – спрашивает патологоанатом.

– Нет, труп был найден самоубийцей, который, по его словам, сбросился в море вчера ночью. Мы пока не знаем, есть ли между этими фактами связь.

Я делаю шаг назад, от толпы студентов, в поиске чего-то, на что можно сесть. Судороги в мышцах всё сложнее сдерживать, у меня кружится голова, пульсируют виски и диафрагма. Я поддвигаю к себе табурет и собираюсь сесть, но тут раздаётся голос патологоанатома:

– А вот и оно.

Я делаю глубокий вздох и снова встаю, придвинув белую табуретку к стене, чтобы сесть, как только понадобится. Взгляд патологоанатома скользит по собравшимся и останавливается на мне:

– Как вы наверняка уже заметили, к пострадавшему крепко привязан какой-то посторонний предмет, – он поднимает серо-зелёное предплечье,

которое лежит вплотную с холодным телом Расмуса Моритцена, – видимо, оно принадлежит молодой девушке, и краткий визуальный анализ позволяет предположить, что оно долго пролежало в воде.

Он поворачивает руку так, чтобы было видно, что запястье женское, а Астрид готовится сделать фотографию, после чего доктор кладёт руку обратно на стол.

– Самоубийца найден едва живым, труп на столе умер больше недели назад, а предплечье неизвестного третьего лица, видимо, пролежало в воде как минимум месяц. Как вы это объясните? – торжествует патологоанатом и подмигивает Астрид, на лице которой тоже проступает улыбка.

– Вы знаете, кто она? – спрашиваю я.

– Нет, – отвечает Астрид, – в полиции не зарегистрировано пропавших, которые совпадали бы, – она бросает взгляд на руку, и снова на меня, – с этим профилем.

– А совершивший попытку самоубийства тоже был привязан этими лентами к двум другим? – спрашивает азиатский юноша.

– Нет. Они были найдены дрейфующими во фьорде на лодочной пристани, которую с корнем вырвал шторм. Если бы полиция уже не выслала спасательный вертолёт в этот район в поисках двух пропавших полицейских, то и суицидник лежал бы перед нами на столе.

– Хорошо, понятно, – рассуждает азиатский студент, – самоубийца прыгнул в море, но нашёл труп и передумал.

– Кое-что связывает его с умершим, – говорит Астрид, – но об этом я не могу здесь распространяться.

– Знаю, – выкрикивает молодой высокий мужчина с красно-жёлтыми прыщами на шее, стоящий передо мной, – самоубийца убил сначала владелицу руки, потом вот этого, а потом утопил их обоих в море.

– Ну вот, уже начинаете гадать, а мы даже не начали исследование, – патологоанатом втягивает щёки, – некоторые всегда хотят начать с другого конца.

Я с облегчением выдыхаю, когда прикасаюсь пальцами к холодной стали табуретки. Я опускаю тело и закрываю лицо ладонями, пока парень с прыщами на шее всем на радость заканчивает своё безмозглое рассуждение: – Он не мог жить после того, что совершил, так что прыгнул за ними в море.

– Ну, достаточно чепухи, – прерывает его патологоанатом и обращается к Астрид, – а что, кстати, говорит сам самоубийца? Вы знаете?

– Он пока ещё не был допрошен, – отвечает Астрид. Я прижимаю ладони к лицу и чувствую, как включаются один за другим болевые

рецепторы, и всё лицо горит от боли.

– Но, как вы понимаете, – продолжает она, – ему мало что есть сказать.

– Хорошо, ребята. Хватит с нас болтовни, дорогие мои. – Патологоанатом хлопает в ладоши. Я в последний раз делаю глубокий вдох и встаю с табуретки, а патологоанатом наклоняется над мёртвым телом Расмуса Моритцена.

– Давайте начнём вскрытие.

Глава 47

– Сначала мы фиксируем, что на умершем надето, – патологоанатом наклоняется над головой Расмуса Моритцена на столе, – в данном случае это просто. На умершем водолазный костюм. Без ласт и остального оборудования.

Костюм с ног до головы покрыт дырками и прорехами. Криминалист Астрид делает фотографии и по ходу записывает детали, а патологоанатом проводит измерения и наблюдения. Тело аккуратно переворачивают на живот. Несколько бледных безжизненных морских звёзд осели во впадине на затылке. Кожа там еще серее, почти коричневая, а волосы вырваны или соскоблены.

– Что это? – прыщавый парень указывает на впадину.

Патологоанатом бросает на него взгляд:

– Травма головы, – язвительно замечает он и несколько бесконечно долгих секунд смотрит на студента, – мы ещё к ней вернёмся.

Он внимательно смотрит на повреждения на спине и попутно консультируется с коллегой. Когда они заканчивают, тело снова переворачивают на спину, после чего снимают с него водолазный костюм.

Зрелище напоминает куклу с набитыми песком конечностями. Руки и ноги болтаются, когда патологоанатом с хирургом снимают с тела костюм. В какой-то момент им приходится привести тело в сидячее положение. Голова Расмуса с тяжестью отклоняется назад, рот широко открыт, а челюсти слегка ходят из стороны в сторону, пока они стягивают с него костюм. Одна из морских звёзд отклеивается, соскальзывает по мокрым волосам вниз и шлёпается о металлическую поверхность. Хирург поднимает её и бросает в жёлтый мусорный ящик у изножья стола.

После того как тело снова уложили, патологоанатом аккуратно приподнимает голову и кладёт её в то же положение, что и вначале, слегка запрокинув и с открытым ртом. Водолазный костюм и нижнее бельё тщательно удаляют, так что Расмус остаётся совсем голым. Снова проводят замеры и делают фотографии, от ног и выше. Каждое пятно и порез фиксируют и присваивают ему категорию.

Когда они добираются до головы, хирург большим пинцетом удаляет оставшиеся вокруг впадины на затылке морские звёзды и одну за другой бросает их в мусорный бак. Под звездами кроется открытое повреждение, в котором виднеется черепная кость.

– Это произошло ещё при жизни? – Астрид наклоняется над раной с фотоаппаратом и делает три фотографии с трёх разных позиций.

– Возможно, – патологоанатом оmyвает рану душем, после чего губкой очищает её от водорослей и прочей морской живности, – в таких случаях трудно определить, особенно когда речь о повреждениях головы. Посмотрим, что нам скажет анализ тканей.

– Это мог быть лодочный мотор?

– Нет, – отвечает врач, – тогда раны на голове и шее были бы крупнее, и их было бы больше.

– О чём говорит повреждение тканей?

Он пальцем проводит по ране.

– Покров ровный, никаких повреждений самого черепа. Похоже на обычный короткий удар. Когда мы установим, удар это или противоудар, сможем лучше понять, имело тут место падение или тело находилось в неподвижном состоянии и по нему ударили.

– А что первым приходит в голову?

– Повреждение от удара, – отвечает патологоанатом, понизив голос, – но мы установим точнее, когда достанем мозг. Ну, мальчики и девочки, идём дальше. Будем вскрывать. Здесь мы используем метод комплексного извлечения: сначала вытащим все органы из груди и переложим их в чашу, а потом займёмся органами живота.

Хирург достаёт острый скальпель и наклоняется над торсом Расмуса. Он производит глубокий разрез вдоль ключицы, от плеча до плеча. После этого он берётся за кожу и стягивает её до подбородка, оголяя полосы серо-жёлтого подкожного жира и светло коричневой плоти.

Затем хирург делает разрезы с каждой стороны тела, от подмышечной впадины до подвздошной кости. Рёбра перерезают специальными ножницами, загнутыми вниз в виде клюва, после чего хирург кладёт их на стол и приподнимает весь комплект рёбер целиком. Тяжёлый едкий запах сочится из открытой грудной клетки и ударяет в ноздри.

Видно, как хирург связывает крупные сосуды, после чего органы вынимаются из груди все вместе: лёгкие, сердце, печень и желчный пузырь, поджелудочная железа, селезёнка и почки попадают на стол, где их отделяют друг от друга. После этого их оболочки, полости, неровности, артерии, фиброзные ткани, лимфоузлы и нервные узлы тщательно исследуют, а сами органы взвешивают. После этого берутся пробы на посев и химические анализы.

– Итак, – обращает на себя внимание патологоанатом и поднимает в руках лёгкие. Они вздулись, выглядят, как мраморные. Цвет у них серо-

голубой с тёмно-красными пятнами, и когда врач слегка на них надавливает, из них льётся прозрачная жидкость, – что есть утопление?

– Удушье, наступающее в результате погружения носа и рта под воду, – отвечает прилежный студент из первого ряда высоким писклявым голосом.

– Под воду?

– Это может быть любая жидкость, – поправляет его другой студент.

– Кто объяснит механизм утопления? – продолжает спрашивать патологоанатом, позволяя стоящим спереди студентам прикоснуться к легким, которые держит в руках.

Студент с прыщами на шее отвечает:

– Когда нос и рот находятся под водой или в другой жидкости, человек пытается выбраться, чтобы снова можно было дышать. Постепенно попытки становятся вялыми, потому что он устаёт, и утопление начинается, как только человек уже не в состоянии сдерживать воздух: жидкость поступает в лёгкие, сопровождаемая острым кашлем и рвотой, и это приводит к потере сознания с последующей смертью в течение нескольких минут.

– Нет никаких строгих признаков утопления, – говорит патологоанатом, – поэтому важно установить, был пострадавший жив или нет, когда упал в море, попутно исключая очевидные естественные факторы. Итак, ребята, что мы будем искать?

– Белая пена в дыхательных путях, во рту и в носовых ходах может сообщить сам, был ли жив потерпевший, когда попал в воду, – гордо произносит прыщавый парень.

– Ну, дорогой студент, – патолог жестом приглашает выйти к мёртвому телу, – не будете ли вы так любезны нам это продемонстрировать?

Студент делает шаг вперёд и наклоняется над трупом Расмуса, который лежит со вспоротой грудью, пустыми глазницами и открытым ртом. Теперь мне трудно представить того парня в шортах команды Ливерпуль, который стоит и жарит гриль вместе с мамой и её родителями. Это уже не он, это что-то другое, думаю я, пока прыщавый парень упирается руками о колени и наклоняется над мёртвым телом. Сначала он заглядывает в рот, а потом запрокидывает голову трупа так, чтобы можно было заглянуть в ноздри.

– Для тех из вас, кто действительно читает книги по учебной программе, – сообщает врач, насмотревшись на прыщавого студента, который все это время неуклюже пытался заглянуть в дыхательные органы умершего, обливаясь потом, – довольно очевидно, что подобные изощрения – бездарная трата времени для обеих сторон. Гниение за короткое время

разрушает пену в дыхательных путях, на смену которой приходит тёмно-красная пузыряющаяся жидкость. Это – ложная пена, которую наш дорогой друг сейчас вдыхает, выставляя себя дураком перед всей своей группой.

Парень поспешно выпрямляется и пристыжённый возвращается в ряд.

– Может быть, проверить, есть ли в лёгких вода? – предполагает другой студент.

Патологоанатом кивает:

– Но жидкость в лёгких будет такая же, как и та, что появляется при отёке из-за сердечной недостаточности, передозировке препаратами или травме головы. Так что, какие ещё признаки?

– Посторонние предметы в дыхательных путях, лёгких и животе.

– Да, похоже на утопление, но вода будет затекать в глотку, трахею и широкие отделы дыхательных путей и после того, как человек умер, немного попадёт даже в пищевод и желудок. Но до альвеол не дойдёт, так?

Он надавливает на лёгкие пальцами, как будто пытаясь нащупать что-то, расположенное глубоко внутри.

– Вот, – наконец говорит он, – потрогайте здесь.

Ближайшие к нему студенты наклоняются, чтобы пощупать в тех местах, на которые большими пальцами указывает врач.

– А что такое альвеолы?

– Пузырчатые структуры в бронхах, через которые кислород поступает в кровь. Иногда можно распознать просто на ощупь, но лучше взять фрагмент лёгкого и посмотреть под микроскопом, чтобы подтвердить находку. И я иногда ошибаюсь, – саркастически отмечает он, после чего опускает лёгкие в чашу вместе с прочими грудными органами.

Патологоанатом поворачивается к Астрид, она записывает что-то в блокнот: – Что-нибудь добавите? – Астрид качает головой, и тот продолжает: – Ну, переходим к области живота.

Хирург делает необходимые разрезы и вынимает из живота трясущийся желеобразный комок, состоящий из желудка и кишок, которые он кладёт на длинный рабочий стол сбоку от трупа. Тяжёлый тошнотворный смрад, запах крови и кала, смешавшийся с гнилым запахом морских водорослей подступает к органам обоняния, и становится тяжело дышать даже ртом.

– Это самая чувственная часть вскрытия, – говорит врач. Он достаёт ковш и мерную чашу и передаёт их хирургу. Тот начинает переливать красно-коричневую жидкость из брюшной полости в чашу, а патологоанатом подходит к комку из внутренностей.

– Малое количество воды в желудке может свидетельствовать о том,

что потерпевший умер быстро или что был уже мёртв, когда попал в воду.

Патологоанатом достаёт скальпель, отделяет желудок от кишок и зажимами закрепляет надрезанные места. Потом он вспарывает желудок с помощью ещё одного надреза и выливает содержимое в стоящую перед ним чашу.

Полость живота наполнена зеленовато-бронзовой жидкостью, в которой плавают несколько крошечных моллюсков, они всё ещё живы и кружатся в чаше.

– Тут наши находки говорят сами за себя, – констатирует он и продолжает осмотр органов, обращаясь с ними с такой же выверенной точностью, как и с органами грудной клетки. – Как вы себя чувствуете?

– Хорошо, – в унисон отвечают студенты, после чего патологоанатом делает шаг в сторону и смотрит прямо на меня.

– А у тебя? Тихая мышка на заднем ряду, – он показывает на меня окровавленным пальцем, – у тебя тоже всё хорошо?

Я киваю.

– Не появилось вопросов?

Я качаю головой.

– Нехорошо? Устал? Похмелье? Или просто день неудачный?

– День неудачный.

– Видишь ли, в нашей профессии такого допускать нельзя. Плохих дней быть не должно. Понятно?

Я киваю, и патологоанатом обращается ко всему классу:

– Сначала расправимся с мозгом, а потом будет обед.

Он делает знак хирургу, тот тщательно моет руки в жёлтых перчатках в умывальнике. После этого он надевает защитные очки, берёт электропилу со стены и встаёт у изголовья стола.

– Пока он пилит, держитесь на расстоянии, – предупреждает патологоанатом. – Группа делает пару шагов назад. Астрид тоже отходит назад и закрывает линзу камеры рукой.

Хирург откладывает пилу в сторону и скальпелем делает длинный разрез на затылке. Он берёт кожу и снимает её с черепа. Потом режет вплоть до лба, чтобы была видна черепная коробка, откладывает скальпель и снова заводит электропилу.

Гул электропилы режет слух, и к ноздрям подступает резкий запах. Хирург пилит ровно и точно до тех пор, пока не просверливает череп насквозь. Я ладонью зажимаю нос, а хирург отрезает нервные волокна, за которые держится мозг, после чего вынимает его и кладёт перед собой на стол.

Астрид берёт камеру, подходит и делает снимки, а патологоанатом кладет мозг на стол, развернув его к себе продольной стороной.

– Ушиб затылочной доли, – говорит он и кончиком скальпеля показывает на точку на затылке, где находилась впадина в черепе. – Что нам сообщает возможное наличие противоударного ушиба в лобной доле или же его отсутствие?

– При неудачном падении, – делает прыщавый парень скромное предположение и выдвигается вперёд из-за спины сокурсника, – часто можно обнаружить соответствующий противоудар в лобной доле. Если же пострадавший, напротив, находился в покое, то лобная доля останется без повреждений.

– Ну что, волнуетесь? – патологоанатом разрезает мозг на две части одинаковой толщины и кладёт перед собой внутренними частями кверху. Кончиком ножа он указывает на завитки лобных долей. – Чистые и красивые, – говорит он, – никаких признаков повреждений.

Патологоанатом внезапно тычет скальпелем в направлении меня.

– Эй ты, уставший. Как тебя зовут?

– Аске, – отвечаю я послушно и стараюсь выпрямиться и спокойно дышать через повязку.

– Хорошо, Аске. Что мы сегодня узнали? Вернее, так: что сегодня узнал ты? Расскажи-ка нам.

Я откашливаюсь, а студенты отшатываются от меня, как будто догадываясь, что это закончится очередным словесным унижением: – Что полиция была права. Тут явно произошло что-то подозрительное.

– Да? Почему же? – патологоанатом откладывает скальпель и скрещивает руки на груди. Астрид отрывается от своих записей и с интересом смотрит на меня сквозь толпу студентов. – Почему не неудачное погружение? Упал и утонул?

– Ушиб говорит о том, что резких перемещений не было. Это исключает падение, – отвечаю я и откашливаюсь, чтобы легче дышалось, пока я говорю, – а учитывая обстоятельства и тот факт, что он был привязан к женской руке...

– То есть ты хочешь сказать, что мы можем исключить кессонную болезнь, острый отёк лёгких, пневмоторакс и газовую эмболию как причины смерти?

Я киваю, едва ли понимая, что всё это значит.

Патологоанатом долго стоит и смотрит на меня, в итоге заключая:

– Странные рассуждения для студента медвуза, – он водит пальцами в воздухе, – ну, Аске, – патологоанатом слегка наклоняет голову, – тогда что

же, мы можем здесь закончить и отправить Астрид арестовать за убийство беднягу-суицидника, лежащего в нефрологии, или как?

– Сомневаюсь, что это поможет, – шепчу я, но меня снова перебивают.

– Кажется, наш Аске насмотрелся криминальных сериалов вместо чтения учебников по программе. Как многие из вас, он не понимает, что наша работа заключается в том, чтобы выявлять и документировать замеченные нами патологии, прежде чем мы зашьём тело и отправим его обратно в морозильную камеру. Всё, работа окончена. Патологоанатома, разгадывающего причину убийства, мы можем увидеть только по телевизору, когда приходим домой с работы и хотим поесть попкорна, глядя своего кота. А в жизни у нас здесь рутина. Плоть и кровь. Трупы, которые надо резать. Дар разгадывания причины смерти заключается в знаниях, Аске. В знаниях, а не в смутных догадках и бредовых домыслах.

Наконец он прекращает водить пальцами, снимает перчатки и бросает их в мусорку вместе с повязкой.

– Ну, мальчики и девочки, я устал общаться с пустоголовыми лентями. Пора обедать. После перерыва – гистология.

Он подходит к Астрид, которая уже запаковывает камеру, и тихо шепчет:

– По какой-то причине каждый раз после этих сеансов мне требуется плитка «Тоблерона». Что думаешь?

Глава 48

Я, шатаясь, выхожу из кабинета и срываю с себя спецодежду и ботинки в раздевалке. Когда сюда заходит следующий, я уже стою в коридоре. В лифте я снимаю перчатки, сетку для волос, штаны и повязку и скручиваю их в комок, который кладу в тележку прачечной у грузового лифта, возле медицинского поста отделения нефрологии.

Пожилого мужчины у окна уже здесь нет, хотя его одежда всё ещё на месте, а кровать не заправлена. Я разворачиваюсь и иду в ванную, где встаю перед зеркалом. Лицо серо-белое, глаза бледные, почти безжизненные. Волосы походят на неудавшееся гнездо, построенное парой птиц, которым уже на все наплевать, а щетина на нездоровой коже напоминает шипы глубоководной рыбы.

Я пытаюсь улыбнуться, напрягаюсь, чтобы изобразить на лице одну из базовых человеческих эмоций, но ничего не происходит. Мышцы лица не могут занять нужную позицию. Вдруг я понимаю, что видимое мной в зеркале – это посмертная маска. Копия лица. Напоминание о том, что когда-то было мной, о том, что я должен носить с собой, куда бы я ни пошёл.

Я достаю одноразовое лезвие, которое лежит у меня в сумке, и начинаю бриться, кропотливо снимать щетину с каждой бороздки и каждого шрама, сначала на щеке со шрамами, потом на противоположной. Закончив, я раздеваюсь и иду в душ.

Вода холодная, я встаю прямо под струю, закрываю глаза и намыливаю тело, лицо и волосы, пытаюсь смыть с себя тяжёлый удушливый запах кабинета аутопсии.

Пока я моюсь, представляю себе образ Расмуса Моритцена. Не ту мертвую оболочку без мозга и внутренностей, каким я только что видел его на металлическом столе в кабинете аутопсии, а собирательный образ юноши с фотографии Арне Вильмюра и Аникен Моритцен и того безжизненного тела на борту спасательного вертолётa. Расмуса Моритцена убили. Расмус Моритцен был привязан, нет, намертво прикреплён к женщине, которую я нашёл на острове с маяком. Бьёрканга и сержанта всё ещё нет, и полиция думает, что они тоже приплыли на маяк. Это значит, что все, кто знает или контактировал с женщиной, которую я нашёл в море, либо умерли, либо пропали.

Закончив, я снова подхожу к зеркалу, на котором указательным пальцем рисую круг. Я добавляю глаза, нос и полоску рта и наклоняюсь к

нему.

– Кроме меня, – говорю я рожице в зеркале, она вяло улыбается в ответ. По углам начинают собираться капельки конденсированного пара, – и тебя.

Преступник. Гюннар Уре и следователи с места преступления были правы как минимум в этом. Здесь есть преступник. Тот, кто вышел из моря и забрал с собой труп, наверняка тот же человек, что убил Расмуса.

Я прислоняюсь лбом к стеклу. Капли воды на зеркале стали крупными и начинают скатываться вниз, задевая глаза, нос и линию рта нарисованной рожицы, будто слёзы.

– Поэтому ты спустил женщину без лица в подвал танцклуба, потому что знал, что я не покину это место живым? – спрашиваю я исчезающее лицо на стекле. – Это такая игра? Информация и манипуляция? Об этом идет речь?

Я стою напротив зеркала до тех пор, пока вентиляция не высасывает из комнаты всю влагу, и стекло снова становится сухим.

– Ну, хорошо, – продолжаю я, не отрывая взгляда от зеркала, – тогда сыграем.

Я разворачиваюсь и выхожу из ванной.

Глава 49

Я подхожу к стулу, на котором всё ещё висит куртка пожилого мужчины, роюсь в карманах, пока не нахожу мобильный телефон. Я несущу его с собой к кровати и набираю номер Ульфа.

– Привет, Ульф. Это я. Твой любимый пациент.

– Ты хоть представляешь, через сколько дерьма...

– Как дела в Ставангере? – спрашиваю я, останавливая надвигающуюся бурю бранных слов.

– Почему бы тебе не взять толстую палку и просто воткнуть её... – его обычно по-терапевтически спокойный бергенский тембр голоса на этот раз яростно гремит, – прямо себе в задницу, птенец ты недорезанный! Рут в ярости от того, что я вообще согласился взять тебя под своё крыло и...

– Рут? Кто такая Рут?

Тирада Ульфа на секунду смолкает, и он отвечает немного спокойнее:

– Ну Рут, моя гражданская жена. Мы встретились как коллеги на недавней конференции в Драммене.

– Я думал, её зовут Сульвейг.

– Нет, – откашливается Ульф, – Сульвейг съехала в тот же день, когда ты отправился на север. Забрала с собой Фриду и уехала домой в Берген.

– Извини.

– Ну а что тут сделаешь, тут и говорить нечего. Всякое бывает. И с психиатрами тоже, – он наполняет лёгкие сигаретным дымом. – Итак. Что происходит, Торкильд Аске? Не мог бы ты мне рассказать? Что ты там наделал?

– В смысле?

– Послушай, – Ульф снова в шаге от того, чтобы взорваться, но всё-таки сдерживается, делает глубокий вдох и продолжает: – Пару минут назад я закончил говорить с неким доктором Вейдманом из нефрологического отделения университетского госпиталя Трумсё. Он хотел получить информацию о пациенте, которого ночью привезли в травмотологию. Мой родной Торкильд Аске, который, как они утверждают, добровольно бросился в море, наглотавшись моих таблеток. Моих таблеток!

– Ну, формально таблетки были мои, – поправляю я, – к тому же в море я так и не утонул.

– Что?! Что!! Да как ты... – на этот раз Ульфу не удаётся сдержать

свою ярость. Он произносит гневную речь и сыплет всевозможными угрозами, начиная от преднамеренного убийства и заканчивая принудительным лечением в психбольнице с приёмом лошадиных доз парацетамола и труксала, и после этого наконец успокаивается и снова готов говорить: – Итак, – он снова делает вдох, – что происходит?

– Я нашёл Расмуса в море. Его убили.

– Убили?!

– Согласно вскрытию, у него констатирован ушиб головы и смерть от утопления. Его тело было крепко привязано к оторванной женской руке, и я предполагаю, что это та же женщина, которую я нашёл на маяке.

– Вскрытие?! Женская рука? Что за... – Ульф останавливает и делает глубокий вдох, – так, так, так, – увещевает он между вдохами и выдохами, – мы можем поговорить об этом позже. Так. Рассказывай. Как дела у тебя?

– Только что сделал клизму.

– Хорошо, хорошо, – бормочет Ульф безучастно и зажигает новую сигарету.

– Ульф, – говорю я, – я не думал, как всё это...

– Эй, эй! Не сейчас. Обсудим, когда приедешь домой. Ведь ты приедешь, так?

– Ещё рано.

– Что?! Ты должен вернуться обратно в Ставангер как можно скорее. Ситуация полностью вышла из-под контроля, тебе не место в уголовном расследовании. Я сейчас же позвоню Анникен и скажу, что всё зашло слишком далеко, и что ты больше не можешь ей помочь. Так что сегодня ты едешь домой.

– Не получится, – сразу возражаю я, – у меня завтра допрос в полиции, его не избежать.

– Допрос? – голос Ульфа становится чуть мягче, – но почему?

– Они нашли кровь одного из пропавших полицейских, собирая улики на острове. Вероятно, они нашли что-то ещё, что напрямую связано с одним из полицейских.

– Ну а при чём тут ты?

– Эта улика связывает Бьёрканга и сержанта с островом в тот вечер, когда там находился я.

– И?

– Ты что, не слышишь, что я говорю? Двое полицейских пропали после того, как отправились в море на встречу с психически нестабильным бывшим полицейским с суицидальными мыслями, у которого повреждён мозг и который только что вышел из тюрьмы.

– Чёрт побери.

– Теперь всплывёт всё, – продолжаю я, – Фрей, вся эта заваруха, вне зависимости от того, виновен я или нет. – Я секунду колеблюсь и потом продолжаю: – Она снова была там, когда я туда ездил. Не Фрей, а женщина без лица. Она сидела в клубе в подвале. Думаю, как минимум поэтому я должен снова туда вернуться. Я должен увидеть, узнать, где проходит граница. Граница между фантазией и реальностью. Перед тем, как я зайду в комнату для допросов.

– Теперь понимаю, – говорит Ульф и тушит сигарету, недовольно выдыхая дым, – я могу что-нибудь для тебя сделать?

– Да. Вытащить меня отсюда.

Ульф прочищает горло.

– Хорошо. Где ты?

– В нефрологии. Они не хотят говорить, когда меня выпишут.

– Ясно, ясно, – увещевает он сам себя. Это такая своеобразная мантра, чтобы отрегулировать уровень стресса, – если они диагностируют у тебя суицидальные наклонности, психоз или обнаружат признаки серьёзного психического заболевания, то попробуют применить статью о принудительном лечении, чтобы засунуть тебя в интенсивный психиатрический стационар на наблюдение.

– И сколько я должен буду там провести?

– До десяти дней.

– У меня нет на это времени.

– Боюсь, у тебя нет выбора.

– Помоги мне, Ульф, – молю я, а в коридоре раздаются шаги, приближающиеся к моей комнате, – помоги мне, чёрт возьми.

– Слишком поздно, Торкильд, – вздыхает Ульф, – На этот раз ты слишком крепко попался в лапы системы, чтобы я мог тебе помочь. Используй эти десять дней, Торкильд, думаю, они тебе нужны, учитывая всё, что случилось. Может быть, я мог что-нибудь сделать, чтобы сократить время, это вполне возможно, если ты просто...

– Время уже вышло, Ульф, – шепчу я, когда дверь открывается и врач заглядывает в палату.

– Торкильд, – слышу я крики Ульфа, собираясь уже закончить разговор.

– Да, – я снова прикладываю телефон к уху, – что такое?

– Давай только без фокусов.

– Фокусов?

Глава 50

– Ты вернулся, – говорит доктор, заходя в комнату. В одной руке у него чашка кофе, а в другой – коричневый конверт, который он держит у подбородка, как веер. Он говорит на восточном диалекте, у него седые волосы, и он одного со мной возраста.

– В смысле?

– Мы уже давно ждём.

– Был в туалете, – отвечаю я, – живот болит.

Врач чешет нос, а я пытаюсь изобразить на лице необходимую гримасу, чтобы всё это звучало одновременно неловко и правдоподобно. Запах кабинета аутопсии всё ещё висит в воздухе. Кажется, он уже пропитал постельное бельё и стены.

– Где твоя одежда?

– Её разрезали в приёмной травматологии и сложили в мешок, он где-то здесь.

– Кто-нибудь может привезти тебе одежду?

– Нет.

Доктор опускает взгляд на свою обувь.

– Хорошо, – говорит он через некоторое время, – я посмотрю, может быть, мы можем достать для тебя что-нибудь в комнате утеранных вещей.

Он садится на кресло у кровати.

– Как ты себя чувствуешь?

– Как старик, – лаконично отвечаю я.

– Доктор Вейдманн, – он протягивает мне жилистую загорелую руку с идеально ухоженными ногтями.

– Пациент Аске, – отвечаю я и ложусь на кровать. Я внезапно чувствую тяжесть в теле. Я страшно устал. – Ну что, – продолжаю я, когда ритуалы вежливости закончены, – стало быть, я выздоровел? Быстро, однако.

– Однако. – Доктор Вейдманн вздыхает и продолжает: – Мы решили направить тебя в психиатрическое отделение Оггорда на наблюдение, учитывая, что...

– Нет, спасибо, – отвечаю я и улыбаюсь так широко, как позволяют мышцы лица, – *Just dropped in to see what condition my condition was in*^[31]. Теперь мне надо двигаться дальше.

– На нашей стороне закон.

– Какой закон?

– Принудительное направление следует из параграфа 3.2 закона об обеспечении психического здоровья и обязывает тебя пройти обследование сроком до десяти дней.

– Почему?

Он удручённо смотрит на меня, я замечаю красные сосуды в его глазах:

– Учитывая то, что произошло, мы обеспокоены, что ты можешь сам причинить себе увечья.

– А?

– Вот, – он передаёт мне конверт. Я взвешиваю его на ладони и смотрю на доктора, который так глубоко погружается в кресло, что вот-вот сложится вдвое.

– Я могу вскрыть конверт?

– Да, конечно. В нем официальное письмо о решении принять меры принудительного лечения и положить тебя в психиатрический стационар, а также ссылки на правовые основания.

На улице темнеет. Я слышу, как за окном дует сильный ветер. Одновременно с этим я вижу, что в дверном проёме появились двое мужчин. Один из них молодой и с короткой стрижкой, другой постарше и острижен наголо. Оба выглядят как обладатели пожизненных абонементов в клубе штангистов, а также докторских степеней в мастерстве физической конфронтации.

– Кто они?

– Они здесь, чтобы помочь.

– Тебе?

Вейдманн качает головой.

– Нет, в данном случае – тебе.

– Помочь с чем?

– С чем угодно.

– Когда я уезжаю?

– Сейчас, ну или тогда, когда ты будешь в состоянии ехать.

– Я могу отказаться?

– Да.

– Отлично. Я отказываюсь.

– Но... – Вейдманн снова поднимает руку, как будто это белый флаг, – но... – повторяет он со вновь обрётённой силой воли, – тогда тебя отвезёт полиция.

– Нет, я поеду сам.

– Такси или «скорая»? Наши Йорн и Йорген тебя сопровождают.

– У меня нет денег.

– Мы это организуем.

Я удручённо развожу руками:

– Кажется, у меня нет выбора.

– Прекрасно.

Доктор Вейдманн встаёт с кресла и тащится к двери, а двое «помощников» заходят в комнату и, улыбаясь, встают передо мной. Это не те тёплые, радушные улыбки, с которыми встречают друзей, это два холодных намёка: «Ну вот, мы стоим напротив тебя, парня без штанов, который может угодить в психушку и которому нечего терять, так что мы улыбаемся».

Я благоговейно кладу руки на коричневый конверт и улыбаюсь в ответ. Настолько дружелюбно, насколько вообще способен, приняв во внимание обстоятельства.

– Эй, – кричу я Вейдманну, когда он уже шагает за дверь.

– Что? – он останавливается и поворачивается.

– Вы можете дать мне полчаса? – я бережно кладу руку на живот и строю гримасу, – кажется, мне снова нужно в туалет из-за клизмы.

– Конечно, – отвечает он, – а я пока посмотрю, не найдётся ли для тебя новой одежды.

Двое мужчин остаются стоять прямо у двери, а я встаю с кровати, сутуло ступаю по линолеуму в ванную, закрываю за собой дверь и включаю кран на полную мощность.

Я сажусь на унитаз и достаю мобильник старика, который всё ещё держу в руке. Пришло время брать на себя ответственность и проявлять инициативу, как Гюннар Уре любил говорить, когда наша команда сдавала позиции в спортивных матчах против адвокатской конторы.

– Торкильд? – задыхаясь, шепчет Лиз, когда слышит мой голос. – Эх ты. Я так испугалась...

– Потом, сестра, – шепчу я в трубку так тихо, как только могу, – мне нужна твоя помощь. Сейчас, немедленно.

Глава 51

Огромная коробка с потерянными вещами в отделении нефрологии, видимо, самая убогая из всех коробок, куда только можно засунуть руку, ну или это странный врачебный юмор доктора Вейдманна, который мне не понять.

Я одет в тесные тренировочные штаны из спандекса, с синими и зелёными полосками на внешней стороне бёдер, какие обычно носят наркоманы, музыканты, играющие тяжёлый рок, или молодёжь из стран восточного блока. Сверху на мне толстый серо-белый шерстяной свитер с воротником. Он колется и едва достаёт до линии талии, так что мои лобковые волосы и пупок оголяются, когда я встаю.

На ногах у меня пара застиранных, изношенных и замызганных кроссовок. Мою собственную одежду, сырую и порезанную, мне выдали в полиэтиленовом продуктовом пакете. Я чувствую себя, как парень с плаката северонорвежской антигероиновой кампании, когда иду по коридору нефрологического отделения к лифту с улыбающимися сторожами Йорном и Йоргеном по бокам. Они сопровождают меня к главному входу и посадят в такси до Осгорда. Там находится психиатрическое отделение университетского госпиталя северной Норвегии, в западной части Трумсё.

Кажется, моим спутникам, Йорну и Йоргену, нравится неловкое молчание, которое возникает между нами в лифте: никаких взглядов, никаких слов, только холодные улыбки, как будто они участники состязания, в котором тот, кто первым заговорит или продемонстрирует другие человеческие качества, – проиграл.

– Эй, слушай, – я обращаюсь то ли к Йорну, то ли к Йоргену, стоящему справа от меня. Он не отвечает, просто смотрит на меня в ожидании продолжения.

– Знаешь, что это: красное и говорит буль-буль? – шепчу я, не отрывая взгляда от двери лифта. Лифт останавливается, дверь открывается, но никто не заходит, – не знаешь?

Дверь закрывается, и лифт продолжает ехать вниз.

– Ну, позволь мне не томить тебя в ожидании дольше, чем необходимо. Это всего-навсего... – я выдерживаю небольшую паузу и продолжаю, – последний шанс. У тебя ещё один шанс угадать, что это.

То ли Йорн, то ли Йорген справа от меня всё ещё не отвечает, а Йорн

или Йорген слева от меня и глазом не ведёт, только слушает, всё так же сосредоточенно изображая статую.

– Ладно, сейчас скажу... Красный буль-буль! – восклицаю я и слегка толкаю его в плечо, смеясь и прихлопывая ладонью по мягкому полиэтилену продуктового пакета.

Лифт снова останавливается, и Йорн и Йорген подают знак, что мы на нужном этаже и мне нужно выходить. Мы выходим в светлый холл и идём по широкому коридору к большому фойе, которое, видимо, и является вестибюлем, но самой выходной двери не разглядеть в толпе.

– А ты? – я слегка пихаю в плечо другого Йорна или Йоргена, того, что слева, – ты знаешь, что это: красное и говорит буль-буль?

Он тоже не отвечает, просто идёт уверенной походкой по коридору мимо колясочников, беременных девушек-подростков, пациентов в гипсе и повязках и их родственников.

– Вот-вот, – говорю я и киваю, когда мы проходим мимо двух мужчин у лестницы, которые готовятся менять лампу на потолке, – и я сказал то же самое, – продолжаю я, – но это ошибка. В этом вся и шутка. Это не красный буль-буль. Не в этот раз. Это брусника на лодке с подвесным мотором. Понимаешь? Ответ каждый раз меняется, так что выиграть невозможно, – я снова слегка пихаю его в плечо, – выиграть просто невозможно.

– Эй, – тихо говорит Йорн или Йорген справа, – давай-ка мы все немного успокоимся. Хорошо?

Напротив лестницы и мужчин, меняющих лампу, расставлены красные стулья в ряд, а за ними – полуметровая ширма, к которой прикреплены пластиковые цветы. За ней находится огороженная зона, где пациенты и родственники группами сидят за столами. Кто-то читает газету, другие едят или разговаривают по мобильным телефонам.

– Да, да, конечно, – отвечаю я, – я только хотел объяснить, как одна и та же загадка...

– Да мы поняли, – Йорн или Йорген слева слегка поднимает голос, – выиграть нельзя, потому что ответ каждый раз меняется.

– Именно, – смеюсь я и совсем легонько хлопаю его по плечу, – выиграть просто нельзя. Сколько бы раз ты ни пытался.

Я снова поворачиваюсь к нему, как будто собираясь ещё раз безобидно пихнуть, но вместо этого всей силой наваливаюсь на него и толкаю в сторону стульев, на которых сидят пациенты с родственниками, так что он заваливается за ширму с пластиковыми цветами и падает между столами с обратной стороны. После этого я швыряю жёлтый пакет с моими сырами

разрезанными вещами прямо в лицо Йорну или Йоргену справа, он отрывается от моего плеча и делает шаг назад, попадая прямо в лестницу, на которую уже начал забираться один из рабочих с новой люминесцентной лампой в руке. Лампа падает и разбивается об пол, когда мужчина пытается ухватиться за лестницу.

Сам я хватаю пакет с вещами с пола начинаю бежать.

Я сворачиваю влево, огибаю зону отдыха и несусь прочь, следуя за группой людей у входа в аптеку. Они идут по коридору, который, похоже, ведёт к выходу. К сожалению, оказывается, что это не так, и коридор просто ведёт вниз, к коридору поменьше.

Я резко разворачиваюсь, собираюсь бежать обратно, но Йорн или Йорген, тот, что помоложе, сбивает меня с ног, так что мы оба падаем на пол и сбиваем картонный стенд с рекламными проспектами у аптечной двери.

Я карабкаюсь, приподнимаюсь и бросаю бутылку с кремом от загара, продающимся за полцены, прямо в лицо младшему Йорну или Йоргену, когда тот пытается накинуться на меня сверху. Затем я встаю на ноги и бегу к стойке информации, где висит крупная табличка и указатель со стрелкой на выход.

Тут я замечаю старшего Йорна или Йоргена. Он стоит посередине между мной и каким-то столбом. Выход прямо за его спиной. Он опёрся руками о бёдра и смотрит на меня бешеными глазами, как раззадоренный бык. Его взгляд заставляет меня замедлить бег, и в моей голове возникают картины поединков из старых вестернов, в которых местные жители, в данном случае – толпа инсультников и больных раком, которые хотят покурить, отчаянно разбегаются во все стороны, пока на пыльной главной улице не остаётся только двое дуэлянтов. Проблема только в том, что ни у кого из нас нет оружия, если только кто-нибудь из нас не отберёт у кого-то из толпы ходунки или возьмёт флакон с кремом от бородавок из аптеки.

Я снова начинаю движение, но не в сторону поджидающего меня быка, вместо этого я делаю диагональ вправо, к столам в зоне отдыха, и бегу обратно к коридору, из которого мы вышли. Боковым зрением я вижу, что старший Йорн или Йорген пробивается через толпу, чтобы перерезать мне путь.

Я преодолеваю ширму и бегу к лифтам, надеясь, что один из них сейчас откроется и заберёт меня отсюда. Я бросаю взгляд назад и вижу, что и Йорн, и Йорген всего в паре метров от меня. Мне ни за что не успеть закрыть дверь, прежде чем они меня схватят. Я распахиваю стеклянную дверь сбоку от лифта, захлопываю её и держусь за ручку, тяжело дыша. По

моему лицу стекает пот.

По ту сторону стекла Йорн и Йорген вжались в дверь, тоже пыхтя и задыхаясь. За моей спиной замолкает гул собравшихся за стойкой людей.

– Вам помочь? – молодая девушка в белом наклоняется над стойкой.

У меня не хватает ни дыхания, ни времени, чтобы ответить. Вместо этого я отпускаю дверь и бегу вдоль короткой стены, а стеклянная дверь за мной распахивается.

Я открываю ещё одну такую же дверь в противоположном конце комнаты и возвращаюсь в коридор, только теперь с другой стороны от лифтов. Я снова оббегаю первую стеклянную дверь, но тут её распахивает младший Йорн или Йорген. Я отпрыгиваю в сторону, когда он пытается меня схватить, его пальцы касаются гладкого спандекса на моих спортивных штанах, но я ускользаю. Может быть, поэтому такие штаны столь популярны у рокеров, наркоманов и восточноевропейской молодёжи; схватить человека в таких штанах так же сложно, как на ходу схватить сосиску высотой почти в два метра.

– Остановись, чёрт возьми, – шипит старший Йорн или Йорген за моей спиной, а я хватаю покрепче свой пакет с одеждой и несусь дальше, в сторону выхода.

Холодный воздух бьёт в лицо будто лопатой и продувает свитер насквозь, но я не сбавляю ход. Справа от меня у обочины стоят такси, три машины в ряд. С закрытой стройплощадки, где полным ходом идут работы, раздается гул техники.

И тут я вижу нужную машину.

Я плюю, пытаясь избавиться от крови во рту. Диафрагма и щеки горят, но я не останавливаюсь ни на секунду, потому что слышу, как за моей спиной распахивается дверь. Даже поворачиваться не нужно, чтобы понять, что это двое санитаров бегут за мной по пятам, твердо решив продемонстрировать присутствующим такие зрелищные приёмы, как подножки, удар сзади, захват головы, удушение и заломы рук.

– Подожди, чёрт побери! – кричат они хором, пока я бегу мимо такси к старенькому «Форду Мондео», который стоит заведённый.

– Поехали, Лиз! – кричу я, распахнув дверь и забравшись внутрь.

– Ч... что? – изумляется сестра и напряжённо смотрит на меня. Её лицо белое, на лбу и волосах на верхней губе проступили крупные капли пота, как будто это она сейчас бежала, спасая свою жизнь.

– Езжай же, черт! – повторяю я и захлопываю дверь, а Лиз до упора давит на газ.

Глава 52

Машина мчится по тоннелю Трумсёйсюн, он проходит через район Брейвика на острове Трумсё и ведёт дальше, к большой земле, в район Тумасьюрда.

– Я так за тебя боялась, – чуть не плачет Лиз, вцепившись в руль. Она настолько вытянулась вперёд, что её дыхание оседает паром на лобовом стекле, – я почти не спала с тех пор, как мы в последний раз с тобой говорили. Я думала, что ты...

– Сестрёнка, не думай об этом.

Она поворачивается ко мне.

– Что случилось? – она окидывает взглядом мой жуткий наряд, – почему ты так странно одет?

– Я упал в море, – отвечаю я, достаю свой мобильный телефон из пакета с одеждой и подключаю его к проводу для зарядки, который торчит из прикуривателя. – Мою одежду порезали на куски в отделении экстренной помощи.

– Н... но...

– Просто води машину.

Лиз обнажает свои неровные жёлтые зубы с больными дёснами.

– Я не понимаю...

– Тут нечего понимать, Лиз. Всякое бывает. Так ведь? И не всегда хочется об этом говорить.

Лиз обиженно замолкает и больше не задаёт вопросов. Она уже усвоила, когда лучше просто промолчать. Раболопный инстинкт выживания в таких ситуациях срабатывает у Лиз на автомате, благодаря урокам насилия, которые все эти годы преподавал ей муж, конченная мразь.

– Почему мы так спешим? – кротко спрашивает она, когда наконец решается снова открыть рот. – У тебя опять проблемы?

– Нет, – отвечаю я и вздыхаю, – у меня просто нет времени ехать туда, куда они хотели меня отвезти.

– Я вспоминаю отца, – вдруг Лиз улыбается, когда мы выезжаем с другой стороны подводного тоннеля, – когда они пришли с ним домой, ещё в нашем детстве.

– Ты о чём?

– После того, как его забрали в больницу. Это было за пару лет до того, как они с матерью разошлись. Ты был таким маленьким, наверняка не

помнишь.

– Нет, – кисло отвечаю я. У меня всё ещё кружится голова, и меня лихорадит после этой гонки, тело дрожит, оно требует покоя, нормальной еды и противотревожных препаратов.

– Уверен? – хихикает она, – ты разве не помнишь, как...

– Ты не слышала, что я сказал? – я вдруг начинаю кричать в приступе ярости, которая делает жжение кожи лица невыносимым. – Я сказал, что не помню!

– Нет, нет, нет! – вскрикивает Лиз, – не помнишь, не помнишь, хорошо.

Испугавшись моей злости, она дергает руль. Машину уводит в сторону, но в итоге она снова берёт её под контроль, как и себя саму.

– Извини, Торкильд. Извини.

Она обхватывает руль плотнее и слегка наклоняется вперёд, чтобы показать, что теперь, уж теперь-то она взаправду возьмёт дело в свои руки, и докажет мне и всему миру, что и Элизабет умеет водить машину, а не только есть торты и жалеть себя.

Я хорошо помню, когда они пришли домой вместе с отцом после того, как он ушёл, чтобы прийти в себя из-за проблем в отношениях с нами. Обычно они усаживали его в кресло у кухонного стола, где он часами сидел и пустым взглядом смотрел на дождь и океан. Выглядело так, как будто он только что вернулся с другой планеты, и ему нужно было время на акклиматизацию. В конце концов, я смирился с тем, что внутри у него была трещина, из-за которой отец гнил. Эта трещина разрушила всё, чем он мог бы стать, и подменила его существом землистого цвета, которое бегало по холмам, горюя об Исландии, о полосках мха или о клеще, живущем под камнем в реке около вулкана.

– Куда мы едем? – спрашивает Лиз, наконец успокоившись.

– Мне нужно обратно в Шельвик. Закончить пару дел и забрать автомобиль, прежде чем поеду завтра на допрос.

– Допрос? Опять?

– Гюннар Уре в городе.

– Гюннар? Что он здесь делает?

– Пока точно не знаю, – холодно отвечаю я, а Лиз кончиком языка обводит свои пышные губы.

Небо почти безоблачное, воздух стал холоднее, а илистые лужи на обочинах покрылись тонким слоем льда. Я проверяю, достаточно ли в мобильном зарядки, чтобы можно было звонить. Затем я набираю номер и вызываю Анникен Моритцен.

– Где ты? – спрашивает она.

– Всё ещё в северной Норвегии.

– Они хотят, чтобы мы приехали на него посмотреть. Я выезжаю завтра утром, – она слегка колеблется, прежде чем продолжить, – ты не мог бы меня встретить, когда я приеду и... пойду на опознание?

Я смотрю на очертания своего лица в боковом стекле. Рука инстинктивно тянется к неровностям на коже, кончики пальцев скользят по припухлостям и шраму и в итоге нащупывают ключевую точку. Я силой давлю на воспалённую кожу щеки.

– Что такое, Торкильд? – спрашивает Анникен, не услышав ответа.

– Расмуса убили, – шепчу я.

– Ч... Что?

– Это был не несчастный случай, Анникен. Кто-то забил его до смерти.

– Я... – произносит она, но осекается, сдерживает слова внутри и замолкает. Лиз беспокойно поглядывает на меня с водительского сиденья и тоже молчит.

Я перестаю давить на щёку пальцами, рассматривая морской пейзаж. Где-то там внизу пластиковая лодка безвольно колышется в воде у причала.

– Он мог с кем-нибудь там встречаться, с какой-нибудь девушкой?

– Я уже тебе отвечала.

– Знаю, – говорю я, – но он бы тебе рассказал, если бы кого-нибудь встретил?

– У Расмуса не было ни с кем отношений, – отвечает Анникен Моритцен, – а если бы и были, то это была бы не девушка. Он был геем, – добавляет она, – как и его отец.

– То есть он её не знал.

– Что?

– Я пытаюсь распутать этот клубок. Чтобы понять, как связаны детали друг с другом.

Я свободной рукой растираю повреждённую кожу на щеке. Очень сильно сосёт под ложечкой.

– Расмус принимал вещества? – спрашиваю я, сжимая зубы.

– Что?

– Он не мог быть замешан в криминальных делах?

– Прекрати, – слышно, что она еле сдерживается, – я хочу, чтобы ты замолчал, – говорит она, и её голос затихает. Всё, что я слышу, – ровная последовательность приглушенных вдохов и выдохов. – Ты можешь просто быть рядом? – просит она, – быть рядом, когда я приеду?

– Хорошо, – отвечаю я и выдыхаю, – позвони мне, как приземлишься.

Кстати, Арне приедет?

– Нет.

– Он знает?

– Да, знает.

– Он ничего не говорил про...

– Нет. Он не хочет с тобой говорить. Ещё рано.

– Хорошо, Анникен. Жду твоего приезда.

– До свидания, Торкильд.

– Боже, – шепчет Лиз, когда я положил трубку. На протяжении всего разговора она молчала, – во что ты только ввязался?

Я откидываюсь на сиденье, повернув голову в сторону океана.

– На допросе завтра днём Уре, ребята из отделения и следователь из спецслужбы скажут мне, что у них есть доказательства, что Бьёрканг и сержант приехали на остров в тот же вечер, когда там был и я.

Я задерживаю дыхание и обвожу взглядом верхушки деревьев за окном, после чего выдыхаю и продолжаю:

– Они представят мне свою версию, в которой наглотавшийся таблеток бывший полицейский совершает убийство, а потом, полный раскаяния и презрения к самому себе, решает прыгнуть в море, когда психологическое давление становится слишком сильным. Потом они предложат мне рассказать свою версию. Они будут сидеть тихие, как мыши, а я буду рассказывать о женщине, которую нашёл в море, о мужчине, который вылез и забрал её, о музыке и диско-шаре в танцклубе, обо всём. А в конце они скажут, что мне не верят, и настойчиво попросят рассказать настоящую историю. Правду.

– Откуда ты знаешь?

– Потому что, Лиз, – я поворачиваюсь к ней, – это то, что сделал бы я. С теми уликами и с моими показаниями, в которые я сам с трудом верю, они решат, что правы. Они даже могут быть достаточно уверенными в своей версии, чтобы меня арестовать, вне зависимости от того, как пройдёт допрос, достаточно ли они верят в то, что скоро я расколуюсь, даже без трупа.

– А что насчёт Расмуса и женщины, которую ты нашёл? Тебя ведь не было на маяке, когда их убили.

– Они пойдут по отдельному делу, и его не закроют до тех пор, пока женщина снова не всплывёт. А этого не будет никогда, учти, – я разворачиваюсь к боковому окну, за которым маленькие снежинки начали опадать на деревья, – и потом у нас есть ещё двое полицейских.

– А что с ними?

Вопрос повисает в воздухе, а я пытаюсь представить лица Бьёрканга и Арнта такими, какими помню их на встрече в офисе шерифа. Я не могу воскресить их в памяти, они остаются двумя серыми бесформенными облаками, которые колышутся туда-сюда.

– Я должен найти их до допроса. Это единственный выход...

Глава 53

Лиз паркует машину на стоянке у шельвикского жилищно-коммунального центра. Часы скоро пробьют полдевятого, и на улице темно. Воздух холодный и влажный, мы выходим из машины и направляемся к номерам.

– Никто не должен обнаружить, что мы здесь, – шёпотом говорю я Лиз, пока мы по гравию идём ко входу в квартиру, которую я снимал у Харви.

Я бросаю взгляд на основной корпус, опасаясь, что главная медсестра Сив сейчас появится вместе с полицейским эскортом, чтобы затащить меня в ждущую койку в психиатрическом отделении Осгорда. В коридоре пусто, и вокруг совсем темно, весь залив, кажется, впал в спячку.

Я достаю ключ наружной двери из пакета с порезанной одеждой, беззвучно её открываю и впускаю Лиз, а потом закрываю дверь изнутри.

– Свет не включать, – шепчу я, когда мы заходим.

Трюфельный торт всё ещё стоит на подносе на кухонном столе, а кристаллы Мерете разбросаны на полу и на столе в гостиной. Лиз садится на диван, а я достаю чистую одежду из чемодана и несу ее с собой в ванную.

Я стою в нерешительности перед зеркалом в тусклой полутьме, стою и смотрю на свое отражение. Такое уставшее, такое серое лицо. В темноте оно почти неразлично.

– Там ведь больше нет других, верно? – хрипло спрашиваю я у тени в зеркале. Нет больше Торкильдов, которых можно призвать, когда становится слишком тяжело или когда представится возможность. Этот мешок с костями в серых пятнах – всё, что осталось. Господи.

Наконец я нахожу мочалку и мою лицо и подмышки, а потом снимаю свой наряд из коробки потерянных вещей университетской больницы Трумсё и надеваю свою собственную одежду.

– Всё в порядке? – спрашивает Лиз, когда я медленно вхожу обратно в комнату. На краю кровати стоит и урчит моя кофеварка, а сбоку стоит открытая коробка из-под торта. В темноте сидит Лиз с большим куском трюфельного торта в руках. От фонаря на парковке и горящих окон главного здания сквозь занавески падает жёлтый свет, поэтому кое-что разглядеть можно.

– Я и тебе кусок отрезала, – она протягивает мне бумажную тарелку.

– Нет, спасибо, поешь сама. Мне нужно поговорить по телефону.

Я собираюсь сесть, но за окном мелькает свет. В щели между полуоткрытыми занавесками видно полицейскую машину, она плавно взбирается на холм и медленно проезжает мимо в направлении центра Шельвика.

– Это они за тобой? – спрашивает Лиз с набитым ртом.

Я киваю и полностью задёргиваю шторы.

– Они наверняка отравили машину из Шервёя.

Лиз прекращает жевать и смотрит на меня.

– Не волнуйся, – шепчу я и достаю мобильный телефон, – здесь они нас не найдут.

Я сажусь в кресло и набираю Гюннара Уре, он отвечает ещё до первого гудка.

– В бегах? – ехидно спрашивает он. – Умный ход, Аске. Действительно умный.

– Да, перебираюсь через гору к шведской границе, – отвечаю я, – а потом буду вечно скитаться в андалузских степях, переодевшись пастухом или матадором, как получится. Может сработать, Гюннар. Может сработать.

– Идиот, – хрипло отвечает он, – полиция тебя ищет. Ты знаешь, что больницы сразу сообщают в полицию, если от них убегает психиатрический пациент?

– Ну и пусть ищут.

– Ну, тогда ты наверняка знаешь, что полиция стала вооружённой, уже после того, как тебя уволили.

– Что?

– Ребята теперь не стесняются стрелять, Аске. И в твоём случае они, вообще-то, разыскивают подозреваемого убийцу полицейских в бегах. Что тебе ещё надо сказать, чтобы ты понял, чем всё это закончится?

– Я просто хотел сказать, что завтра утром приеду на допрос, – объясняю я.

– Слишком поздно – возражает мой бывший шеф. Я отдаю себе отчёт, что полиция в Трумсе наверняка позвала на помощь Гюннара Уре, как только они узнали, кто именно сбежал из больницы. Но я всё равно должен с ним поговорить, хотя мысль о том, чтобы закончить жизнь в качестве трофея для какого-нибудь молодого полицейского, рвущегося пострелять, меня пугает. У меня нет вариантов.

– Где ты? – продолжает Гюннар, не дождавшись ответа.

– С Лиз, – отвечаю я.

– С сестрой? Так это она тебя забрала у входа в больницу. Хорошо, теперь понятно. Но зачем? Могу я спросить? Зачем ты сбежал?

– Допрос, – отвечаю я, когда Лиз возвращается из кухни с горячей чашкой кофе для меня и новым куском торта для себя самой, – я не могу явиться на допрос, пока не узнал.

– Не узнал что?

– Каков мой расклад. Что на самом деле происходит.

– Так ты вернулся в Шельвик? – заключает Гюннар Уре.

– Я приеду на допрос, – шепчу я, – обещаю. Дай мне времени до завтра, в знак старой дружбы. Сможешь?

– Ты разыграл эту же карту четыре года назад, Торкильд, – отвечает он, – но хорошо, я забуду этот разговор до завтра, до трёх часов дня. В знак старой дружбы, как ты говоришь.

– Спасибо.

– Ой, да иди ты. И кстати, тебе остаётся только надеяться, что те полицейские объявятся к трём часам. Если нет...

– Всё закончится плохо?

– И так всё плохо, – отвечает он и кладёт трубку.

...Я кладу телефон на стол и подношу кружку с кофе ко рту, но на полпути мне приходится подхватить её второй рукой, чтобы она не упала.

– В чём дело? – обеспокоенно спрашивает Лиз. Её лица не видно, хотя она и сидит совсем рядом. От неё исходит запах прогорклого крема и кофе, когда она говорит, – ты в беде?

– Забудь, – говорю я и сажусь в кресле поглубже, чтобы не чувствовать этот запах, – просто тело пытается мне сообщить, что давно пришло время принять препараты.

– У меня в сумке есть парацетамол, – говорит Лиз, – для Арвида. От боли в спине. Всегда ношу их с собой, когда мы выходим на улицу, вдруг они ему пригодятся.

Я забираю упаковку, выдавливаю горсть розовых таблеток и бросаю в рот, чтобы утихомирить боль.

– Что теперь делаем? – спрашивает Лиз, когда я наконец чувствую себя готовым взять в руки чашку, вновь обретая силу воли. За окном показывается ещё одна машина, но она тоже проезжает мимо. На горизонте у маяка виднеется серо-голубое небо.

– Мы на ночь остаёмся здесь, а завтра ты поедешь домой.

– А ты?

– Я приеду потом в арендованной машине. Сначала мне нужно

добраться до острова.

Я снова откидываюсь на спинку кресла и закрываю глаза, массируя щёки кончиками пальцев.

– Боже ты мой, – вздыхаю я, – ну где их только черти носят?

– Тех двух полицейских?

– И женщину, которую я нашёл в море. Всё началось с неё, это единственное, в чём я уверен. Сначала исчезла она, около месяца назад. Кто может так надолго пропасть, чтобы его при этом никто не объявлял пропавшим?

– Кто-нибудь не местный? – предполагает Лиз.

– Да, – я открываю глаза и снова сажусь ровно. Беру упаковку и выдавливаю ещё пару таблеток, – но не только это, – продолжаю я мысль, запив их глотком кофе. – Она должна быть таким человеком, который приехал сюда и которого не ждут там, откуда он родом. Не так ли?

– Турист?

Я смотрю на неё. Лиз отодвинулась к самому краю дивана и сидит сбоку от меня, сложив руки на коленях.

– Да. Хорошо. Но приедет ли сюда турист в позднюю осень? – спрашиваю я.

– Может быть, она приехала на заработки. Из другой страны?

– И не звонит домой, ни мужу, ни парню, ни детям или родственникам целый месяц?

– Может быть, у неё никого нет, – говорит Лиз.

– Совсем никого? – я делаю ещё один глоток кофе, – молодая, одинокая, откуда-то издалека, и никто по ней не скучает. Что это за девушка такая?

– Проститутка?

– Что?

– Они и в Трумсе приезжают, селятся в отелях и апартаментах на пару месяцев, а потом едут дальше, – говорит Лиз. Когда она видит, что мне интересно, она начинает говорить быстрее. – Я о них в газетах читала...

– Хорошо, Лиз, – говорю я, когда чувствую, что таблетки начинают действовать, – очень хорошо. Хм, да, наверное, ты нашла на след. Молодая девушка, проститутка, но как она может быть связана с Расмусом?

– Он взял её с собой на остров, чтобы...

– Нет, – я качаю головой, – Расмус гей. И его, кстати, убили. Думаю, он её нашёл по случайности, когда отплывал погружаться. А что было потом?

– Я не знаю, – отвечает Лиз.

– Ещё как знаешь, – торопливо рассуждаю я, – он позвонил в полицию.

– Точно, – восклицает Лиз, потирая ладони, и смотрит на меня, её зазорные глаза сияют в полутьме, – так он и сделал.

– Хорошо. Он позвонил в полицию, чтобы рассказать о своей находке. Ну, давай доведём эту версию до конца. Бьёрканг и Арнт приехали к Расмусу и убили его, чтобы никто не узнал о его находке? В этом твоя версия?

Лиз качает головой.

– Я... я, – запинаясь она, а глаза ищут поднос с тортом, – я не знаю, Торкильд, – наконец говорит она.

– Вот именно. Вот где осечка. То есть смотри: почему они потом не вернулись обратно, а наоборот, продолжили эту странную игру, забрав труп с собой? Зачем скрываться?

Лиз как-то странно на меня смотрит. Она улыбается, её глаза блестят, как будто сейчас потекут слёзы.

– Что такое?

– Мне нравится на тебя смотреть, когда ты такой.

– Какой?

– Как сейчас, когда мы разговариваем, только ты и я. Ты помнишь, как папа со своими друзьями любили сидеть за кухонным столом и обсуждать, что нужно предпринять, чтобы защитить Исландию от промышленности?

Я снова откидываюсь на кресло и поворачиваю голову к Лиз.

– В последний раз, когда я его видел, было начало девяностых, – шепчу я в ответ, – в маленьком городе под названием Рейдарфьордюр, где государственная энергетическая компания Ландсвиркьон запланировала построить алюминиевый завод. Я тогда только получил письмо о том, что меня приняли в полицейскую академию.

Я закрываю глаза и сжимаю губы, вспомнив этот серый дождливый город.

– Седые волосы и борода, господи прости, – смеюсь я, – вот как он выглядел.

– Он всё ещё её носит, – Лиз опять смеётся и моргает, держа глаза закрытыми по несколько секунд, как будто пытается себе его представить.

– Алюминиевый завод должен был управляться американской компанией. Отец и его команда защитников окружающей среды приехали туда, чтобы определить, смогут ли они саботировать работу завода. Была середина лета, мы сидели и пили вино у костра, а отец говорил о нашей стране.

– Как бы я хотела быть тогда с вами, – Лиз сводит руки на груди.

– Я помню, как я сидел там и ждал подходящего момента, чтобы

рассказать ему, что стану полицейским в Норвегии. Отец набрал в руку вереска и земли, слёзы текли по его щекам и бороде; он громко плакал по другую сторону костра, обхватив пальцами маленький кусочек Исландии, прижав его к груди. «Сколько ещё им будет позволено насиловать нашу исландскую природу?» – всхлипывал он, растирая пальцами землю и мох, как будто кровь из раны в сердце.

– Так ты ему не рассказал?

– Нет, – отвечаю я, – мы просто там сидели все вместе и слушали отца, который рассказывал о богатствах нашей страны. После этого мы осушили бутылку вина и спустились к фьорду, где сбросили в море контейнер и первые бараки, которые построили инженеры. Когда мы пришли обратно, я упаковал палатку и поехал домой в Норвегию. Месяц спустя я начал учёбу в полицейской академии.

Повисает долгая пауза.

– Ты можешь немного рассказать о Фрей? – шёпотом говорит Лиз. Голос её мягкий, осторожный, она говорит так, оставаясь наедине со своим мужем, который её бьёт. – Кем она была, почему ты был... так к ней привязан?

– Меня занесло, – говорю я, всё ещё с закрытыми глазами, – я знал, что люблю её, в тот последний вечер в машине, но игра была окончена, и ничего нельзя было с этим поделать, – я делаю глубокий вдох и выдыхаю, – через секунду она погибла.

– Поэтому ты хочешь умереть? – Лиз заботливо берёт меня за руку. Её движение посылает тёплые лучи, они доходят до самого лица.

– В этом моменте сосредоточено так много, – шепчу я.

– Но как же можно так жить? Одним только моментом? Ты больше не должен пытаться умереть, – надрывно говорит Лиз и обнимает меня, мы оба падаем на спинку кресла, оно трещит от напряжения, – ты слышишь, Торкильд? Ты просто не имеешь права.

– Господи, – выпаливаю я, пытаюсь вырваться из её объятий.

– Пообещай мне.

Её лицо прямо напротив моего, она как будто тисками держит меня.

– Я не могу...

– Можешь, – всхлипывает она, не отпуская меня, – если пообещаешь мне, то больше этого не сделаешь. Ты никогда бы этого не сделал. Я это знаю, я знаю...

Я делаю ещё одну попытку высвободиться, но Лиз не хочет отпускать, он прижалась ко мне, как будто я – спасательная шлюпка, и я сдаюсь.

– Хорошо, сестрёнка, – говорю я и откидываюсь на спинку кресла, – я

обещаю.

Среда

Глава 54

На следующий день я просыпаюсь в кресле от шума на кухне – Лиз решила вымыть посуду. Она собрала камни Мерете с пола и сложила их горкой на столе в гостиной. Я включаю мобильник и вижу, что там куча сообщений и уведомлений от автоответчика. В том числе целая серия едких смс от Ульфа, который, очевидно, тоже узнал, что его любимый пациент сбежал. Я снова отключаю мобильный, подхожу к Лиз и наливаю себе чашку свежесваренного кофе.

– Полицейская машина ночью поехала обратно, после того как ты заснул. С тех пор я её не видела, – говорит Лиз и улыбается. Её светлые кудри с лёгкой сединой торчат во все стороны, больше всего в таком виде она напоминает тролля из старых норвежских мультфильмов. Лиз стоит и напевает себе под нос со щёткой для посуды в одной руке и картонными тарелками в другой.

– Отлично, – говорю я и приобнимаю ее, а потом беру кофе, несу к креслу и достаю две розовые таблетки из пачки, которую она вчера мне дала, – тогда можем идти к моей арендованной машине у сараев, когда будем готовы.

– Как ты собираешься добраться до маяка? – спрашивает Лиз и вытаскивает пробку из раковины.

– Знаю кое-кого, кто мог бы помочь, – отвечаю я, массируя мышцы шеи, – а потом поеду в Трумсё, на допрос.

– А потом? Что будет после?

– Ну, это уж не мне решать, Лиз, – отвечаю я и широко улыбаюсь, – не так ли?

– Но если ты найдёшь полицейских, то они точно не смогут...

– Да, знаю, – вздыхаю я и проглатываю таблетки вместе с глотком кофе.

– Я знаю, что ты их найдёшь, – говорит она и смотрит на меня с щёткой в руках и блаженной, почти что святой улыбкой на губах, – и тогда всё снова станет хорошо. Я в этом уверена. Я почувствовала это, когда проснулась сегодня утром. Что сегодня будет хороший день.

– Ну, – хмыкаю я, – если ты так говоришь, то всё так и должно сложиться...

Когда мы готовы к выходу, мы выносим мои вещи к машине и едем к

стоянке над сараями в Шельвике. Лиз ждёт в машине, пока я бегу к своей и завожу её. Я постоянно оборачиваюсь и бдительно смотрю на вершину холма в страхе, что из-за поворота появится машина с голубыми фарами.

– Пожелай мне удачи, сестрёнка, – говорю я, открыв дверь машины, и делаю ей знак, что пора ехать.

Лиз смотрит на меня выразительным взглядом, а потом наклоняется над пассажирским сиденьем:

– Помни, что ты обещал, – говорит она, и её губы трясутся.

– Да, Лиз. Я обещал.

Вскоре она заводит мотор своего «Мондео», задом выезжает на трассу на высокой скорости и мчится к вершине залива, забыв поднять боковое окно и отключить поворотники. Когда её автомобиль уже близок к центру города, я вдруг замечаю Юханнеса в зеркале заднего вида. Он идёт прямо к автомобилю. На нём костюм, и его редкие седые волосы гладко зачёсаны назад. Ветер со стороны моря подхватывает их, они поднимаются и парят, выются над его головой.

– Ага, – говорит он и здоровается, когда я выхожу из машины, – так ты всё ещё здесь?

– Да, пока что не все дела доделал.

– Я слышал, полиция была здесь и искала тебя.

– Да, вот-вот. Услужливые ребята, не правда ли?

Юханнес хмыкает и проводит своей шершавой рукой по волосам. Он пытается уложить их обратно, но ветер снова их поднимает, как только тот отпускает руку. На нём надеты выходные брюки в чёрно-серую полоску, они на пару сантиметров коротки ему и пережили слишком много циклов стирки, так что цвета потускнели, а материал покрылся катышками. Ну, хотя бы ботинки ярко-чёрные, на толстой подошве. Еще на нем неглаженная парадная рубашка с серым свитером с V-образным вырезом – тот тоже скоро разойдётся по швам, и поверх всего – тёмное пальто, которое достаёт ему до колен.

– Харви говорил, что один твой товарищ нашёл лодку Бьёрканга и Арнта, – замечаю я.

– Да, она стояла на берегу острова Рейнёя, – отвечает Юханнес, – лодка была в порядке, никаких признаков того, что она перевернулась в шторм. Единственное, чего там не хватало, так это навигационного аппарата.

– В каком смысле?

– Вырван, – бросает Юханнес, – только провода остались.

– На лодке Расмуса GPS тоже отсутствовал, – рассуждаю я. – Звучит

так, как будто кто-то не хочет, чтобы мы знали, где они будут или были.

Юханнес задумчиво кивает.

– Мне нужно к маяку, – говорю я, – ты можешь помочь?

– Ну, – Юханнес постукивает кончиком ботинка по гальке, – я иду на похороны Андора и Юсефине.

Он никак не может найти место рукам, которым явно не хватает места в карманах.

– Я могу подождать.

Он тяжело вздыхает.

– Ну да ладно. Думаю, могу тебя подбросить после церемонии.

– Запрыгивай, я довезу.

Юханнес с грохотом захлопывает дверь и натягивает ремень. Как только я завёл машину, он достаёт упаковку табака из внутреннего кармана пальто и кладёт её на колени. Через пару коротких секунд у него в руках появляется ровная идеально скрученная сигарета, которую он зажимает губами и спичкой поджигает.

– Как думаешь, там будет Мерете? – спрашиваю я, задом выезжая со стоянки и направляясь вверх холма к центру города, – на похоронах?

Юханнес держит сигарету губами и благоговейно кладёт руки на колени, переплетая морщинистые пальцы ладоней.

– Я не знаю, – говорит он, когда поток табачного дыма вырывается у него из носовых ходов и рта, – этого я, безусловно, не знаю.

Глава 55

Я чувствую себя запрыгнувшим в горящее колесо сансары, когда у церкви выхожу из машины вместе с Юханнесом и встречаю процессию неспешных, седых, лысеющих, морщинистых, согнутых, покосившихся и хромающих женщин и мужчин, будто в их последний листопад.

В нефе церкви нас встречают взгляды тех, кто уже нашёл себе места на жёстких деревянных скамейках. Юханнес указывает на один из задних рядов, где две пожилые дамы в лисьих мехах и шляпах сидят на скамейке одни.

Усаживаясь, я замечаю Харви. Он сидит на пару рядов впереди с противоположной стороны нефа вместе со своим сыном. Мерете с ними нет.

Я поворачиваюсь к выходу, и тут к двери подъезжает мини-автобус и останавливается с глухим скрежетом. Из неё выпрыгивают два медработника и вместе с водителем подходят к дверям сзади. Водитель опускает пандус и открывает их.

– Мерете, – изумляюсь я, разглядев лицо женщины, которую выкатывают из машины и по пандусу поднимают ко входу.

Юханнес поворачивается, а одна из дам на нашей скамейке хватается за воротник своего лисьего пальто. Она нескромно пихает свою подругу и пальцем показывает на выход.

В церкви поднимается негромкий гул. Многие прижимаются друг к другу, поворачиваются и бросают взгляды на женщину, которую ввозят внутрь.

– Господи, что с ней?

– Ужасно!

Юханнес снова поворачивается к алтарю и двум гробам. Какой-то ребёнок в этой толпе начал плакать, мучительно всхлипывая, и родители мольбами и угрозами пытаются призвать его к молчанию.

Голова Мерете закреплена металлической конструкцией с двух сторон, с каждой стороны на ней по три винта – на верхней челюсти, на нижней и ещё один, скрепляющий их. Уголки рта заклеены белым пластырем.

Волосы её подобраны наверху. На ней элегантный чёрный костюм и белая рубашка под ним. Медработники подвозят её к скамейке, где их ждут Харви с сыном.

– Мне надо с ней поговорить, – шепчу я, когда они блокируют колёса

её коляски. Сами медработники уходят и закрывают за собой дверь.

– После погребения, – отвечает Юханнес.

Церковь вскоре с обеих сторон заполняют коляски, ходунки и прочие средства передвижения, так что тем, кто хочет пробиться вперёд, приходится искать извилистую дорогу через этот гериатрический лабиринт из пластика и металла. Юханнес достаёт пакет из-под хлеба с похожими на сахар шариками в красную полоску. Он открывает пакет и предлагает мне:

– Свиную польку?

– Прошу прощения?

– Свинья полька, – повторяет Юханнес чуть громче и шуршит пакетом, как будто имея в виду, что у меня проблемы со слухом. – Традиционные конфеты. Из Швеции.

Я достаю одну и кладу в рот, и из боковой двери появляется священник. Он легко и элегантно преодолевает препятствия в проходе и вскоре восходит на кафедру. Там он воздевает руки к небу и окидывает взглядом зал.

– Всему своё время, – провозглашает он на южном диалекте, дружелюбно, но всё же глубоко печально. Он обводит взглядом людей в церкви, от ряда к ряду. Последними он смотрит на родственников в первом ряду, рядом с гробами. – И смерти тоже.

После прелюдии люди запевают: «Тот яркий свет сменила ночь, где не бывает света». Священник выступает с прощальным словом:

– Они посвятили свои жизни друг другу, посвятили свои жизни любви. И теперь они у Бога, Господа нашего небесного, вместе.

Священник элегантно спускается с кафедры и подходит к гробам. Семья отправляет к нему двух девочек-подростков, одетых в красивые тёмные юбки и такого же цвета туфли. Священник и девочки начинают зачитывать приветствия, надписанные на венках, а люди проходят вперёд и зажигают свечи в кованых подсвечниках. Девочки читают шведские послания, а священник – норвежские.

– А сейчас Сельма и Кристине споют псалом для своих бабушки и дедушки.

Священник взмахивает руками и подходит к церковному хору. Вскоре раздаётся музыка из CD-проигрывателя, и девочки начинают петь.

Плачущий ребёнок больше не ревёт. Вся церковь вдруг затихла, только приглушённые хрипы и редкий кашель уставших стариков слышатся между куплетами.

Я вижу спереди затылок Мерете. Она не двигается, просто сидит с опущенными плечами. Металлическая конструкция на ее голове торчит в

стороны, будто это усики какого-то насекомого. Рядом с ней я вижу Харви. Он сложил руки на коленях и склонил голову к полу.

Кажется, ему холодно. Плечи неконтролируемо трясутся, он качает головой и иногда раскачивается взад-вперед. Он плачет. Рыдает, как ребёнок, и когда музыка затихает, и две девочки перестают петь, вся церковь наполняется его душераздирающими всхлипываниями.

Глава 56

– Как думаешь, отчего он так? – спрашиваю я у Юханнеса, когда священник закончил службу, и все собираются выходить.

Носильщики встают и занимают места у гробов. Подняв их и встав в ряды, они вдруг понимают, что невозможно пронести гробы через забитый под завязку зал. Они стоят и смотрят друг на друга, но никто из них, кажется, не понимает, что нужно делать.

Пара санитаров из коммунального центра осознают серьёзность ситуации и подают знак остальному персоналу. Часть из них выкатывают своих постояльцев на улицу, а остальные подбирают трости и ходунки для тех, кто ещё сидит. Двое медработников, которые приехали вместе с Мерете, снова здесь. Они берут её кресло, каждый со своей стороны, и везут его наружу вместе с остальными.

– С ним многое приключилось в последнее время, – говорит Юханнес, после того как зал освободили, а первые носильщики уже начали свой путь. Юханнес благоговейно кивает, пока они проходят мимо. – Ты ведь и сам там был, когда с его женой случился приступ.

Я делаю пару коротких шагов в сторону, ожидая нашей очереди примкнуть к неспешной толпе.

– Мда, – бормочет Юханнес и снова кивает, когда мимо проходит Харви. Он нас не видит, только смотрит пустым взглядом перед собой и машинально шагает вперёд, держа мальчишку за руку.

Юханнес твёрдо сжимает свой кисет с табаком, когда мы наконец вливаемся в эту реку скорби. Его взгляд блуждает по головам людей, идущих в похоронной процессии, которая сворачивает влево от церкви и движется к кладбищу.

На улице светит солнце. Тёплые лучи падают на автостоянку, на церковь и на процессию. Её участники выстроились вокруг вырытых могил на краю кладбища, где и будет произведено погребение.

Мы стоим чуть подалеже от толпы и едва слышим священника, который снова что-то зачитывает. Вдруг я замечаю приближение чьей-то тени, и следом за ней появляется бледное лицо Харви.

– Вы её видели? – Харви кивает в сторону пригорка за дальними могилами, где двое медработников стоят бок о бок с Мерете. Она сидит, сложив руки на коленях, и смотрит на своего сына, который играет у ручейка, текущего вдоль забора кладбища. Он бежит вверх и вниз по

берегу и тащит за собой прутик, окунув его кончик в воду, так что во все стороны разлетаются брызги.

– Ей зафиксировали челюсти и сшили мышцы, поэтому приходится кормить её через зонд.

– Прости, Харви, – говорю я и снова поворачиваюсь к нему. – Я...

– Нет, Торкильд, – взгляд Харви встречается с моим. – Это я должен просить прощения. Я был так зол, когда мы в последний раз говорили, мне было так страшно, но мне стоило понять, в каком состоянии находишься ты сам и настоять, чтобы ты вместе со мной поехал в больницу. Вместо этого я нёс какую-то чушь про маяк и про духов.

– Не думай об этом, – я прочищаю горло, – только я сам могу справиться со своими делами. Как она себя чувствует? – спрашиваю я, пытаюсь направить разговор в другое русло.

– Ну, мы разговариваем. Я говорю, она пишет записки. Через неделю или две она приедет домой. Врачи говорят, что она поправится, что всё наладится со временем. Я надеюсь только, что она придёт в себя, когда начнутся съёмки. Она так давно этого ждала.

Собравшиеся закончили молиться, и гробы начали опускать.

– Ты нашёл датчанина, – замечает Харви, а священник в это время предлагает пастве проститься с умершими и бросить в могилу по горсти земли, после чего он достаёт Библию и читает, – когда ты был там... в море, – запинается он, – с привязанной к нему женской рукой?

Я киваю. Священник закрывает Библию и приступает к последнему благословлению.

– Теперь, по крайней мере, никто не сможет сказать, что её не существует. Им известно, кто она?

Я качаю головой.

– А что там с Бьёркангом и Арнтом?

– Полиция Трумсё реквизировала мини-подводную лодку и запросила помощь от отдела по особо тяжким. После обеда они приедут сюда.

– Они всё ещё считают, что ты с этим связан?

– В наивысшей степени, – отвечаю я, – сегодня чуть позже я еду на новый допрос. Перед этим мне нужно доделать пару дел. Разобраться, что к чему, если понимаешь, о чём я.

Я достаю ключ от квартиры из кармана куртки и даю его Харви.

– Спасибо, что одолжил.

– No problem, – Харви засовывает его в карман штанов, – родственники заберут оттуда вещи сегодня вечером.

– А как ты сам, кстати? Тебя ведь вчера вызвали на допрос?

Харви тяжело качает головой.

– Не ходил туда. Сейчас нет сил. Так много дел с Мерете. Господи.

Он закусывает нижнюю губу и отворачивается:

– Я так за неё боялся.

Погребение приближается к концу, и собравшиеся опускают руки перед последним псалмом. Я бережно кладу руку Харви на плечо.

– Я могу поговорить с ней?

– Да, – отвечает Харви.

Мерете засунула руки в карманы пиджака. Она сидит и смотрит на поющих людей застывшим взглядом. Тонкие полоски пара появляются из её носа, когда она дышит. Один из санитаров достаёт шерстяной плед, раскрывает его и кладёт ей на колени.

– Конечно, можешь.

Мы направляемся к Мерете, а толпа начинает расходиться. Харви подходит первым, за ним мы с Юханнесом. Небо над нами посветлело. Спокойный океан поблёскивает в заливе.

– Привет, – говоря я неуверенно, когда мы становимся рядом Мерете, сидящей в коляске. Санитары делают несколько шагов назад, один из них прикуривает сигарету, и оба они разворачиваются к группе деревьев в дальней части кладбища. – Я... я...

Мерете поднимает руку, подавая мне знак остановиться. Она достает из кармана пиджака блокнот. Пока она пишет, я украдкой поглядываю на металлический фиксатор. Губы Мерете сухие и слегка приоткрыты. Нижняя губа чуть сильнее выдаётся вперёд, чем верхняя, что делает её похожей на пациента с инсультом, у которого отмерло какое-то количество нервной ткани, и парализована кожа лица.

Мерете передаёт мне блокнот и смотрит на меня. «Это была не она», – написано на листе. Она вяло кивает, пока я читаю.

– Я знаю, – говорю я, а Мерете забирает блокнот обратно и снова пишет.

«Мне было так больно, – читаю я, – как будто в рот затекало всё больше и больше воды с каждым вздохом. Казалось, что я сейчас утону».

– Я пытался тебе помочь, но не смог сдержать...

Мерете качает головой, а потом пишет и передаёт мне блокнот.

«Это не твоя вина. Я сама впустила её».

– Я тоже видел её. – Мерете кивает, продолжая писать.

«Она что-то тебе говорила».

– Мне? В каком смысле?

Мерете опять пишет, а потом вырывает листок и кладёт его в мою

открытую ладонь.

– Не понимаю, – шепчу я и смотрю на буквы, из которых складываются два непонятных слова. Не понятно, то ли с ней случился такой приступ, что она не понимает, что написанное там – случайные палочки и буквы, поставленные в ряд, или это правда что-то значит.

– Похоже на русский, – Харви смотрит на записку. Он побледнел, его слегка покачивает, как будто у него кружится голова, и ему приходится сделать шаг к коляске, чтобы не упасть.

– Ты знаешь, что это значит? – спрашиваю я.

Мерете смотрит на нас обоих, а потом наклоняется вперёд.

– Mne hólodno, – шипит она сквозь сжатые зубы.

– Что?

Мерете берет меня за руку и сильно её сжимает. Её пальцы неестественно тёплые, настолько, что я чувствую, как тепло поднимает по руке к горлу и лицу. Грудная клетка вздрагивает каждый раз, когда она набирает в лёгкие воздух и ведёт мою руку по бумажке, на которой написаны два слова.

– Mne... hólodno.

– Она так сказала? Mne hólodno?

Мерете кивает и выдыхает. Она отпускает мою руку и снова пишет что-то в блокноте, вырывает листок, закончив её, и протягивает мне с печальным взглядом.

«Прощай, Торкильд».

– Прощай, – отвечаю я и сворачиваю записку. Я кладу её в карман брюк, после чего мы все трое вежливо прощаемся, и каждый идёт по своим делам. Мы с Юханнесом направляемся к автомобилю вместе с опоздавшими на прощальную церемонию. Солнце пробилось через облака.

– Слушай, – говорю я, когда мы подходим к машине, – Арнт рассказывал о том, что в Трумсе растёт уровень потребления наркотиков и услуг проституции в первый день, как я сюда приехал.

– Да, – отвечает Юханнес. – Только открой газету, и увидишь, где это всё происходит.

– Ты знаешь, откуда приезжают эти девушки?

– Да, – говорит он и ухмыляется, – оттуда же, откуда и спирт, сигареты, табак и прочие гадости. Из России.

– То-то и оно, – заключаю я, сажусь в машину и завожу её.

Глава 57

– Что ты надеешься там найти? – спрашивает Юханнес, когда мы паркуемся на стоянке над сараями.

– Ответы, – бормочу я загадочно, вглядываясь в абсолютно спокойное море между заливом и островом.

– На какие вопросы?

– Кто эта женщина без лица. Кто убил Расмуса. Где Бьёрканг и Арнт и, может быть, подтверждение того, сошёл я с ума или нет, – объясняю я, а потом открываю дверь и выхожу.

– Ну да, – посмеивается Юханнес.

Солёный морской воздух дует в лицо, от него слегка знобит. Я бодро иду к багажнику, открываю его и снова переодеваюсь.

Через пару минут мы готовы отплыть. Юханнес ведёт лодку к обломкам причала у острова с маяком и швартуется. Я достаю моток верёвки, поднимаюсь и привязываю лодку к ржавому армированному железу, торчащему из-под земли.

Юханнес бросает на меня взгляд, когда я возвращаюсь, чтобы вытащить старого рыбака на берег.

– Что теперь?

– Главный корпус. Танцклуб в подвале. Я приехал сюда после сеанса с Мерете.

Он резко останавливается у двери в перестроенную сторожку. Оградительная лента, которую я разорвал при последнем визите, лежит скомканная у стены.

– Сеанса? Какого сеанса?

– С нами в комнате был кто-то ещё, внутри неё. Она говорила, кричала.

– В каком смысле? – Юханнес запинаяется и встаёт без движения в дверном проёме, пока я захожу в фойе, – это... призрак? – кричит он мне вслед.

Я останавливаюсь и смотрю на него, а в комнате шуршит пластик, и становится слышим запах старой гнили и сырости.

– Ты же знаешь, что Мерете ясновидящая?

Юханнес сплёвывает и чешет нос.

– Мне эти штучки не по душе, – говорит он и неохотно заходит в фойе, – у меня от такого мурашки по коже. Есть вещи, которым потакать

нельзя.

Мы проходим мимо обшитых пластиком стен фойе и движемся к лестнице.

– Что она сказала? – спрашивает Юханнес, когда мы уже там.

– Прости?

– Ты сказал, что она разговаривала.

Я достаю листок, который мне дала Мерете, и протягиваю его Юханнесу.

– Mne hólodno, – читаю я.

– Как? – он удивлённо смотрит на меня, – как ты сказал?

– Mne hólodno, – повторяю я, – это значит «мне холодно» по-русски.

Лицо Юханнеса вдруг побледнело.

– Этого не может быть, – шепчет он и пустым взглядом смотрит перед собой.

– В чём дело?

– Нет-нет, – бормочет он почти равнодушно, держась за перила, чтобы не упасть.

– В чём дело, Юханнес? – я кладу руку ему на плечо.

– Я... – произносит он и снова обращает на меня взгляд. Его глаза широко открыты, а губы трясутся, когда он говорит, – мне просто кажется, что я уже это слышал.

– Где?

Юханнес делает глубокий вдох и снова выпрямляется. Он вытаскивает табак из кармана куртки. Первая папиросная бумажка рвётся, он достаёт новую и кладёт на неё табак.

– Было тут одно судно, – начинает рассказывать он, складывая бумагу на ладони, – русский траулер, который пошёл ко дну в начале осени, не знаю, слышал ли ты о нём?

– Бьёрканг упоминал. А что?

– У него заглох двигатель на пути в Трумсё. Был ужасный шторм, и траулер утонул. Весь экипаж выбрался на берег и в ту же ночь их отвезли в Трумсё.

Юханнес достаёт ещё одну бумажку и насыпает на неё полоску табака. Он медленно и методично крутит сигарету, пока она не принимает форму длинного цилиндра. Затем он подносит его к губам, чтобы смочить клей. Самокрутка рвётся, как только он прикасается к ней кончиком языка.

– Я слышал их по радию, – говорит он трясущимся приглушённым голосом, – сначала просто крики и вопли на русском, а потом пару коротких предложений передали по-английски, когда вышли на связь. А

потом они замолчали.

– Ты знаешь, с кем они разговаривали?

– Нет. Слишком много помех на линии, а потом всё затихло, – вдруг тон его становится совсем мрачным, как будто то, что он собирается сказать, его пугает, – ровно до того момента. Тогда я это и услышал.

– Что «это»?

Он достаёт ещё одну сигаретную бумажку, пока рассказывает, и насыпает полоску табака.

– Я как раз был на улице и складывал камни на дверь подвала, чтобы ветер её не вырвал, утащив с собой всё, что внутри. Когда я вернулся домой, услышал треск из гостиной. Я снял ботинки и зашёл. Зелёная лампочка на рации мигала, как будто кто-то посылал сигнал или как минимум нажимал на кнопку вызова, но ничего не было слышно.

– Кто-то с того траулера?

Юханнес смотрит на меня. У него узкие чёрные глаза. Губы загнуты вниз.

– Я стоял перед рацией и ждал, чтобы проверить, не попробует ли отправитель снова послать сигнал. Мне стало интересно, кто это мог быть, – он смотрит на меня с этим странным выражением лица, смесь страха и изумления, – то есть, конечно, у тех, кто живёт на наших скалах, к поздней ночи немного едет крыша, и в это время суток услышать можно что угодно. Но тут было по-другому, я это чувствовал каждый раз, когда загорался зелёный свет. И вот когда я захотел ответить, то... то...

– Ну что?

– Я услышал голос, то есть, на самом деле, вплоть до сегодняшнего вечера я сам себе говорил, что в тот вечер кофе был слишком слабый, или это было то самое ощущение, которое испытываешь, когда сидишь дома один, а шторм и непогода бьются о стены; что это были просто помехи в эфире, или ветер, или вообще что угодно. Но теперь...

Я чувствую, что внутри становится холодно. Как будто мозг уже знает, что сейчас скажет Юханнес, и предупреждает тело, что скоро меня охватит озноб.

– Что?

– Это был женский голос, – лицо Юханнеса омрачает гримаса боли, – она шептала так тихо, что если бы не зелёная лампочка, то можно было бы легко списать это на ветер. Два слова на иностранном языке, а потом лампочка погасла, и больше я от неё ничего не слышал.

– Господи, – восклицаю я и делаю глубокий вдох, – что ты такое мне рассказываешь?

Глава 58

– Ты уверен, что хочешь, чтобы мы туда спустились? – Юханнес наконец зажёл свою самокрутку. Он напряжённо смотрит на меня, окутанный табачным дымом.

– Да. Я должен узнать, – отвечаю я и перевешиваюсь через перила, пытаюсь увидеть, что находится снизу, где в прошлый раз была приоткрытая дверь. Граница между фантазией и реальностью находится именно там, – другого пути нет.

Мы стоим, каждый задумавшись о своём, и смотрим в темноту вниз. Юханнес докуривает и кладёт окуроч в кичет. Мы последний раз обмениваемся взглядами и спускаемся.

Металлическая дверь снизу лестницы распахнута. Внутри темно и совсем тихо. Я достаю мобильный телефон и включаю функцию фонарика, когда мы входим в прихожую с выставленными на витринах птицами. Следы моих ботинок с последнего раза покрыты тонким слоем пыли. Я слеую по ним к стене с чучелами птиц в витрине. В темноте они напоминают декорации из американских фильмов ужасов семидесятых – смотрят безжизненными стеклянными глазами из своих плексигласовых клеток.

– Никогда раньше здесь не был, – Юханнес вздрагивает, подойдя ко мне и заметив птичью выставку.

– Это место явно не для тебя, – бормочу я и продолжаю путь мимо витрин, направляясь к выходу на танцпол, у которого и останавливаюсь. Вокруг нас совсем тихо. Музыка, диско-шар, стробоскоп и дым-машина – всё отключено. Под потолком ещё летают крупинки пыли. Пастельные тона стен создают сильный эффект присутствия, ощущение серости и влаги, которые я испытал и в прошлый раз, находясь среди этого мрачного лунного пейзажа.

– Идём, – говорю я и захожу в зал, – она сидела там.

Мы обходим диджейский пульт и останавливаемся посередине танцпола. Отсюда едва можно разглядеть человека на табличке «Выход», который показывает направление движения в аварийной ситуации.

Я чувствую, как замирает сердце, когда мы подходим ближе.

– Пусто, – говорю я и останавливаюсь перед пультом. Здесь стоит стол, покрытый слоем пыли, а банок из-под варенья со свечами уже нет. Воздух тяжёлый и сырой, – её здесь нет.

– Спасибо, Господи, – облегчённо выпаливает Юханнес, – на секунду мне показалось, что сердце из груди сейчас выпрыгнет.

Он достаёт окурок из кисета, но, передумав, кладёт его обратно.

– Ну и вонь, – кривится он и подносит к лицу спичечный коробок, как будто это шкатулка с нюхательным табаком.

В луч света от фонарика попадает ложбинка придавленной пыли на диване в том месте, где я в прошлый раз сидел. На сиденье с другой стороны, где сидела женщина без лица, осталось только застывшее пятно.

– Но она была, – бормочу я и сажусь на корточки. Я вижу лужицу липкой, дурно пахнущей вязкой жидкости, которая, видимо, стекла со стола. Свободной рукой я прикрываю нос и дышу ртом, наклоняясь ещё ниже, – она была здесь в тот вечер.

– Ну что там? – Юханнес нетерпеливо осматривается по сторонам, а я сижу с зажатым носом, – что-нибудь нашёл?

Я свечу в его сторону фонариком, а потом снова на пол.

– Следы, – отвечаю я.

Я вижу перед собой свои собственные неровные следы, они огибают стойку диджея и выходят на танцпол, а потом движутся по прямой и заканчиваются у пожарного выхода. Ещё я вижу полосу следов покрупнее, они начинаются от скамейки, на которой сижу я, и тоже ведут к входу, частично пересекаясь с моими следами.

– Похоже, кто-то пришёл сюда той же дорогой, что и я, и забрал её с собой, – говорю я. Я поворачиваюсь и просвечиваю пол от своей скамейки до диджейского пульта. – Не многим позднее меня.

– Как ты определил? – из-за волнения дыхание Юханнеса становится всё тяжелее, и лицо его бледнеет. У него дрожат ноги, и он беспокойно шелестит коробком о штанину, пока говорит, – здесь же почти ничего не видно. Только этот ужасный смрад...

– Пыль, – отвечаю я и показываю на пол перед собой, на мягкой поверхности виднеются две дорожки следов, – на моих следах и на чужих одинаковый слой пыли.

– Ты кого-нибудь видел, когда был здесь?

– Нет, но учитывая моё тогдашнее состояние, сомневаюсь, что разглядел бы что-нибудь, даже если на танцполе развалился бы пьяный слон.

Юханнес пытается рассмеяться, но резкий запах лишает его улыбки. Вместо этого он снова подносит коробок с кисетом к лицу и следует за мной. Я иду по следам, подсвечивая их фонариком, мы обходим ряды пыльных сидений с гнилой обивкой, диджейский пульт и подходим к двум

бильярдным столам, которые стоят в одном из углов.

Следы заканчиваются за одним из столов. Кто-то подмёл пыль и собрал её в неровную горку. Сукно едва различимо, на столах раскиданы бильярдные шары. Они напоминают маленькие домики на миниатюрном пейзаже, которые обычно стоят в музеях, посвященных погибшим цивилизациям.

Я оцениваю вид на зал из этой точки. По одну сторону от танцпола находится пожарный выход с зелёным человечком и скамейка, на которой я сидел в прошлый раз. По другую – тлеет свет из прихожей. Посередине между ними – тёмная диджейская ширма.

– Отличный наблюдательный пункт, не так ли? – говорю я, когда Юханнес встаёт рядом.

– Для кого?

– Для преступника, – бормочу я и направляю фонарь на приоткрытую дверь, стоящую между двух полок для бильярдных киев в глубине комнаты, – которому нравится играть со мной в игры, – объясняю я, подхожу к двери и открываю её. За ней находится тёмная узкая лестница, ведущая на первый этаж.

– Пошли, – говорю я, – я увидел достаточно.

– Ты нашёл, что искал? – спрашивает старик, когда нам наконец удаётся запереть дверь в подвал и оградиться от темноты и вони. Мы обнаруживаем себя в кухне ресторана на первом этаже. В комнате есть кладовая и три морозильные камеры, одна из которых издаёт тихое гудение. Пахнет чистящими средствами – в комнате недавно убрались.

– Ещё как, – отвечаю я и с улыбкой поворачиваюсь к Юханнесу.

– И каковы находки?

– Думаю, мёртвая женщина была русской, – рассказываю я, пока мы идём по ресторану. Стулья и столы собраны в кучу в дальнем углу, составлены друг на друга и обмотаны полиэтиленом и белыми скатертями, – возможно, проституткой, которая приехала в город на заработки, – это как минимум объяснило бы, почему никто её не ищет. Думаю, Расмус нашёл её, когда погружался, и за это его убили.

– Боже мой, – фыркает Юханнес и потирает ладони, когда мы наконец-то снова выходим в фойе, – чем же это закончится?

– И последнее, но не менее важное, – завершаю я с едва заметной улыбкой, – слухи о том, что я невменяемый, сильно преувеличены.

Глава 59

– Ну что, – Юханнес убрал коробок в карман. Он похлопывает кулаками друг о друга, как будто поздравляя самого себя с тем, что выбрался оттуда. Мы наконец покинули главный корпус и стоим во дворе между сторожкой и лодочным сараем. – Кажется, пришло время возвращаться на Большую землю?

Он смотрит на меня с прищуром:

– Сейчас бы пообедать.

– Этот траулер, – говорю я и кладу мобильный в карман. Затем делаю пару упражнений лицевой гимнастики, чтобы избавиться от покалывания в коже. – Ты знаешь, где он затонул?

– Разумеется. Я зафиксировал координаты в навигаторе, чтобы выяснить, где они, когда пришёл сигнал бедствия. У меня же есть ноутбук.

– До этого места далеко?

– Нет. К северу от большого острова.

– Глубоко?

– Не особенно.

Я дрожу, наши взгляды скользят по зеркальной поверхности моря.

– Думаю, мне нужна твоя помощь, – сообщаю я после недолгого молчания.

– Я так и подумал, – Юханнес жмурится – солнце отсвечивает от поверхности воды прямо в лицо. – Тебе понадобится снаряжение, – говорит он, помедлив.

– Всё, что нам нужно, есть на острове, – я поворачиваюсь к сараю, – там. – Ты умеешь погружаться?

Юханнес достаёт недокуренный бычок из кисета и зажигает его, когда мы подходим к сараю.

– Да.

Я открываю дверь и подхожу к трубе выхлопа аварийного генератора. Там лежит лист мягкого пластика, в который я завернул труп женщины после того, как достал её из моря. Я прохожу дальше, к коробкам с водолазным снаряжением, и достаю гидрокостюм, подкладки, ботинки, перчатки, шланги, баллоны, консоль, карабины, подводный фонарь с зажимом и ещё один фонарь, который крепится к самой маске, а также нож. Помимо обязательных курсов по подводному разминированию, мы вместе с Гюннаром Уре, против моей воли, выезжали на сборы по воспитанию

командного духа в его семейный дом в Несоддене, когда я ещё служил в спецотделе. В течение поездки каждый должен был поучаствовать в погружении к обломкам корабля или в подводной рыбалке. Даже адвокатов заставляли нырять.

– Чем тебя так интересует этот корабль? – спрашивает Юханнес, когда я закончил подготовку. Он вдыхает последние струйки дыма и пальцами измельчает тлеющий окурочек.

– Думаю, женщина, которую я нашёл в море у маяка, была на борту этого траулера, потонувшего на пути к Трумсё месяц назад. Думаю, и Расмус мог слышать их по рации, когда они говорили, и решил погрузиться к кораблю в те выходные, когда он пропал, чтобы поглазеть. Тут он и нашёл женщину. Поэтому никому нельзя о ней знать и поэтому навигаторы вырваны из его лодки и из спасательной лодки Бьёрканга и Арнта. Потому что обе они были там, у обломков. Не все выбрались из корабля, когда он тонул, – она осталась.

– Расмуса убили потому, что он нашёл её на корабле?

Я киваю.

Юханнес вздрагивает.

– Значит, это её я слышал по рации в ту ночь?

Я прижимаю пальцы к щеке, а другая рука инстинктивно лезет в карман куртки, где обычно лежат личинки – мои таблетки. Сейчас он пуст.

– Н-но, – заикается Юханнес, не услышав от меня ответа, – это же было давно. Лодка должна была бы уже утонуть...

Наши глаза встречаются, он не заканчивает фразу. Мы стоим в тишине целую минуту, после чего заканчиваем дела в сарае и стаскиваем вещи в лодку.

– Я всё ещё не понимаю, что ты надеешься найти в корабле, – замечает Юханнес, пока мы идем к лодке.

– Сначала нужно его найти, – говорю я, и в этот момент порыв холодного ветра обдувает меня и снова напоминает о боли в диафрагме, которая опять проснулась, когда я выбросил пустую упаковку парацетамола на пути к церкви. Я прижимаю ворот куртки к шее, надеясь, что холодный воздух вдавит симптомы абсисентного синдрома поглубже в живот.

– Но, когда мы это сделаем, – шепчу я, – есть кое-что, что мы там найдём, я абсолютно уверен.

– И это? – спрашивает Юханнес, когда мы забираемся на борт и занимаем свои места.

Я смотрю на него и вздрагиваю:

– Мертвый полицейский.

Глава 60

Мы плывём вдоль большого острова. Курс держим на север, проезжая мимо голых горных склонов, островов и рифов, скал и крутых утёсов, а за ними время от времени виднеются бухты, покрытые песком или галькой. Ветер вздымает волосы и обдувает лицо.

– Что это? – я показываю на ряды буйков, торчащих из воды около небольшой бухты рядом с нами. Буйки образуют шесть линий с расстоянием примерно по два метра между ними. Вся эта конструкция вытянулась почти на триста метров и диагональной линией перекрывает бухту.

Юханнес сбавляет ход лодки, и мы медленно скользим по воде.

– Ферма, – отвечает он.

Около берега пришвартованы баржа и большой голубой катамаран из алюминия. За ними находится новый причал и большой лодочный сарай. Бухта сокрыта между двух пологих скал, между которыми стоит белый дом и сарай. Здесь темно, как будто лучи солнца досюда не дотягиваются из-за скал.

– Устричная ферма Харви. А на берегу стоит дом детства Мерете.

– Не вижу здесь фабрики, – отмечаю я, пока мы плывём над кристально чистой отмелью, – где он их обрабатывает?

– В катамаране, – отвечает Юханнес, – он использует его, чтобы раскладывать мальков, собирать урожай, отчищать и упаковывать, после чего отвозит их на склад в Трумсё, а оттуда они уже высылаются поддонами во все уголки мира. Вот и всё, что сегодня для этого требуется.

– Выглядит крепким, – я киваю в сторону хозяйственного судна с тяжелым краном на корме, пока мы объезжаем пристань и выдвигаемся дальше с обратной стороны залива.

– Судно с боковой швартовкой, знаешь ли. Такое может собирать устрицы в любую погоду.

Перед нами появляются несколько островов и утёсов поменьше, и стая птиц с перьями голубоватого, почти металлического цвета. У птиц белые шейки и белые щечки, они сидят и сушат крылья на солнце. Некоторые прижимают головы к телу, а другие тянутся к лодке, когда мы приближаемся.

– Не нравятся мне эти птицы, – говорит Юханнес. Он вздрагивает, когда мы приближаемся к большому острову, у которого стоит

покосившийся шест с табличкой-предупреждением о подводных скалах. Заросли водорослей колышутся у поверхности воды, вокруг скал и островов. Несколько уток выныривают из кома водорослей и улетают.

– Баклан предвещает смерть, – бормочет Юханнес и снова жмёт на газ, когда мы обогнули последнюю скалу.

– А, отлично, – фыркаю я в ответ и втягиваю голову в плечи, а лодка увеличивает скорость, и её снова начинает бить о поверхность воды.

– Держись крепче, – кричит Юханнес, – недолго осталось.

Я двумя руками обхватываю сиденье. Впереди видно, что остров сужается, виден его край. Дальше – только море.

Вскоре остров остаётся позади, и Юханнес снова сбавляет ход, а потом начинает восьмёркой кружиться над поверхностью, между поворотами посматривая на навигатор и эхолот.

– Здесь, – говорит он наконец и выключает мотор, так что лодка спокойно стоит на воде и лениво покачивается на волнах.

– Мы приехали?

Я поднимаюсь и выглядываю за борт, море поблёскивает послеполуденным светом. Мы находимся примерно в километре от берега. Небо приобрело кровавый, почти пурпурный оттенок.

– Это координаты, которые они передавали по рации. Судя по эхолоту, дно здесь наклонное, оно уходит вглубь, если отъехать подальше. У нас не так много времени, – он поднимает глаза к небу, а потом снова смотрит на меня, – скоро уже стемнеет.

Я киваю, достаю гидрокостюм и очень быстро надеваю его, чтобы осенний холод не успел охладить обнажённую кожу.

Юханнес смотрит на часы, а потом наклоняется над бортом и всматривается в холодную воду.

– Надеюсь, что ты ошибаешься. И что там вообще нет никакого судна.

– Поверь мне, – отвечаю я, проверяя давление в шлангах, – и я на это надеюсь.

Я надеваю рюкзак, беру мундштук и проверяю регулятор, а потом надеваю маску и устанавливаю баллон. По правде говоря, я ненавижу погружаться. Просто ненавижу. Но это один из тех случаев, когда других вариантов нет, как с колоноскопией, когда болит задница, или с болью, которая давит на мозг, если ты пытался свести счёты с жизнью.

Я вставляю мундштук в рот, подаю воздух и проверяю работоспособность системы, а потом сажусь на край лодки спиной к воде.

– Всегда можно вернуться обратно, – слышится голос Юханнеса, когда я наклоняюсь назад и падаю за борт. Тело касается поверхности воды.

«Думаю, уже поздно, – вертится у меня в голове, а холодная морская вода обволакивает кожу между маской и мундштуком, – для этого уже слишком поздно».

Глава 61

Лицо холодеет. Я быстро двигаю ногами, чтобы запустить циркуляцию крови. Я никогда раньше не погружался в позднюю осень, так что наладить дыхание, чтобы тело сохраняло тепло, стоит большого труда.

Дрыгая ногами и трепыхаясь у самой поверхности воды, через какое-то время я наконец нахожу нужный ритм и начинаю опускаться глубже. Я вижу Юханнеса, он стоит надо мной, наклонившись над бортом. Я делаю ему знак большим пальцем, а потом разворачиваюсь и начинаю плыть вниз. Когда я снова смотрю наверх, от него остаётся только тёмная тень над водой.

Вода здесь прозрачная, но скоро становится так темно, что мне приходится использовать ручной фонарь, чтобы лучше видеть. Снизу уже можно различить покатое дно. Измеритель глубины показывает семь метров. Из-за напряжения от попыток контролировать дыхание и неестественных движений бёдрами я вспоминаю Фрей, тот день, когда я выслеживал её, и мы вместе пошли на танцы. И понимаю, что думаю о ней впервые с того вечера на маяке.

– Эй, ты. Иди сюда! – командует инструктор, гордо сидящих полукругом студентов. На ней туфли на высоком каблуке, чёрная юбка до бёдер, её выющиеся чёрные волосы завязаны в пучок. Она протягивает мне руку, как будто подзывая к себе лохматую собаку.

Я неохотно встаю и иду к ней, а Фрей остаётся сидеть на полу.

– Ну, сеньор, как вас зовут?

– Торкильд.

– Сеньор Торкильд. Вы раньше танцевали?

– Чуть-чуть.

После этого она обращается к группе.

– Хорошо, ребята. Вставайте в пары, а мы с сеньором Торкильдом пройдемся по основным шагам с плечевым вращением, покажем вам движения руками и ход «спина к спине».

– Имельда, – Фрей подходит к нам, в середину круга, где Имельда держит меня своей железной хваткой, – а ты не могла бы взять себе Роберта? А я возьму Торкильда?

Имельда отпускает меня и смотрит на Фрей.

– Роберта? *Sí*^[32]? – смеётся она, – *Claro, hermana*^[33].

Затем она снова делает каменное лицо и машет Альвину, который

бежит к стереосистеме.

– Какую песню, сеньора Имельда?

– «Dos Gardenias^[34]», сеньор Альвин.

После этого из колонок доносится нежный мужской голос, поющий по-испански, а Роберт элегантно обходит меня и попадает в объятия Имельды.

– Что ты здесь делаешь, Торкильд? – шепчет Фрей, отводя меня на позицию среди остальных пар.

– Я не знаю, – отвечаю я.

Фрей берёт своей правой рукой мою, а левую руку кладёт мне на плечо.

– Ты тут по делу дяди Арне или по тому, второму случаю?

– Ни то, ни другое.

– Значит... – она колеблется, – ты приехал сюда, чтобы посмотреть, как я танцую?

– Думаю, да, – бормочу я, с трудом поспевая за вращениями, и снова голос Имельды перекрикивает музыку:

– Ну давайте, все вместе. Бёдра, Торкильд, бёдра. Это болеро. Зной, жара, чувственность, calma calma^[35].

– Есть слово для таких людей, – говорит Фрей, когда Имельда закончила давать инструкции, – для таких, как ты.

– Я знаю. Жалкий, – фыркаю я, – слушай...

Я собираюсь освободиться из её объятий, но тут её пальцы обхватывают мои ещё сильнее, и я чувствую её дыхание на своей груди, её взгляд обжигает кожу.

Её лицо всего в паре сантиметров от моего. Оставалось только наклониться и поцеловать её.

– А может, преданный? – рассуждает Фрей, – любопытный?

– Слишком стар.

– Для чего?

– Для этого.

Я делаю ещё одну попытку освободиться, но Фрей не отпускает.

– Не уходи, – говорит она, держа меня, – хотя бы дай дотанцевать. Можешь идти, когда мы закончим.

– Хорошо, – отвечаю я и делаю вдох, а Имельда знаком показывает, что сейчас будет ещё один поворот, – потанцуем.

Это воспоминание всегда заканчивается на этом моменте. У него нет продолжения, хотя я и помню, что мы в итоге разминулись. Они с Робертом

пошли своей дорогой, а я поехал в свой номер, к документам, рапортам и исписанным блокнотам с заметками, которые посвящены совершенно бессмысленным вещам. В этой точке всё замирает, и я тоже, хотя прямо сейчас я сплавляюсь под водой в поисках корабля, лежащего на морском дне.

– Чёрт подери! – выкрикиваю я, и рот наполняется солёной водой. Я открываю глаза и понимаю, что, погрузившись в самобичевание, я случайно выплюнул мундштук от акваланга. Я всё ещё слышу запах её волос, и как будто продолжаю вращаться с ней в танце, пока мечусь в поисках мундштука и откашливаю воду, задержав дыхание.

После пары раундов этой комичной асинхронной подводной гимнастики, я наконец нахожу мундштук и вставляю его обратно. Я развёл руки в стороны, как у ангелов, пытаюсь вернуть ровное дыхание. И тут мои ноги касаются дна.

Я отталкиваюсь, чтобы не завязнуть в иле, и затем проверяю показатели подводного компьютера и индикаторы давления. Я нахожусь на глубине одиннадцати метров, окружённый трупами рыб на илистом дне, по которым то и дело пробегают какие-то морские букашки.

Поверхность дна образует угол примерно в тридцать градусов. Время от времени в поле зрения попадают камни и куски металла, торчащие из грязи, на них расположились колонии водорослей, морских звёзд, ежей, моллюсков и улиток поверх осаждённой породы.

Я всё ещё мёрзну, но нашёл нужный ритм, в котором медленно спускаюсь ниже. Морское дно, наверное, самое одинокое место на свете. Пустынное, туманное и чужое. Я никогда не чувствовал себя более потерянным и одиноким, чем сейчас, пока плыву над донным илом к тёмной стене, возникшей передо мной.

Стену, торчащую из морского дна, окружает глинистое облако. Только оказавшись внутри него, я понимаю, что это совсем не стена, а рулевой мостик какого-то судна.

Мостик перевернут вверх ногами и лежит, опершись о камень, а может, и о поверхность дна, скрытую под слоем глины. Из отверстия наверху, в том месте, где мостик отломился от корабля, торчат трубы, прокладки с проводами и прочие корабельные останки.

Я подплываю совсем близко, поднимаюсь вдоль стены и зависаю около отверстия. Мне приходит в голову, что попытаться проплыть через это скопление труб, проводов и обломков будет опасно для жизни.

Я проплываю мимо ржавых ступенек. Мидии, водоросли и прочая морская живность уже успели обосноваться на белых металлических

стенах фасада, где поместился ряд окон. На окнах начертаны крупные русские буквы, которые, видимо, составляют имя корабля.

Я отряхиваю грязь с одного из окон и заглядываю внутрь. Первое, что я замечаю, это стулья, свисающие с потолка, который раньше был полом. Кофейная кружка лежит, застывшая в пузыре воздуха прямо над приборной панелью. В глубине колышется плакат для иностранцев, который показывает, как надевать спасательное оборудование и где находятся спасательные лодки.

Я зависаю, плотно прижавшись маской к стеклу, и осматриваю предметы, парящие внутри. Внезапно я замечаю плоскоголовую рыбу с колючей тёмно-зелёной спиной и большими уродливыми глазами, которая выплывает из отверстия в приборной панели. Она медленно приближается к картонной кружке, кусает её и отплывает, чтобы укусить снова, но с другой стороны. Нашли взгляды встречаются на долю секунды, и потом уродливое создание разворачивается и быстро заплывает в стык между стенными панелями.

Я немного отплываю и проверяю индикатор давления, а потом пытаюсь разглядеть путь в глинистом тумане, чтобы проверить показания счётчиков. Я замечаю толстый трос, который, по всей видимости, привязан к самому кораблю. Он тянется в северном направлении.

Я подплываю и кладу на него руку. Из-за натяжения он вибрирует. Я в последний раз проверяю индикатор давления и вентили, а потом обхватываю трос обеими руками и начинаю двигаться в темноту, к тому, что ждёт меня на другом конце.

Глава 62

Потихоньку продвигаясь на север, я замечаю на морском дне всё больше мёртвых и прогнивших рыб, а также корабельные останки. Кроме того, спереди из ила торчит что-то, очень напоминающее корму траулера. Видимо, когда судно шло ко дну, из него попутно вываливались тали, пластиковые бочки и морозильные камеры.

Я останавливаюсь и снова проверяю глубиномер и индикатор давления. Прибор показывает цифру в двадцать семь метров. Передо мной выросла новая стена из тёмной стали, опирающаяся о дно. Траулер лежит с поднятым вертикально вверх килем. Кажется, трос – это единственное, что не даёт траулеру катиться по дну дальше. Всё здесь покрыто таким же слоем ила, как и на мостике.

Я аккуратно подплываю и останавливаюсь около киля, где лежит огромный трал. Должно быть, в длину корабль составляет метров сорок. Киль покрыт маленькими бородавчатыми наростами, несколькими серо-зелёными букетами водорослей и парой холодноводных кораллов светло-жёлтого и кремового цвета, напоминающих пальцы мертвеца, которые мне машут, зацепившись за низ корабля.

Не слышно ничего, кроме булькающих пузырей, которые вылетают из вентилях каждый раз, когда я вдыхаю. Туман опоясал корабль и меня вместе с ним. Мутное серо-коричневое облако водорослей, оно давит, подбирается со всех сторон, испытывает на прочность, как будто проверяя, выдержит ли амуниция, справится ли с напряжением.

Корабль угрожающе наклонён вперёд и может съехать вниз в любой момент. Кромка корабля образует арку, так что его можно оплыть вокруг и снова вернуться на палубу. Но я всё же решаю оплыть корпус сверху, боясь, что он не выстоит, и гигантский металлический монстр тронется с места, раздавив меня своим весом.

Я поднимаюсь от киля к брашпилю по левому борту, он приподнят кверху. Якоря нет, из катушки торчит только цепь, уходя в глубину вместе с мачтой.

Мимо корабля проплывает рой водорослей, огибает облако грязи и движется к поверхности, как будто спасаясь бегством от здешней темноты. Раньше это было так легко, думаю я, проплывая мимо брашпиля на носу корабля, а потом вдоль борта в обратном направлении. Почему мне так страшно? Почему тело наполняет острое ощущение, что я не всплыву на

поверхность, теперь, когда всё, что требуется сделать, – это вытащить из рта мундштук и вдохнуть? Я вдруг понимаю, что так он и выглядит – последний путь, о котором я так долго фантазировал. Такой же холодный, бесцветный и мрачный, как этот траулер на дне.

Я хватаюсь за железку, торчащую из перил, закрываю глаза и пытаюсь дышать спокойно. Мне удаётся восстановить контроль над дыханием, и я могу продолжать путь. Я замечаю нос спасательной лодки, торчащий из-под перил на правой стороне траулера. Из большой дыры в палубе, где разошёлся металл, образовав трещину, выглядывает морозильная установка. Вперёд, Торкильд. Просто плыви вперёд.

Дно почти совсем белое из-за мёртвой рыбы, некоторые рыбыны всё ещё лежат в морозильных камерах или запакованы в пластиковые контейнеры. Груда рыб как будто живая, она меняет цвет от слоновой кости до тёмно-зелёного, рубиново-красного и оттенков жёлтого. Между тем сверкающие солнечные лучи пробиваются сквозь волнующуюся поверхность моря, а стайки мальков быстро оплывают рыбную груду, где собрались крабы, морские звёзды и ежи, чтобы принять участие в трапезе.

Я продолжаю двигаться обратно, мимо рамп, рядов разделочных станков, сетей и люков к корме, где когда-то стоял навигационный бортик. На палубе болтаются железки, трубы, провода и прочие обломки в илистом тумане.

Доплыв до кормы, я зависаю над отверстием и двумя щелями, от каждой из которых идет по ржавой лестнице, ведущих на палубу. Одна из них ведёт к кабинам и камбузу, а другая к машинному отделению и техническим помещениям.

Здесь же висит лебёдка, частью которой был трос, по которому я добрался сюда от мостика. Рама сломана, а рукоятка согнута вниз, но сама катушка всё ещё стоит привинченная к полу. С одной стороны болты вырваны, на их месте остались две чёрные дырки. Трос опускается с катушки, он тянется в сторону мостика, уходит под лодку и входит с обратной стороны. Как только два оставшихся болта вырвутся из сдерживающего их металла, траулер продолжит катиться в темноту.

Я знаю: очень велик риск того, что трос поддастся напряжению, и корабль полностью перевернётся, а киль встанет вертикально вверх, или что он просто поедет под откос, и тогда я рискую быть зажатым внутри, если приближусь. Ничто из этого не кажется мне особенно заманчивым, пока я вишу над двумя лестницами, но в то же время что-то в этой темноте меня притягивает. Я пытаюсь выглянуть наружу из облака ила, разглядеть поверхность воды, но всё, что вижу, только неясные оттенки серого и

голубого.

– Чёртов кретин, – обращаюсь я сам к себе на безупречном подводном наречии, не выпуская мундштук изо рта, и продолжаю опускаться к кораблю, стоящему подо мной. Когда я подбираюсь достаточно близко, я начинаю плыть к лестнице, ведущей в машинное отделение, и хватаюсь за железку, чтобы держаться курса.

Я направляю луч фонаря в темноту и вижу, что по лестнице не спуститься. Тяжелые куски металла, детали мотора, цилиндры и прочий лом собраны прямо у дыры и блокируют вход. Я подплываю к другому отверстию и свечу внутрь: над ступеньками, ведущими наверх, на палубу корабля, плавает оранжевый дождевик и какой-то ботинок.

Я аккуратно поднимаюсь по ступенькам к отверстию, сосредоточившись на том, чтобы ровно дышать и сохранять спокойствие. Преодолев ступеньки и просунув голову в дверь, я обнаруживаю другие предметы одежды, постельное бельё и личные предметы, которые плавают в находящемся передо мной коридоре.

Я чувствую странное спокойствие внутри, пока иду от двери к двери и вижу постельное бельё, книги и портреты женщин и детей. Предметы хаотично колышутся в воде в этих спальнях альковах вместе с парой мелких рыбёшек, которые случайно сюда заплыли. Как будто я уже и не так одинок.

В одной из кают над тем, что раньше было полом, плавает розовая сумка, кофта с капюшоном и пара кроссовок. Никаких портретов или обнажённых плакатов в этой каюте нет. Предметы гигиены, карманное зеркало и несколько русских модных журналов вместе с книгой, на которой нарисованы мужчина и женщина в горячем объятии, проплывают мимо моих ног. Это не мужская каюта.

Я проверяю манометр, чтобы узнать, сколько воздуха я потратил. Замечаю, что мне становится холодно, и двигаться через эти узкие проходы становится тяжелее. Время плыть дальше.

Я разворачиваюсь и выплываю из каюты, а потом плыву вниз, к палубе, где располагаются люки к контейнерам с грузом и с питьевой водой. Один из контейнеров открыт.

Я переплываю палубу, подбираюсь к открытому люку и заглядываю внутрь. Внутри снова мёртвая рыба – крупные штабеля коробок, забитые их трупами, а также парусная ткань из прозрачного пластика, висящая в катушках, привинченных к стене. От груды рыб, всё ещё лежащей в контейнере, поднимаются пузырьки.

Следующий люк закрыт снаружи. Я отворачиваю замок и

приподнимаюсь, чтобы можно было всем телом надавить на ручку. Наконец мне удаётся повернуть его достаточно, чтобы люк открылся. Я отталкиваюсь и приподнимаюсь над люком, чтобы не оказаться погребённым, если в этом контейнере тоже полно рыбы.

Я довольно долго выжидаю сверху, прежде чем осветить фонарём путь и заглянуть внутрь. Как только я подвигаюсь достаточно близко, во мне просыпается неприятное ощущение, что я сейчас нарушу чьё-то спокойствие.

Контейнер, кажется, пуст. Несмотря на то, что у меня есть и ручной фонарь, и маленький светодиодный светильник на маске, кажется, что темнота здесь как-то по-особому душит свет. Ощущение такое, что я заглянул в бассейн со стенами из нефти или дёгтя.

Я осторожно заплываю в контейнер. Как только я оказываюсь внутри, по всему кораблю разносится стук. Облако воздушных пузырей поднимается и овеивает меня, так что около секунды мне не видно абсолютно ничего.

Тело болит от проделанного пути, и каждое движение руками, каждый шаг вглубь непроглядного контейнера наполняет меня паникой. Когда пузыри рассосались, я продолжаю двигаться по контейнеру. Полоска света за мной становится уже, тонкие хлопья ржавчины, отклеившиеся от днища корабля, кружатся в воде.

Я останавливаюсь на полпути и зависаю, пытаюсь справиться со сбитым дыханием, которое скоро снова выйдет из-под контроля. Зависнув в таком положении, слегка откинув голову назад и наблюдая за дождём из ржавых хлопьев, я замечаю, что наверху что-то есть. Я привожу себя в чувство, проверяю показатели кислорода и настраиваю светодиодный фонарь. Проделав это, я плыву к мёртвому телу над моей головой.

Вода слегка поблёскивает яркими цветами радуги, когда её подсвечивает свет фонаря – как будто в ней бензин, дизель или нефть. Тонкая цветная плёнка облепила труп, который безжизненно раскачивает в такт движению воды.

Он парит в водном пузыре посреди этой ржавчины, которая облезает со стен и сыпется на нас сверху. Своеобразный подводный ангел с головой, руками и ногами, вытянутыми вниз, ко мне, как приветствие из другого мира.

Мы встретились снова, но теперь всё иначе.

Глава 63

Не думал, что именно его я здесь найду. У сержанта полиции Арнта Эриксона всё ещё висит газовый баллон на спине. Сержант плавает по контейнеру в полном комплекте водолазного снаряжения. Его лицо сморщилось и распухло, глаза широко открыты и пустым взглядом смотрят на ржавый дождь. Рот раскрыт, нижняя челюсть слегка подрагивает, когда я подплываю ближе. Маленькая морская букашка коричневого цвета пытается укрыться в его коротко стриженных усах, но всё-таки сдаётся и вместо этого заплывает мертвому сержанту в нос.

Я делаю гребок ластами, чтобы поравняться с мёртвым телом, и оказываюсь над водой, в водном пузыре между фюзеляжем и наполняющей контейнер водой.

Свет фонаря, отражённый от тонкой плёнки бензина или нефти на поверхности, создаёт в пузыре освещение, как будто мы находимся в озарённой солнцем лагуне, которую окружают белые пляжи. Иллюзия распадается, когда я бросаю взгляд на дно корабля в полуметре надо мной.

Я ныряю, осторожно обхватываю сержанта за плечи и освещаю фонарём его спину и затылок, не обнаружив внешних повреждений. После этого начинается тяжёлая работа – сначала я пытаюсь развернуть тело, чтобы осмотреть нижнюю часть. Сделать это почти невозможно: тело соскальзывает обратно в начальную позицию, и в итоге я решаю снять с него баллоны с воздухом, прежде чем разворачивать.

Я привожу тело в нужную позицию и начинаю снимать баллон с селеном. Работа очень изнуряет. Кроме того, что его тело тяжёлое и с ним трудно управляться, мне ещё приходится работать ногами, чтобы держаться на плаву на нужной высоте, пока я пытаюсь что-то с ним сделать, а также делать усилия, чтобы не начать задыхаться или выплюнуть мундштук.

После долгой паузы я поворачиваюсь и спущаю много «но» и «а если» и тяжёлых движений ногами я наконец-то снимаю с него второй селеновый баллон. После этого я снова отдыхаю, а потом начинаю тащить тело к поверхности воды.

Откуда-то из-за спины доносятся глухие щелчки баллонов, которые бьются о стену контейнера. Поднявшись в воздушный пузырь под ржавым куполом, я переворачиваю сержанта на спину и осматриваю его более пристально.

Бедра ноют от боли, а плечи и шея онемели. Непросто нужным

образом ухватиться за скользкий водолазный костюм, одновременно удерживая тело над водой. Я стараюсь полностью развернуть тело на спину, хватаюсь, но труп падает через пленку нефти или бензина и снова уходит под воду.

Я хватаю фонарь и собираюсь нырнуть, чтобы его поднять, но замечаю вдали какой-то объект. На секунду я замираю, направив свет на силуэт. Я осознаю, что ошибался, пока плыву ко второму телу. Жестоко ошибался.

Шериф Бендикс Юханн Бьёрканг одет в ветровку-дождевик со светоотражающими полосками и ботинки. Дождевик расстегнут, под ним – голубая рубашка и галстук. Его глаза и рот закрыты, он как будто лежит и спит в этом водяном коконе.

На его черепе вокруг одной точки собралась стая морских звёзд, таких же я видел на трупе Расмуса Моритцена во время вскрытия. Я аккуратно стряхиваю их фонарём. Колючие существа жмутся друг к другу своими щупальцами и присосками, пока отлепляются от черепа.

Серую впадину на верхушке черепа обрамляют волосы и потрескавшаяся кожа: кто-то ударил его по голове тяжёлым инструментом. Очевидно, что Бьёрканг был мёртв, когда попал в воду. Его руки связаны такой же белой лентой, как у Расмуса.

Один из них не мог убить другого, не мог симитировать пропажу. Они никогда не носились вокруг меня, не манипулировали доказательствами, чтобы обвинить меня или кого-то ещё. Я аккуратно переворачиваю тело шерифа, так что он ложится ровно, лицом вниз.

Вдруг я замечаю движение внизу, у входа в контейнер. Сначала кажется, что это крупная рыба, которая заплывает в отверстие, но потом силуэт замирает, оборачивается и направляет яркий луч фонаря туда, где вишу я.

Силуэт тащит за собой не то шнур, не то какую-то верёвку. Я вижу, как через люк он затаскивает в комнату фигуру человеческого роста, а потом отпускает верёвку. На секунду он застывает на месте, не двигаясь, а потом берёт фонарь и направляет свет на меня.

– Господи, – стону я, дожидаясь на поверхности, пока силуэт всплывёт ко мне, – как я был глуп...

Глава 64

– Now, this is what we call a real clusterfuck^[36], – говорит Харви, глотая воздух, после того, как всплыл рядом со мной и вытащил изо рта мундштук. Он направляет на меня гарпун и фонарь. – Of epic proportions, am I right?^[37]

Я тоже вынимаю мундштук и делаю медленный вдох. Воздух тяжёлый, душный и оставляет горький нефтяной вкус на языке.

– Друг мой... – говорю я и плюю, пытаюсь избавиться от неприятного привкуса.

Наши голоса звучат глухо, когда мы говорим. За спиной Харви со дна поднимаются пузырьки воздуха и лопаются, всплывая к пузырю воздуха, в котором мы находимся. Скоро за ним всплывает и мёртвая женщина без лица. Он привязал верёвку к её талии. Видны её грудь, волосы и затылок, а всё остальное осталось под водой и не различимо в темноте.

– Значит, это ты приехал к маяку, чтобы её забрать, в ту первую ночь, которую я там провёл.

Харви поворачивается и направляет фонарь на труп, поднявшийся к поверхности. Я едва различаю её чёрные волосы до плеч и отслоившиеся полоски кожи, колышущиеся у её черепа.

– Да, – говорит он и поворачивается обратно, – на секунду я даже испугался, что ты за нами прыгнешь.

– Кто она?

– Кажется, её звали Елена. Из Архангельска, Мурманска или ещё какого-то из тех городов.

– Проститутка?

– Да.

– Что она делала на борту траулера?

– Money, money, money^[38], – Харви пытается изобразить свою классическую самоуверенную улыбку. На этот раз ему не удаётся. Он слишком сильно встревожен, уголки рта не слушаются его, только слегка дрожат, не поднимаясь. В итоге он говорит: – У меня в городе есть дом с апартаментами, я сдаю шесть комнат девушкам из России, которые приезжают сюда работать на пару месяцев в году.

– Почему никто не мог её найти?

– Well, here's where it gets a bit tricky^[39], – я замечаю, что кончики пальцев на руках и ногах начинают неметь от холода. У Харви тоже – у

него побелели губы и области вокруг глаз. – Аркадий, капитан траулера, и я имели договорённость. Он привозил мне из России кое-какие вещи, а также брал с собой девушку, которая хочет поработать в городе.

– Что за вещи?

– Sex, drugs and rock & roll^[40], – отвечает Харви, – спирт, амфетамины, стероиды. В общем, вещи, которые помогают расплатиться по счетам. Траулер пошел ко дну очень быстро, экипаж сразу попрыгал в лодки. Они поняли, что забыли девушку, только когда уже покинули траулер.

– Как можно такое забыть?

Харви пожимает плечами.

– Русские. Они пьют, упарываются и выходят в море, не важно, будет шторм или нет. А может, и она была обдолбанная в хлам. Кто знает.

– А потом Расмус нашёл её.

Харви кивает.

– Wrong place at the wrong time, man^[41]. Вот и всё. Прямо как ты.

Я не отвечаю, а он продолжает:

– Непогода, которая потопила траулер, всё не уходила и не уходила. Северо-западный ветер напрочь лишил возможности погружаться и маневрировать краном у берега острова. Так что я должен был ждать. А когда погода наконец улучшилась, и я приехал сюда на катамаране, чтобы вытащить из корабля труп, – кого я нахожу вставшим на якорь прямо над кораблём на своей лодке? Да, датчанина. Он уже дважды спустился и вытащил на сушу мои пакеты и труп женщины. Я не знал, что делать, он просто стоял там ко мне спиной, и я ударил. Он упал, перелетел через борт и остался лежать в воде без движения.

– Он умер не от удара, – говорю я, с трудом удерживаясь на плаву, – Расмус утонул.

Харви молча кивает.

– Не стоило связывать их вместе.

Слышно, как вода плещется у стен, каждый раз, когда океанические течения заставляют корабль двигаться.

– My mistake^[42], – вздыхает он и выпускает струю холодного воздуха, когда откуда-то снаружи контейнера раздаётся новый хлопок. – Я взял их обоих с собой и затопил у одного из шестов на своей ферме. Видимо, они отвязались друг от друга, когда шесты трясло от шторма и в итоге вырвало. Боже, как трудно было их найти.

– Шериф с сержантом так и не появились на маяке в тот вечер, верно?

Харви качает головой, как будто стараясь очистить подсознание от

этих картин.

– Бьёрканг позвонил и рассказал, что ты нашёл её у маяка, я понял, что скоро кто-нибудь найдёт датчанина и что они отвязались друг от друга...

– И ты убил его?

– Я попросил его заехать за мной, прежде чем они отправятся к маяку, и ударил его по затылку талью, как только их лодка причалила к ферме.

– А Арнт?

– У нас с Арнтом были полупрофессиональные отношения благодаря общей любви к охоте и рыбалке. Он знал, что иногда у меня был с собой русский спирт в канистрах, которые я привозил в город. Арнт понял, что надо сделать, как только я его утихомирил. Я рассказал ему про Расмуса и Елену и убедил, что другого пути нет и что нам придётся спрятать Бьёрканга в одном из контейнеров. Мы могли сказать, что их лодка перевернулась из-за шторма, и Арнт выплыл на берег, в то время как Бьёрканг пропал в волнах.

– Арнт не смог бы жить с тем, что вы сделали.

Мои бёдра охватила дикая боль из-за постоянных попыток удержаться на плаву, и я аккуратно отцепляю от себя пару свинцовых грузиков, не отрывая взгляда от Харви и его гарпуна.

Сначала Харви молчит, только кивает сам себе, а потом снова начинает говорить, уже более тихим тоном:

– Я смотрел на него, пока он стоял ко мне спиной у отверстия контейнера, когда мы уже грузили труп Бьёрканга. Прежде чем успеть всё осмыслить, я впихнул его внутрь и закрыл за ним люк.

– И оставил его замерзать до смерти.

– Не было другого пути. No other way^[43], – восклицает Харви.

Из-за эха от его голоса с потолка снова отслаивается ржавчина и сыпется на нас.

– Харви милосердный, – фыркаю я и снова плюю, – когда ты решил впутать и меня во всё это?

– Идеальный козёл отпущения, – шипит он глухо. Лицо Харви вдруг становится бледнее, то ли из-за холода и тяжёлого дурного воздуха, то ли из-за чего-то другого, осознания, куда приведут его эти обстоятельства. – Я взял с собой шляпу Бьёрканга, когда отправился к маяку на следующий день и сделал так, чтобы полиция нашла её вместе со следами крови в баре. Просто хотел посмотреть, что будет.

– Ах, полицейская шляпа, – говорю я и притворно посмеиваюсь, – ты знал, что они свяжут её со следами крови.

Харви смотрит на меня пытливым взглядом, когда я снова смеюсь.

– Убийцы и их истории, эх, – я качаю головой и продолжаю, не дождавшись от Харви ответа, – видишь, как сложно заметить в самом себе самые незначительные вещи? Ты взял с собой полицейскую шляпу не случайно, не просто посмотреть. Это ложь. Ложь, которую ты рассказываешь сам себе, чтобы защититься... от самого себя.

– Really?^[44] – Харви чешет нос, – интересно.

– Человеческий мозг запрограммирован время от времени изменять или перенастраивать реальность. Это старейший защитный механизм, который призван помочь нам идти дальше и перерабатывать травмы и случаи насилия. Ты рассказываешь самому себе альтернативную историю, подставляя детали так, чтобы они соответствовали твоему образу себя, – мне хочется смеяться, но зубы стучат и смех застревает в горле, прежде чем выйти наружу, – поэтому ты используешь такие слова, как: вдруг, прежде чем я успел подумать, он просто упал, и так далее. Всё это полная чушь, Харви. Правда в том, что ты начал играть со мной, следовать своему плану уже в то утро, когда вёз меня к маяку, и рассказал мне историю из своего детства про то, как из вашего дома был слышен плач ребёнка, доносящийся от болот. Я не утверждаю, что ты детально распланировал всё, что произойдёт дальше, но ты знал, как далеко хочешь зайти, как только понял, что я за человек...

– What? Substance dependent?^[45] – он разводит руками, так что фонарь указывает в одну сторону, а гарпун в другую. – A drug addict?^[46]

Около секунды я раздумываю над тем, чтобы броситься на него и попытаться выхватить гарпун, но расстояние слишком большое, и Харви уже снова сводит руки – гарпун вместе с фонарём опять направлены на меня.

– Кроме того, – спокойно продолжаю я, – думаю, и Бьёрканг тебе в тот вечер не звонил, когда я нашёл женщину. Это ещё одно искажение реальной истории, которое осуществил твой мозг. Может быть, Арнт, но не Бьёрканг.

– Это имеет значение?

– Конечно. Не для меня, но для тебя, Харви. Арнт очень спешил, я бы даже сказал, был напуган, когда звонил мне. Вероятно, он уже тогда понял, что труп женщины выплыл из траулера. Может быть, он даже начал подозревать, что ты как-то связан с пропажей Расмуса. Думаю, он хотел мне это рассказать, но всё-таки решил довериться тебе и положил трубку. Потом он позвонил тебе, и ты убедил его приехать на ферму, где ты его ждал, готовый к убийству. Здесь нет случайностей, это два хладнокровных и выверенных убийства.

– Ложь, – рычит Харви.

– Wrong place at the wrong time? Никто не поверит в эту чушь, так же, как мы оба прекрасно понимаем, что ты появился здесь с гарпуном не потому, что случайно был рядом и думал о том, не поохотиться ли нам вместе на зубатку. Ты расчетливый убийца, уничтожающий жизни людей... и здесь ты снова, чтобы убивать.

В корабле раздаётся громкий треск, и на нас осыпается облако хлопьев ржавчины. Вода приобретает красноватый оттенок в пятнах света от наших фонарей на маслянистой поверхности. Харви смотрит на меня. Глаза его тёмные, пустые, а рот полуоткрыт. Мы как будто оба напряжённо ожидаем следующей сцены этой постановки на морском дне.

– Это не могло закончиться по-другому, Торкильд, – наконец шепчет он.

– А этот продолжительный спектакль в клубе? Почему ты не мог просто убить меня, как ты и поступил с остальными?

У металлических стен контейнера булькает вода. Из-за ряби новый слой ржавчины отрывается и градом опадает на нас, после чего раздаётся глухое эхо, проносящееся по днищу затопленного корабля.

– Мне нужно было отвезти на ферму Елену, я решил спрятать её в старом коровьем сарае, пока всё не уляжется. Я не мог держать её в морозильной камере в гараже всю зиму, – рассказывает Харви, когда заканчивается ржавый дождь и бульканье. – Я слышал, как ты стоишь в баре, ты говорил по телефону, и всё никак не решался принять достаточно таблеток и алкоголя, чтобы работа была сделана чисто. Я решил тебе с этим помочь. Устроить последний праздник для вас с Еленой. Видит бог, вы оба в нём нуждались.

Наконец он смеётся по-настоящему. Гогот отражается о стены, и с них снова осыпается ржавчина, а по моему телу пробегает холодная дрожь.

– Я стоял и смотрел на вас на отдалении, у бильярдных столов. Мужик, ты был просто не в себе. В стельку пьяный. И худшее из всего, – вздох рассказывает Харви и удручённо качает головой, – это то, как ты умудрился прыгнуть в море и приземлиться на единственную плавучую поверхность в радиусе десятков километров. Быть таким крупным неудачником требует особых умений.

Я веду плечами и пытаюсь изобразить презрение на лице.

– Ну что сказать? – щеки болят из-за попыток изобразить гримасу, – некоторые просто родились под счастливой звездой.

Харви аккуратно кладёт фонарь вбок, он остаётся плавать в мутной воде между нами. Он поднимает гарпун и направляет его мне в грудь.

– My friend, – хрипло шепчет он, – your luck is about to run out... [\[47\]](#)

Глава 65

Труп Елены плавает на поверхности воды в двух-трёх метрах от Харви. Вода мелкой рябью расходится под её грудью и волосами, когда Харви натягивает верёвку.

– Так ты решил закрыть меня здесь, вместе со всеми трупами? Устроить личное кладбище? У некоторых убийц бывают особые места для своих жертв, они хотят владеть ими вечно. Я говорил с парочкой таких ребят, когда был в Штатах.

– Я оказался в сложной ситуации, вот и всё. Где всё, что можно сделать, – это либо принять ситуацию, либо пойти ко дну в воронке воды. Man will fight back when he's pushed into a corner^[48], – он косится на меня, прежде чем закончить фразу, – большинство мужчин, во всяком случае.

Звуки наших голосов, отражающихся о фюзеляж, резонирующие скрипучий корпус судна, холод, ржавый дождь и тяжёлый воздух, подбирающийся к стенкам лёгких, – от всего это мне становится нехорошо, и у меня кружится голова.

– Я слышал много откровений современных убийц, Харви, – рассказываю я, пытаюсь восстановить контроль над разговором, – слишком много. Я знаю все эти слова, все механизмы, которые они используют, чтобы оправдать свои поступки и для себя самих, и для окружающих. К тому же, то, что ты говоришь, не играет никакой роли. Те призраки, которых ты пытаешься скрыть на морском дне, никуда не исчезнут. Они будут преследовать тебя до конца жизни.

Харви смотрит на меня. На этот раз он даже не пытается улыбнуться.

– Есть два типа убийц, ты об этом знал? Уверен, что нет. Не важно, скольких они убили, не это определяет, в какую из двух категорий они попадают. Знаешь, каков он? Определяющий фактор, который отличает два типа друг от друга.

– Нет, – отвечает Харви, всё ещё держа гарпун нацеленным мне на грудь, пока мы разговариваем. Мне так холодно, что говорить становится трудно, но я всё равно продолжаю, выдавливаю из себя слова сквозь стук зубов и болезненные мышечные спазмы. Только потому, что знаю, что когда разговор закончится и всё будет сказано, меня ждёт холодная сталь в гарпуне Харви.

– Их отличие в том, – продолжаю я, – что большинство убийц несут в себе груз чувства вины из-за содеянного. Совершив преступление, они

будут пытаться забыть его, вытеснить из сознания, скрыть. Но есть совершенно особая раса убийц, которые устроены иначе. Они смотрятся в свои преступления, как в зеркало. Они собирают мёртвых, мертвецы – это их трофеи. Шкала, которой измеряются все их достижения. Но ты, Харви, – ты ведь не охотник за трофеем или как?

Харви вяло качает головой, ничего не говоря.

– То, что ты сделал, вызывает у тебя боль. Она меняет тебя, это видно по твоему лицу.

Харви замер, его плечи опустились, а руки, обхватившие гарпун, слегка покачиваются на поверхности воды.

– Ты пока просто сам этого не понял, – продолжаю я увещевать, – потому что ты всё ещё внутри этого смерча, адреналин и шок после всего, через что ты прошёл в последнее время, вскипает у тебя внутри, и тобой управляет паника. Ты нападаешь на всех и вся, если это напоминает тебе о содеянном, потому что ты всё ещё думаешь, что сможешь себя отмыть, избежать встречи с прошлым.

Я осторожно подхожу ближе к Харви, пока говорю, продвигаясь, как по лезвию тончайшего ножа.

– You fucked up^[49], – шепчу я. – Мы находимся на морском дне в обломках корабля, который ты заполнил телами мертвых людей. Ты мог бы заполнить все контейнеры до единого скелетами, и этого всё равно не будет достаточно. Оно никогда тебя не отпустит. Отдел по борьбе с терроризмом приехал в город, они будут проверять данные мобильных телефонов, кто с кем говорил и когда. Скоро сюда доберётся маленькая подводная лодка, она будет рыскать по дну и, в конце концов, найдёт корабль.

– Всё ещё наладится, – отвечает он глухо.

– Прекрати молоть чушь и посмотри вокруг! – напираю я и закашливаюсь от холода. Руки трясутся и бьются о поверхность воды, а по телу пробегает дрожь, – ты плаваешь, – я осекаюсь, увидев наконечник стрелы в гарпуне, когда между нами расступается вода, – ты плаваешь здесь, в контейнере на этом корабле на морском дне вместе с трупом, который тащишь за рыболовную леску, и говоришь мне, что, по-твоему, всё снова будет нормально? Что ты, Мерете и ваш мальчишка заживёте, как прежде? Ты в ловушке своих заблуждений, Харви, я это знаю. Я тоже в неё попадался.

– Это ты живёшь заблуждениями, – отвечает Харви холодно и крепче обхватывает гарпун, – если думаешь, что эта сцена закончится по-другому.

Я знаю, что Харви прав. Но всё, что я могу сделать, – это продолжать давить, ходить кругами и продвигаться ближе и ближе, пока я ищу способ

до него достучаться.

– Они снова всплывут, эти призраки, – я прекращаю двигаться вперёд, – когда ты будешь один, когда будешь обедать со своей женой или когда будешь укладывать спать сына. Они будут там. Тебе придётся разделить их с теми, кого любишь. С Мерете и сыном.

– Они никогда не узнают.

– Твоя жена видит мёртвых. Это её работа. И ты в эти дела веришь, ты говорил это сам.

Харви несколько раз усиленно моргает.

– Они никогда не узнают, – механически повторяет он.

– А что с сыном? Что, если у него тоже дар? Что, если твои призраки перейдут к нему, когда не получают то, чего хотят, от тебя?

– Ч-что? – Харви пошатывается в воде и разводит руками, чтобы держаться прямо.

– Я видел её, Харви, – говорю я и показываю на серо-чёрный ком из плоти, который висит за его спиной на леске, – Елену. В глазах твоей жены. Я слышал её крики.

Я подобрался к нему ближе чем на метр, и понизил голос:

– Ты что, не понимаешь, – говорю я более мягким тоном, – что я знаю. Я знаю, что тебя ждёт, потому и рассказываю. Чтобы объяснить, что ты из этого не выберешься. Оно уже сидит у тебя внутри и никогда оттуда не уйдёт. Единственное, что ты можешь сделать, – это встретить в упор, признать то, что сделал, и принять на себя ответственность. Для себя, для Мерете. Для твоего сына.

Харви совсем замолчал. Позади него колышется мёртвое тело, оно движется к стене контейнера. Похоже, он размышляет и пытается навести порядок в том хаосе, который творится у него в голове. Проводя допрос, мы пытаемся привести человека к подобной развилке, когда подозреваемый должен сделать выбор: продолжать врать или изменить свои показания и признаться, расстаться с ложью и взять ответственность на себя. Впрочем, я с горечью признаюсь себе, что если результат будет иным, то последствия будут совсем не такими, как обычно, учитывая, что мы на морском дне, а подозреваемый – это человек, который убивал много раз и держит в руках гарпун.

В конце концов, Харви снова поднимает глаза на меня. Я сразу вижу в них, что он принял решение. Харви не собирается признаваться или брать на себя ответственность за что бы то ни было. Он не такой человек.

– Видят Небеса, – шепчет он хрипло и снова поднимает гарпун, – всё, что ты должен был сделать, – это прыгнуть в море.

Я готовлюсь рывком уйти под воду в попытке избежать стрелы, но Харви уже спустил курок. Я чувствую, как стрела проходит сквозь мою руку и вонзается внутрь, промеж рёбер, и меня ударом отбрасывает назад.

– Я просто помогаю тебе сделать то, что ты не сумел сделать сам, – слышу я крики Харви откуда-то из темноты. Боль в груди настолько сильная, что мне хочется кричать, но каждый раз, когда я открываю рот, он наполняется морской водой. Стрела прибила руку к торсу, и я чувствую жгучую боль в подмышке.

– Was that a hit or a miss?^[50]

Я замечаю Харви с другой стороны контейнера. В его руке красная верёвка, которую он тащит за собой.

– Found you^[51]! – торжествует он и натягивает леску. – And that's a hit!^[52] – восклицает Харви, а потом изо всех сил тянет её.

Я кричу, пока Харви тащит меня к себе. Жгучая боль нарастает в подмышке и охватывает всю грудь целиком. Как будто кто-то вырывает из неё лист плоти. Я поворачиваю голову, пока Харви потягивает меня к себе, и успеваю заметить кончик стрелы, который торчит из задней части подмышки.

Я пытаюсь свободной рукой остановить движение, но это не помогает. Вдруг я вспоминаю, что у меня есть подводный нож, который привязан к бедру, – я пытаюсь его нащупать и одновременно удерживать голову над водой.

Мёртвое тело за Харви слегка толкается вперёд, пока Харви подбирается ещё ближе. Он тянет меня к себе, как будто я – рыба.

Харви всего в паре метров, когда я наконец нащупываю ножны. Я пытаюсь вытащить нож, а Харви продолжает натягивать леску, и меня тянет лицом к нему.

Раздирающая боль в груди резко прекращается, когда я наконец достаю нож и разрезаю леску гарпуна. Я с большим трудом гребу свободной рукой и ногами, пока не привожу свое тело в вертикальное положение.

– And what are you gonna do with that little ting?^[53] – спрашивает Харви, заметив нож, который я держу перед собой. Я понимаю, что нет никаких шансов сделать что бы то ни было, пока у меня свободна только одна рука, пусть в ней и нож. Харви отпускает разорванную леску, снова поднимает гарпун и направляет оружие на меня. Сквозь свет фонаря я вижу, что он достал новую стрелу из чехла на бедре и вставляет его в створ. А потом начинает нагнетать давление.

Я беру разбег, поворачиваюсь на спину и гребу ногами, чтобы выбраться отсюда. Я вижу, что Харви следует за мной.

– What’s the matter, why are you trying to get away? I thought you wanted to die?^[54]

За ним снова натягивается верёвка, и труп тащится за ним по воде.

Я делаю ещё несколько гребков, но потом сдаюсь. Ноги очень замёрзли, а из-за боли в груди я задыхаюсь. Я пытаюсь держаться на плаву, пока кашляю и плюю желудочной кислотой.

Харви останавливается в паре метров и прицеливается. Он светит на меня фонарём, зажав его локтем, а другой рукой держит гарпун.

– Чтоб ты сдох! – задыхаясь, кричу я, и чувствую, как горло наполняется кровью. Я поднимаю руку с зажатым ножом над водой в жалкой попытке защититься от того, что сейчас произойдёт.

– Прости, Торкильд.

Харви поднимает гарпун над водой и целится мне в грудь. За его спиной раздаётся громкий всплеск. Я вижу, как труп Елены подплыл к нему совсем близко и болтается прямо за спиной. Он тоже это замечает и оборачивается, чтобы посмотреть.

Мёртвое тело, кажется, запуталось в верёвке между ними, и, повернувшись, Харви подтягивает труп ближе, вдруг он поднимается из воды и падает на него.

– А-а-а, – взывает Харви и, испугавшись, стреляет. Я вижу, как стрела проходит сквозь живот Елены и выходит с обратной стороны. Харви отпускает гарпун, продолжая крутиться в воде и кричать ещё громче. Он пытается руками сбросить с себя тело и отплывает назад. Но ему не удаётся высвободиться, и верёвка между ними натягивается сильнее, их тела всё крепче и крепче свиваются друг с другом, а отчаянные крики Харви эхом проносятся по всему контейнеру.

Фонарь Харви, оказавшийся внутри этого бесформенного кома из рук и ног, светит на поверхность тонкими лучами света. Харви машет руками и бьёт по мёртвому телу, пытаясь от него освободиться. Одновременно с этим слышатся вздохи и булькающие гортанные звуки, после чего по контейнеру разносится глухой вопль. А потом два тела падают в воду и исчезают.

Глава 66

Время от времени к поверхности воды всплывают пузыри в том месте, где Харви и женщина без лица ушли под воду. Где-то под водой виднеются две бледные полосы света, бегают, как солнечные зайчики, но ни Харви, ни Елену уже не разглядеть.

От груди, в которой сидит стрела, по всему телу ползёт онемение. Ноги всплывают к поверхности, а диафрагма и бёдра, на которых висят оставшиеся грузики, тянут меня ко дну. Сырой горький воздух обжигает лёгкие и вызывает пронзительные приступы удушья.

Я пытаюсь найти мундштук от баллонов с воздухом свободной рукой, а тело из-за центробежной силы клонит в сторону. Я стараюсь изо всех сил, гребу свободной рукой и ногами, пытаюсь вернуть тело в вертикальное положение. Эти движения делают боль в груди и в подмышке ещё сильнее.

Обернувшись вокруг себя трижды, я внезапно чувствую, как кончиков пальцев касается что-то мягкое. На этот раз я остаюсь лежать в воде лицом вниз, пытаюсь удерживать воздух и не двигаться, и вытягиваю шланг от мундштука. Лёгкие в шаге от того, чтобы взорваться, когда я наконец хватаю резиновый наконечник мундштука и вставляю его в рот.

Всё это напряжение лишило меня сил. Я почти перестал чувствовать свои ноги, а тело моё тащит вниз. Я догадываюсь, что нужно отвязать оставшиеся грузики вокруг бёдер, иначе я пойду ко дну и так там и останусь.

Дышать через мундштук теперь стало сложнее, то ли потому, что в баллоне скоро закончится воздух, то ли потому, что стрела пробила мне лёгкое. Панель инструментов, которая указывает, сколько у меня осталось воздуха, привязана к руке, а рука прибита к груди гарпуном. Поэтому проверить, сколько у меня осталось воздуха, невозможно. К тому же не получится и заменить баллон на резервный, имея только одну свободную руку.

Подо мной всё ещё светит фонарь Харви. Солнечные зайчики пропали, осталось только пятно света в форме звезды среди темноты. Во время всех этих перипетий я потерял маску, и светодиодный фонарь на ней, наверное, сломался. Жёлтый огонёк внизу – единственный источник света, который я вижу. Я пытаюсь сфокусировать взгляд, но меня начинает всё сильнее клонить в сон. С каждым движением сопротивляться всё сложнее.

Свечение подо мной из тёмно-жёлтого становится более белым и

чистым с каждым новым взглядом. Через какое-то время я уже не в силах держаться вертикально. Тело кренится, а ноги поднимаются кверху, и я переворачиваюсь набок. Повернуться обратно мне не удаётся, и я просто вишу над водой, на грани потери сознания, а тело кружится по кромке воды.

Вокруг меня тихо. Я понятия не имею, в воде я или над водой. Я не чувствую своих пальцев, единственное, что я чувствую, – это боль в груди и подмышке. Я пытаюсь подвигать свободной рукой и ещё раз развернуться. Губы онемели и я сам, мундштук я тоже не чувствую, кусая резиновую прокладку.

Внезапно глаза открываются, когда откуда-то с корабля доносится громкий стук, и металлическая конструкция дрожит от ударов, из-за которых сверху снова сыпятся хлопья ржавчины. Лицо снова оказывается над водой, и я вижу тень, она выделяется в темноте, как будто надо мной повис какой-то человек, а на языке осел вкус парфюма.

Я моргаю, снова и снова, пытаюсь смыть дурман и грязную проржавленную воду, а тень плывёт ко мне.

– Кто ты? – спрашиваю я, не шевеля губами, и продолжаю двигаться, тонуть и снова всплывать над водой, терять и снова приходить в сознание.

Никто не отвечает. Волна тепла прокатывается по телу, когда тень спускается с потолка и проплывает мимо меня. Я трясую рукой и гребу, чтобы повернуться к тени, которая теперь оказалась подо мной. Я пытаюсь за неё схватиться, притянуть её к себе вместе с теплом. Вместо этого я начинаю тонуть.

Не уверен, двигаюсь ли я вообще, или то, что я вижу, – это просто моя оболочка, тонкая мембрана прозрачной эктоплазмы, которая вытекает из умершего тела и смешивается с морской водой. Но я всё равно продолжаю дрыгать ногами, царапаться и двигаться вперёд под ржавым дождём, закусив мундштук так сильно, как только могу.

Где-то подо мной снова загорается жёлтый свет. На короткое мгновение я снова вижу Харви и Елену в отсвете лучей от фонаря между двумя мёртвыми телами, связанных друг с другом верёвкой Харви. Его глаза широко открыты и смотрят в темноту с выражением ужаса, а тела качаются вместе в такт морской воде. Внезапно её лицо приподнимается, и их лица встречаются; её чёрные волосы расправились веером, их несёт дальше, но свет фонаря пропадает.

Перед собой я вижу люк контейнера недалеко от Арнта, который лежит на дне лицом вниз, отвернувшись от меня. Труп Бьёрканга я не вижу. Вскоре я выплываю из люка туда, где пол устлан трупами рыб. Тень в

медленном темпе плывёт дальше вдоль фюзеляжа корабля. Она неизменно остаётся как раз на границе моей зоны видимости. Периодически она оборачивается вокруг себя, а иногда её как будто трясёт, и мерцающий тёмный свет указывает ей дорогу наружу из серости затонувшего корабля.

Мы следуем за дорожкой из мёртвой рыбы, мимо вырванного навигационного мостика и направляемся к голубому источнику света над нами. Чем ярче становится свет, тем сильнее я гребу, царапая воду рукой, чтобы скорее всплыть. Я случайно вырываю мундштук изо рта, но почти этого не замечаю. Каждая клеточка моего тела сосредоточена на этой голубой точке, на тепле, которое она излучает.

Я прорываю поверхность воды и посылаю в небо хриплый гортанный вопль. Морская вода льётся из носа и рта, пока я лежу на поверхности и кричу от счастья. Небо всё ещё светлое, и пусть воздух душный, но здесь всё равно в тысячу раз светлее, чем там, откуда я только что выплыл. Тень пропала, остался только лёгкий привкус парфюма на кончике языка.

Я вижу перед собой лодку Юханнеса и катамаран Харви. Они пришвартованы друг к другу. Я всматриваюсь, но не могу найти Юханнеса, пока плыву к лодкам и начинаю трудоёмкий процесс по подъёму на борт по лестнице.

Как только я переступаю через борт, я его нахожу. Юханнес лежит на днище лодки между рулевой консолью и носом. У него над ухом глубокая рана. Под ним плещется окровавленная морская вода.

– Юханнес, – задыхаясь, кричу я, подойдя к сиденью. Я наклоняюсь над спинкой кресла, кашляю, отрываяю и всхлипываю, – Юханнес!

Я снова сплёвываю кровь с солёной водой и падаю перед ним на колени.

Я кладу два пальца ему на сонную артерию и чувствую слабый пульс.

– Не умирай, чёрт возьми, – рычу я, а потом начинаю ползать по лодке в поисках своих вещей. Наконец я нахожу мобильный телефон. Скользя, я снова подбираюсь к Юханнесу и облакачиваюсь о нос лодки не задетой гарпуном стороной, набирая трясущимися пальцами экстренный номер полиции. Закончив, я кладу телефон на колени и хватаю Юханнеса за руку.

Вскоре я чувствую коленями слабую вибрацию. Где-то надо мной кричит чайка. Я открываю глаза и понимаю, что это звонит мобильный. Незнакомый номер из Ставангера. Я отпускаю руку Юханнеса и беру трубку.

– Да, алло, – завываю я, пытаюсь удержать мобильный у уха.

– Торкильд Аске?

– Думаю, это он, – хрипло шепчу я.

– Привет, Торкильд. Это Ильяна из социальной службы Ставангера. У тебя сейчас есть пара минут?

– Надеюсь, что да, – отвечаю я и кашляю в трубку, – искренне надеюсь.

– Ты к нам заходил на прошлой неделе и запросил статус безработного, помнишь? Ну вот я и звоню тебе сегодня, чтобы рассказать, что я уже договорилась о собеседовании в одном отделе кадров здесь в городе. Это большая телекоммуникационная фирма, которой нужны люди в отделе обслуживания клиентов в Форусе. Ну разве не здорово?

Я зажимаю телефон между пальцев, кладу голову на бортик и притягиваю к себе руку Юханнеса.

– Чёрт, – бормочу я, крепко сжимая его руку в своей, – мне ни за что не успеть на допрос в полицию...

Четверг

Глава 67

Когда включается моторчик в койке, я вздрагиваю и чувствую, как моё тело медленно поднимается вверх. Я пытаюсь изменить своё положение, и сразу приходит сильная боль в груди.

– А вот и ты, – говорит крупный мужчина, он нависает над краем кровати, как пещерный медведь, – ты повернулся, пока спал, – сообщает он и осторожно кладёт руку мне на плечо.

– Где я? – сонно спрашиваю я и пытаюсь вспомнить хоть какие-то события, которые привели меня сюда.

– В реанимационном отделении университетского госпиталя Трумсё, – отвечает мужчина. – Разве ты не помнишь, как мы утром отключили тебя от аппарата искусственного дыхания?

Я осторожно качаю головой.

– Так, – продолжает мужчина, приподнимает моё плечо и кладёт за спину подушку.

– Что ты делаешь? – я сопротивляюсь, пока в груди снова не возгорается острая боль, и я начинаю судорожно откашливаться, сотрясая койку.

– Эй, расслабься, – протестует мужчина, – я просто тебе помогу. Ты перевернулся на спину, пока спал, – продолжает он, – тебе нужно лежать на боку, ты разве не помнишь, как мы об этом сегодня уже говорили?

На этот раз я не даю отпора, и врач укладывает подушку так, чтобы я почти полностью опёрся о левый бок.

– Кстати, я собирался передать тебе привет от доктора Берга из травматологии, – говорит мужчина. Он обходит кровать и встаёт с другой стороны, – он сказал, что ты был скорее мёртв, чем жив, когда попал к ним вчера вечером. И ты и твой друг.

Он делает небольшую паузу и продолжает:

– Он попросил меня рассказать тебе, что больше не хотели бы видеть тебя в «скорой помощи», что тебе нужно с кем-то хорошенько поговорить, лучше с профессионалом, о том, что происходит с твоей жизнью.

– Да, – стону я, – понимаю. А...

Я пытаюсь увлажнить губы кончиком языка, а доктор подаёт мне стакан воды с ночного столика.

– Тот второй, – начинаю я, – тот, с кем я приехал. Где он?

– И он тоже здесь, в другой палате. Повреждение головы, потерял

много крови, лёгкая гипотермия, но он стабилен. Эти старики, они-то удар хорошо держат.

Я смотрю на свою грудную клетку. На неё наложен крупный компресс между электродами, которые подключены к монитору и измеряют сердечный ритм. На правом запястье, в месте, где его пронзил гарпун, наложен гипс, а ещё к одному пальцу прицеплен датчик сатурации крови.

– Насколько тяжёлое у меня состояние? Кажется, на этот раз я не отделался парой царапин.

– Ну, – говорит врач и делает вдох, – стрела гарпуна сломала третью пястную кость и повредила четвёртую, когда вошла в руку, – поэтому и гипс. Прогноз хороший, мы немного вправили кости, прежде чем гипсовать руку. Всё ещё есть возможность повреждения нервов или сухожилий, но сейчас прогноз неплохой. Гарпун прошёл между двух рёбер в стороне от лобус медиус, то есть верхней доли лёгкого, и вышел через подмышку. Поэтому мы наложили грудной дренаж, чтобы предотвратить заполнение грудной полости кровью.

– Интересно, – говорю я недоверчиво.

– Тебе невероятно повезло, Аске. Хотя бы то, что стрела гарпуна обошла стороной все нервные центры, ганглии и просто задела крупную артерию, которая снабжает кровью руку, – практически чудо. Конечно, всё ещё присутствует определённый риск долгосрочных последствий, касающихся чувствительности правой руки, но всё же. Прогноз хороший.

– Когда меня выпишут?

– Ты пробудешь пару дней здесь. Чтобы убедиться, что всё в порядке. В остальном ты можешь наслаждаться тишиной и отдыхать.

Он идёт вдоль койки по направлению к выходу, но останавливается в дверях и поворачивается:

– Кстати, чуть не забыл. К тебе посетитель.

– Кто это?

– Полицейский. Если хочешь, я могу сказать, что...

– Всё нормально, – отвечаю я и тянусь за стаканом воды. Во рту сухо. Язык распух, и вкусовые рецепторы, кажется, отключились.

– Будь здоров, – Гюннар Уре поднимает перед собой бумажный стаканчик и встаёт у ног кровати, – наш местный Эркюль чёртов Пуаро или как теперь?

– Иди к чёрту, – кашляю я.

– И ты тоже.

– Отлично, можем поехать туда вместе, когда я отсюда выйду.

– Да, вот-вот, – Гюннар Уре подтаскивает себе стул к краю кровати, к

которому я повёрнут, – ну и как наш малыш? – спрашивает он и наклоняется надо мной.

– Как видишь, – я приподнимаю одеяло и показываю ему компресс и электроды на груди, – никогда не чувствовал себя лучше. Кроме всего прочего, меня вызвали пройти собеседование на увлекательную должность заместителя специалиста по работе с клиентами в коммуникационной компании. Говорят, они ещё и подписывают долгосрочный контракт, стоит только засучить рукава и работать.

Гюннар Уре качает головой.

– Я и не догадывался, – восклицает он, – ну кто мог знать, что в тебе есть эта жилка, а? Я ведь всегда думал, что ты из тех, кто воюет против ветряных мельниц и любит разговором доводить людей до смерти.

Он снова качает головой.

– Вот это да, – он снова встаёт и ставит стул туда, откуда взял! – Ну, приятель, я просто зашёл напоследок, прежде чем снова уеду на сборы. И ты помнишь, что ребята хотят с тобой поговорить, так?

Я киваю.

– Просто хотел сказать, что немного расчистил для тебя путь там, в участке, поговорил со Свердрюпом и парнями из антитеррористического отдела, немного рассказал им, кто ты, точнее, кем ты был когда-то, чтобы они обращались с тобой, как ты этого заслужил, когда сейчас разгорится скандал.

– Спасибо.

– Нет-нет-нет. Это ничего между нами не меняет. Но никто другой не скажет им, что ты сделал кое-что хорошее, пока был здесь, никто, и если твоё имя появится в газетах рядом с моим, то сам знаешь, что будет, – он ставит чашку с кофе на ночной столик и стучит костяшками по металлической пластине в боку кровати. – Поправляйся, уезжай отсюда и держись подальше. Хорошо?

– До встречи, Гюннар.

– Нет, – опять возражает он. – Нет, Торкильд. Давай я повторю ещё раз для тех, кто в танке, – он наклоняется прямо над моим лицом и сквозь зубы цедит: – Поправляйся, уезжай отсюда и держись подальше. Понятно? Ты больше не полицейский, – он опять поднимается, встаёт перед кроватью и разводит руками, – ты... пенсионер.

– Потенциальный специалист по работе с клиентами с видами на долгосрочный контракт, – кричу я вслед.

– Ой, иди к чёрту, – Гюннар Уре исчезает за дверью и, насвистывая, марширует по коридору к лифтам.

– Ты тоже, – шепчу я и беру его кружку с горячим кофе, – ты тоже.

Глава 68

Голос Анникен Моритцен кажется напряжённым, когда она берёт трубку. Рядом с ней звенят бокалы и столовые приборы и слышен голос какого-то шведского певца на заднем плане.

– Я пыталась до тебя дозвониться весь день. Я скоро выезжаю и...

– Извини. Я был... занят.

– Ты всё ещё там?

– Анникен, я знаю, что произошло с Расмусом, – говорю я.

– Что? – на другом конце закрывается дверь и приглушается музыка, – что ты сказал?

– Ты, конечно, была права, – объясняю я. – Расмус не был ни в чём замешан. Он отправился на погружение, как ты и говорила, а потом нашёл что-то, чего ему находить не следовало. Это стоило ему жизни.

– Кто это сделал?

– Это не играет роли. Он мёртв.

Повисает пауза, так тихо, что чуть-чуть, и можно будет расслышать ставангерский дождь на другом конце.

– Зачем? – спрашивает в итоге Анникен, – зачем... надо было его убивать?

– Мы продолжим разговор, когда ты приедешь. Боюсь, я не встречу тебя в аэропорту, но завтра...

– Я не могу лететь туда одна, – говорит она, – мне нужно попасть на маяк, нужно собрать вещи Расмуса, нужно...

– А Арне не может полететь?

– Нет, он в Хьюстоне и не вернётся до завтрашнего вечера.

– Позвони Ульффу. Он всё равно сядет на первый же рейс и приедет сюда, как только узнает, что я в больнице. Снова. Я встречу вас завтра, ну или тогда, когда меня отсюда отпустят.

Остальное я не хочу рассказывать по телефону. Я просто хочу, чтобы она знала: процесс закончен, и ей открыта дорога для того, чтобы встретиться со своей скорбью. Что ей больше не нужно не спать ночами, надеяться, мечтать о том, чего уже нет, а вместо этого пришло время горевать. Важно не бояться переживания утраты, а наоборот – впустить его. Оно связывает то, что есть, с тем, что было. Позволяет идти дальше, не сбиваясь с дороги. Я мог бы сказать ей об этом, сказать, что я тоже был там, но это не помогло бы. Каждый должен сам к этому прийти. Когда готов.

Я нахожусь в глубоком сне, снова на дне траулера вместе с Харви, когда раздаётся телефонный звонок.

Я тру глаза, чтобы прогнать из воображения дикий взгляд Харви, когда сзади него поднимается Елена. Эти отчаянные крики все ещё звенят у меня в ушах, когда я беру трубку.

– Да, Аске слушает, – отвечаю я.

– Ты его нашёл, – говорит Арне Вильмюр.

– Ещё одна могила, – я поднимаюсь на кровати, – как ты и просил.

– Как я и просил, – фыркает Арне Вильмюр себе под нос, – как будто кто-то хотел для себя такого.

– Извини, Арне. Я бы хотел...

– Тут не за что извиняться, Торкильд. Ты сделал то, чего я от тебя и хотел. Не подумай, что я тебя упрекаю, даже за то, что случилось с Фрей. Ты просто был тем фактором, который ворвался в наши жизни и изменил всё. Тот самый фактор, который теперь вернул нам Расмуса. Одно нельзя сравнить с другим, но я благодарен тебе за то, что скоро он вернётся домой. Что у меня с Анникен есть место, куда прийти. В этом радость, в этом печаль. Сейчас всё обстоит так.

– Как ты думаешь, она... – я начинаю фразу, но не договариваю.

– Что? – спрашивает Арне. – Любила тебя?

– Да.

Арне Вильмюр смеётся коротким безрадостным смехом. Голос его хриплый и гортанный.

– Фрей была влюбчивой. Слишком влюбчивой, – добавляет он, – но я думаю, что ты знаешь ответ на свой вопрос лучше нас всех, разве нет? Только вы двое знаете, что случилось в той поездке на машине и куда вы ехали. Я бы хотел сказать больше, но не могу. Время заканчивать. Будь счастлив, Аске.

Глава 69

В комнате темно. Горит только небольшая лампочка над раковиной за моей спиной. Я слышу, как скрипит дверь моей палаты, а потом её аккуратно закрывают с лёгким щелчком. Затем в комнату проскальзывает сгорбленная тень.

Женщина бесшумно обходит кровать и оказывается в свете лампочки над раковиной, я узнаю это лицо и металлический фиксатор.

– Мерете, – шепчу я и наклоняюсь вперёд.

Она подъезжает к ночному столику и берёт меня за руку, вытаскивает её из-под одеяла и кладёт в свои ладони. Когда я смотрю в её глаза, мне становится легче. Этот взгляд я знаю слишком хорошо, по утрам я встречаю такой же в зеркале. Мерете недолго смотрит на меня, а потом достаёт блокнот и берёт ручку.

«Как можно жить совершенно другой жизнью, параллельной с той, которой вы живёте вместе?» – написано в блокноте, который она поднимает передо мной.

Я закрываю глаза, пытаюсь прогнать осевшие в голове образы Харви и Елены, тесно переплетённых друг с другом, на дне контейнера. Когда я снова открываю глаза, то вижу, что Мерете снова пишет:

– Харви думал, что должен так поступить, – объясняю я, пока она пишет, – для тебя и для сына, но...

Мерете снова поднимает блокнот:

«Я вижу его на заднем плане, когда закрываю глаза. Он как будто не решается ко мне подойти».

– А Фрей? – хрипло шепчу я, – ты всё ещё её видишь?

Мерете смотрит на меня и снова начинает писать.

Я киваю, увидев слово в блокноте, а потом взгляд поднимается вверх, над головой Мерете, к занавескам, которые почти полностью зашторены. Я едва различаю контуры горной вершины под дождевыми облаками, которые несутся прочь по ночному небу за окном. На секунду мне кажется, что я разглядел кое-что среди плывущих облаков – слабое серебристое свечение, скрытое за серо-чёрным хаосом, а потом на смену старым облакам приходят новые.

Вскоре всё небо становится чёрным.

notes

1

Ты, желающий боль превозмочь, должен узнать, что делает меня мягче
(англ.).

Ты говоришь, что убежала от меня, но я чувствую твоё дыхание
(англ.).

Ни капли (*англ.*).

4

Согласен с предыдущим оратором (*англ.*).

He-a (*англ.*).

Шпионские штучки? Что, правда? *(англ.)*

Копы стали плохими парнями (*англ.*).

Ты меня теряешь, дружище (*англ.*).

Без проблем, мужик (*англ.*).

Великолепно (*англ.*).

«Танцуем, прижавшись друг к другу» (*исп.*) – испанская песня, исполненная на Евровидении в 1991 году.

Ещё как, мать твою, боюсь (*англ.*).

Я должен спросить (*англ.*).

Полностью (*англ.*).

Ага, вот ты что затеял! Да тут настоящие детективные штучки (*англ.*).

Пока нет (*англ.*).

От разбитого сердца (*англ.*).

Алло? Мистер Аске, не так ли? *(англ.)*

Он самый (*англ.*).

Жуткое дерьмо (*англ.*).

Ночь взрывается, когда мы вместе. Не выдержав эмоций в разгаре страсти (*англ.*).

Возьми меня, я твоя. Возьми в свои руки. Никогда не отпускай.
Сегодня я хочу знать (*англ.*).

Скажи моему сердцу. Скажи, что я единственная. Это любовь или просто игра? *(англ.)*

Я никогда тебя не брошу. Никогда не подведу. Нигде не буду бродить, оставив тебя одну (*англ.*).

Оставъ, отпусти. Никогда не отпущу, никогда (*англ.*).

Гамма-гидроксibuтират.

Мне стыдно, потому что сейчас я не понимаю, какой я. А мне ведь 43
(англ.).

Мне говорят, что надо больше гулять и всё время пить воду, но, кажется, это не работает, потому что ты все ещё ко мне не вернулся (*англ.*).

Почему ты меня больше не любишь? (англ.).

Скажи, почему ты меня разлюбил? Если вдруг ты не услышал прошлого вопроса... Скажи, почему ты меня разлюбил?» (англ.).

«Я только заехал узнать, в каком состоянии моё состояние» (*англ.*).
Кенни Роджерс, «Just dropped in», – известная контркультурная песня 60-х гг.

Да (исп.).

Конечно, подруга (*исп.*).

«Две гардении», классика кубинского болеро.

Спокойствие (*исп.*).

А вот это уже называется отвал башки (*англ.*).

Огромных масштабов, я прав? (*англ.*).

Деньги, деньги, деньги (*англ.*) – название известной песни группы ABBA.

Ну, вот здесь всё становится немного сложнее (*англ.*).

Секс, наркотики и рок-н-ролл (*англ.*).

Не в то время и не в том месте, дружище (*англ.*).

Моя ошибка (*англ.*).

Нет другого пути (*англ.*).

Правда? (англ.)

Какой человек? Зависимый? (англ.)

Наркоман? (англ.)

Дружище, сейчас твоей удаче придёт конец (*англ.*).

Мужчина даст отпор, если его зажали в углу (*англ.*).

Ты облажался (*англ.*).

Попал или промазал? (англ.)

Вот ты где! (*англ.*)

Я попал! (англ.)

А что ты собираешься сделать с этой штучкой? (*англ.*)

В чём дело, почему ты пытаешься сбежать? Я думал, ты хочешь умереть (*англ.*).